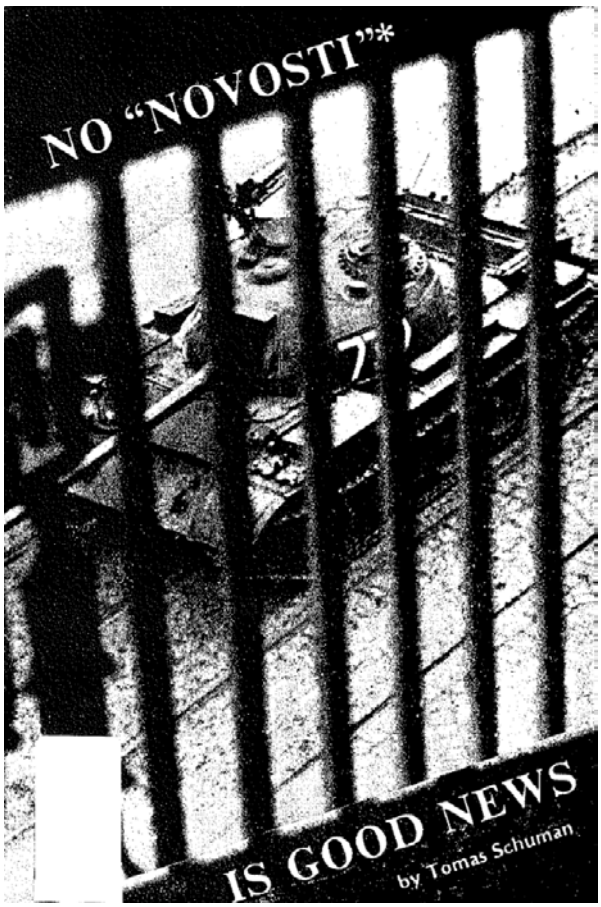
Томас Шуман (Юрий Безменов)

НЕТ «НОВОСТЕЙ» – ХОРОШИЕ НОВОСТИ



No «NOVOSTI»* is Good New by Tomas Shuman

ALMANAC, Лос-Анджелес, 1985 год.

**Слово «Novosti» означает в переводе с русского языка на английский «news». Но это также название организации прикрытия советского КГБ, занимающейся шпионажем, пропагандой, дезинформацией и подрывной деятельностью. Сеть Агентства печати «Новости» (АПН) распространяет свои щупальца по всему миру. Эта организация служит окончательной цели коммунистической элиты – мировому господству. Я работал на нее.*

Томас Дэвид Шуман,
бывший агент АПН-КГБ

Оригинал: Thomas Shuman, No NOVOSTI Is Good News; Almanac, Los Angeles, 1985.

Перевод с английского: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2016 г.

Об авторе:

Юрий Александрович Безменов, также известный под именем Томас Дэвид Шуман (на английском: Tomas David Schuman), родился в 1939 году в городе Мытищи (Московская область, СССР); умер в 1993 году в городе Виндзор (Онтарио), Канада – специалист советской пропаганды, дезинформации и подрывных действий, сотрудник КГБ, работал в Агентстве печати «Новости», посольстве СССР в Индии. В 1970 году бежал на Запад, где некоторое время жил под именем Томас Шуман. После того, как КГБ вычислило его – публично раскрыл некоторую информацию о советской пропаганде и диверсионной деятельности в интервью, лекциях и нескольких брошюрах.

Родился Юрий Безменов в 1939 году в городке Мытищи, пригороде Москвы. Отец был офицером Генерального штаба Советской армии. Безменов учился в Институте восточных языков МГУ на специализации индийской культуры и индийских языков. После завершения обучения был окончательно завербован КГБ. Первое назначение было в Индию переводчиком в советской группе экономической помощи, занимавшейся строительством нефтеперерабатывающего комплекса в штатах Бихар и Гуджарат. После примерно двух лет (в 1965) был отозван обратно в Москву, где назначен в отдел политических публикаций Агентства печати «Новости». Как рассказывает Безменов, около 75% работников агентства на самом деле были действующими офицерами КГБ, а остальные контролируемыми КГБ авторами, PR-специалистами, информаторами и т.д. Также в агентстве «Новости», на самом деле, не было никаких новостей. Он говорил, что будучи журналистом, у него такой функции, как освещение новостей, не было. Основная его функция, кроме написания, редактирования и перевода пропагандистских материалов, которые должны были распространяться в иностранных СМИ, заключалась в сопровождении иностранных делегаций, их спаивании, «промывании им мозгов» и выполнении другой работы, чтобы они понесли в свои страны ту информацию и мнения, которые были нужны для осуществления СССР идеологической диверсии. Далее попеременно работал в

Агентстве печати «Новости» в Москве и в советском посольстве в Индии на должности пресс-офицера, позже – пресс-атташе.

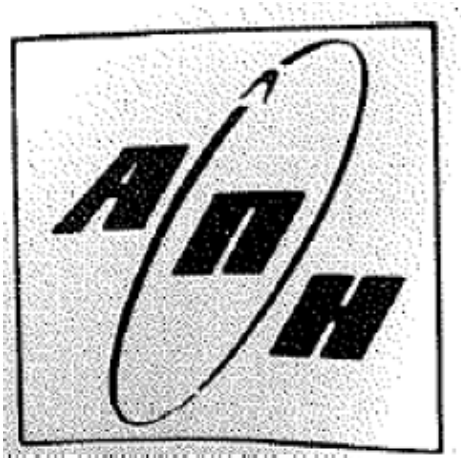
В 1970 году из Индии Безменов бежал в Канаду. По словам Безменова, он не мог доверять никому: ни индийской полиции, ни сотрудникам посольства США или других стран, поскольку советского перебежчика могли сдать. Его бегство выглядело просто как исчезновение. Он принял образ хиппи, которые массово гуляли рядом с посольством, присоединился к их группе и через некоторое время покинул страну. ЦРУ помогло Безменову «перевоплотиться» в другое лицо – Томаса Шумана. В интервью причину своего бегства Безменов объяснял так:

«Лично я никогда материально НЕ страдал от коммунизма просто потому, что вырос в семье высокопоставленного военного офицера. Большинство дверей было открыто для меня, большинство расходов оплачивались правительством... Главной причиной моего побега был моральный протест против бесчеловечных методов советской системы. Я протестовал, прежде всего, против притеснений наших диссидентов и интеллектуалов... Во-вторых, когда я начал работать в советском посольстве в Индии, то с ужасом обнаружил, что мы в миллион раз являемся большими угнетателями, чем какая-либо другая колониальная или империалистическая сила в истории человечества. Что моя страна привносит в Индию не свободы, прогресс и дружбу между народами, а расизм, эксплуатацию, рабство, а также экономическую неэффективность. Поскольку я полюбил Индию, то обнаружил в себе нечто, что по стандартам КГБ очень опасно и называется «расколотая лояльность». Это когда агенту страна назначения нравится больше, чем собственная. Я буквально влюбился в эту прекрасную страну, страну значительных контрастов, но также большой смиренности, большой терпимости и также философских и интеллектуальных свобод. Мои предки еще жили в пещерах и ели сырое мясо, в то время как Индия была высокоразвитой нацией шесть тысяч лет назад. Поэтому, очевидно, выбор был не в пользу моей собственной страны. Я решил бежать и полностью отделить себя от грубого режима».

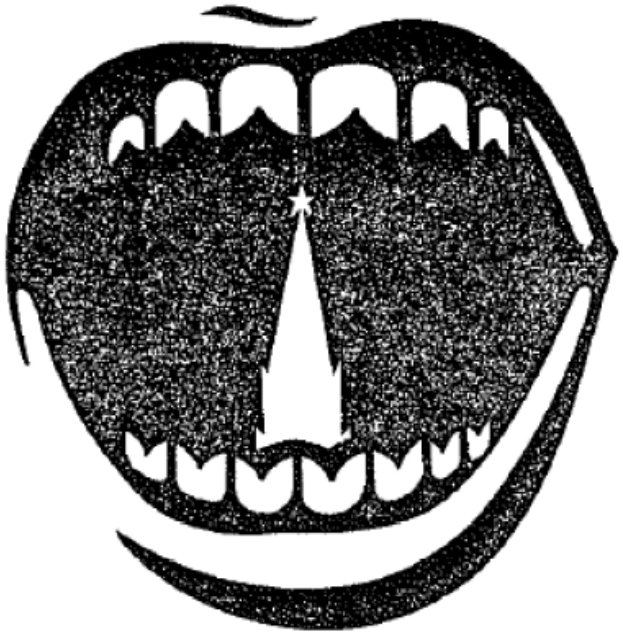
В своих лекциях, интервью и брошюрах Безменов описывал методику работы Советского Союза со странами, которые надо было ослабить и покорить. Это процесс идеологической диверсии. Безменов подчеркивал, что речь идет не о шпионаже. «Если обобщить все время, деньги и усилия КГБ, направленные за пределы СССР, то мы увидим, что на шпионаж из них расходуется только 10-15%. Остальное же идёт на идеологическую диверсию, которая в большинстве своём осуществляется средствами, которые не противоречат законам свободных стран, и, просматривается только если дать себе немного времени, усилий и проницательности, чтобы ее увидеть».

О смерти Безменова в Канаде было сообщено в 1993 году, но свидетельство о смерти выглядело «странным, подозрительным и неконкретным», из-за чего возникла версия, что смерть его была имитацией.

(Из Википедии)



Эмблема Агентства печати «Новости»



ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Какого рода «агентством печати» являются «Новости»?

2. Что они подразумевают под «пропагандой»?

3. «Новости» от крыши до подвала, вещи и люди между ними

4. «Кухня» агентства «Новости», или, лучше сказать, «туалет вне дома»?

5. Один день из жизни служащего «Новостей»

6. Кто такие иностранцы?

7. Лояльный и преданный пасынок (или как быть завербованным в КГБ)

8. Поездка для журнала «Look»

9. Ни одного зайца двумя выстрелами

10. Во имя мира во всем мире

11. Заря «разрядки»

Рисунки на обложке и внутри книги созданы советскими художниками-диссидентами Вячеславом Сысоевым и Борисом Мухамедшиным.

КАКОГО РОДА «АГЕНТСТВОМ ПЕЧАТИ» ЯВЛЯЮТСЯ «НОВОСТИ»?

Это – «информационное агентство советских общественных организаций», – говорит официальный устав, созданное, «чтобы содействовать миру и взаимопониманию между странами мира». (1) С тех пор, как Агентство печати «Новости» (АПН) было создано в феврале 1961 год, едва ли хоть один год прошел без скандальных доказательств того, какого именно рода «общественные» организации используют АПН и для какой «информации».

В 1963 году правительство Республики Конго (Киншаса), сегодня – Заир, выслало за шпионаж и подрывную деятельность советского корреспондента Беника Бекназар-Юзбашева, сотрудника двух советских организаций, обоих «одинаково общественных»: «Новости» и КГБ. (2) Пять лет спустя этот журналист умер в Москве, официально от рака крови. Неофициально, согласно слухам, распро-

страненным среди штатных сотрудников «Новостей», причиной смерти была странная неизлечимая болезнь, которую привили ему в конголезской тюрьме африканские «братья» как символ их благодарности за слишком активную работу Беника по превращению молодого африканского государства в советскую колонию.

В мае 1963 года другая африканская страна, Кения, выслала другого служащего АПН-КГБ, имя которого не было дипломатично даже упомянуто в прессе Кении. (3)

В марте 1966 года Кения была менее дипломатична при высылке еще одного человека АПН-КГБ, Юрия Курицына. Его имя было оглашено. (4)

В 1964 году Вашингтон принял советского дипломата, заместителя главного редактора журнала «Новостей» «Soviet Life», издаваемого официально посольством СССР в США. Его звали Борис Карпович, и он был бывшим заместителем председателя Агентства печати «Новости». Товарищ Карпович продержался как «журналист» только до января 1965 года, когда его выслали как «персона нон грата». (5) Это вовсе не смутило Москву. С тех пор этот пост всегда занимал человек КГБ. Теперь это Олег Бенюх, мой бывший босс в АПН.

В 1965 году веселый и общительный Борис Королев, также известный среди нас, штатных сотрудников «Новостей», под прозвищем «Муравей», прибыл в Оттаву. Его связь с КГБ, даже его звание (полковник) было заранее известно RCMP (канадской контрразведке), и поэтому также и прессе. Но канадская пресса тогда была слишком занята критикой американского ЦРУ, чтобы разоблачать КГБ. Королев наслаждался беспрецедентным гостеприимством: в самый разгар советского вторжения в Чехословакию в августе 1968 года пресс-клуб Оттавы любезно предложил свое помещение моему приятелю Королеву, чтобы организовать радушный банкет в честь другого советского агента, прибывшего в Канаду. Это был корреспондент «Правды» Константин Гейвандов. Я не знаю, насколько эффективны были эти два товарища как шпионы (и было ли вообще что-нибудь, за чем нужно было бы шпионить в Канаде при Пьере Трюдо), но я знаю, что Гейвандов был выслан в 1974 году. (6) А Королев остался и стал снова известным в прессе как сильный «критик» или скорее клеветник высланного российского классика Александра Солженицына.(7)

Советская пропагандистская брошюра с портретом Хрущёва лежит на куче мусора после того, как Мобуту и Касавубу выгнали коммунистических дипломатов из Конго. Брошюра говорит: «Руки прочь от Конго!».

В 1977 году в Нью-Дели, Индия, был красивый и снобистский корреспондент «Новостей» по имени Владимир Симонов. Было бы пустой тратой времени искать его в нашем офисе на Барахабма-Роуд, дом 25. В советской прессе было совсем мало статей Симонова об Индии. Неудивительно: Владимир Симонов был офицером КГБ, обязанностью которого было не столько писать репортажи из Индии, сколько привлекать СМИ, дипломатов и политических деятелей в советскую орбиту. Для этой деятельности Симонов должен был проживать отдельно от советского дипломатического муравейника, в просторном бунгало с индийскими слугами и двумя автомобилями. Согласно одному моему американскому другу, иностранному корреспонденту агентства ЮПИ Дэйлу Моршу, который часто встречался с Симоновым в Нью-Дели, попытки вербовки у Симонова были примитивны, наивны и грубы. Возможно, они именно такими и были… Но Индия даже теперь остается в советской сфере влияния, правительство покойной премьер-министра Индиры Ганди почти потворствовало советскому вторжению в Афганистане, и принимало спонсируемую Советами «Конференцию неприсоединившихся стран» вместе с Ясиром Арафатом и Фиделем Кастро. И индийская пресса остается скорее антиамериканской, вопреки мудрости, тонкости и веж-

ливости американских агентов, и, возможно, в результате «грубости» советских.

Пребывание товарища Симонова в Индии было совершенно безоблачным до 1970 года, когда я сбежал на Запад. Позже Симонов на короткое время снова появился в Канаде как «пресс-атташе» посольства СССР в Оттаве, когда я уже работал на Канадской радиовещательной корпорации (Си-би-си). Я не особо удивился бы, если мой бывший старший товарищ играл роль в усилиях КГБ натравить на меня канадскую «трюдократию» и выгнать меня из службы международного радиовещания Си-би-си за мой «правый экстремизм»... Теперь, в 1985 году, когда я пишу эту книгу, товарищ Симонов аккредитован в Нью-Йорке как корреспондент «Новостей» и «стрингер» для советской «Литературной газеты». Очевидное повышение по службе!

В 1967 году Алексей Казанцев был выслан из Ганы за шпионаж. Он был еще одним гибридом «Новостей»-КГБ, которого я знал лично и иногда встречал в Москве в 1968, между своими командировками в Индию.

Начиная с 1967 года, во время ежегодной выставки «Экспо» в Монреале, много моих товарищей из «Новостей» были задействованы как переводчики и операторы электронного шпионажа на борту лайнера «Александр Пушкин», знаменитого «корабля любви» КГБ. Один из моих контактов в КГБ сделал мне экскурсию по «запретным местам» нижних палуб и трюмов океанского лайнера, когда он находился в доке в Ленинграде между круизами. После моего побега я использовал эту информацию (и некоторые фотографии), чтобы предупредить американскую прессу и ФБР с целью предотвратить заход «Пушкина» или подобных шпионских судов в гавань Лонг-Бич во время Олимпийских игр 1984 года. С моим скромным вкладом, как я подозреваю, американские консервативные и патриотические группы смогли принудить Советы к «бойкоту» Олимпиады 1984 года. Хорошее избавление! Это были первые Олимпийские игры в истории – без нечестных советских государственных гладиаторов, изображающих из себя «любителей»... Также я ставлю себе в заслугу свою часть усилий в попытке спасти Лос-Анджелес от маленького вторжения приблизительно 15 000 агентов КГБ, собиравшихся приехать под видом «гостей» Олимпиады.

1967, Москва. Сотрудники «Новостей» (Виктор Дубограй в центре) отмечают командировку во Вьетнам.

Внизу: 1976, «Поля смерти» в Индокитае после советской «братской помощи»...

В конце 1967 года мой бывший однокашник по Институту восточных языков Виктор Дубограй отправился в командировку во Вьетнам. Официально – в Ханой как корреспондент «Новостей». Согласно «источникам», Виктора послали в так называемые «освобожденные области» Южного Вьетнама как одного из инструкторов КГБ. В то самое время, когда советская хунта говорила о мире и осуждала американские «военные преступления», КГБ поспешно создавал по образу и подобию КГБ готовую силу массового террора и притеснения – в Южном Вьетнаме. Как это стало очевидным в апреле 1975 года, усилия КГБ были «весьма продуктивными»; половина населения оказалась в «лагерях для перевоспитания».

В июне 1968 года, по приказу КГБ, многочисленная группа журналистов «Новостей», включая меня самого, проводила секретный «опрос общественного мнения» среди иностранных дипломатов и корреспондентов в Москве: «Как их правительства отреагировали бы на советское вмешательство в Чехословакии?» Очевидно, КГБ был удовлетворен результатами, поскольку 23 августа 1968 года советские танки гремели на улицах Праги. Ни одно из западных правительств не «отреагировало».

А утром 28 августа 1968 штат Агентства печати «Новости» произнес последнее прощание двум нашим товарищам, которые сгорели заживо, когда их военный вертолет разбился около Праги, перевозя груз пропаганды, разработанной для того, чтобы убедить Запад, что советские войска были «приглашены» в Чехословакию «патриотами». Фальшивые публикации были напечатаны АПН-КГБ в Дрездене. Одним из сгоревших товарищей был Карл Непомнящий, бывший офицер КГБ.

В мае 1976 года корреспондент «Новостей» в Японии Александр Мачехин был арестован полицией в Йокогаме, когда он пытался купить секретную информацию у младшего офицера с американского авианосца «Мидуэй», стоявшего в доке в Йокогаме. (8)

Между 1980 и 1985 годами по крайней мере дюжина агентов «Новостей»-КГБ была выслана во время массивных операций контрразведки из нескольких стран-членов НАТО и Франции. Западным разведывательным службам, органам правопорядка и судам потребовалось ПОЧТИ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА(!), чтобы начать делать хоть что-то, чтобы защитить свои страны от подрывной деятельности АПН-КГБ. Почему так долго?

За 15 лет после моего побега из посольства СССР в Индии, за 15 лет после того, как я был опрошен американским ЦРУ и раскрыл природу деятельности АПН-

КГБ в «Третьем мире» – больше чем 15 стран Азии, Африки и Латинской Америки подверглись внедрению, деморализации, дестабилизации, подрывным операциям и некоторые – ВОЕННОЙ АГРЕССИИ, и остались оккупированными... И все же, Агентство печати «Новости» все еще официально принято во всех столицах мира! Очень редко западная бюрократия «предпринимает решительные меры», вроде отказа во въездной визе в США агенту «Новостей», пытающемуся приехать на какую-то «университетскую конференцию». Это недавно произошло – с «русским журналистом» А. Макаровым. (9)

Приведенный выше список случаев, показывающий природу Агентства печати «Новости» отнюдь не полон. Какого же рода «информационным агентством» являются «Новости»?

1. «Правда», 4 января 1961; «Известия», 23 марта 1961.

2. The KGB, by John Barron. Readers Digest, 1974. page 513.

3. Moscow's Hand in India, by Peter Sager. Bern, 1966, page 22.

4. East African Standard, Nairobi, March 11, 1966.

5. The KGB, by John Barron, page 524,

6. Toronto Sun newspaper, January 17, 1974.

7. The Last Circle, collection of articles on Solzhenitsyn, APN, 1974.

8. The Montreal Star, May 14. 1976.

9. UPI, August 20, 1984.

Географическое положение Агентства печати «Новости» – своего рода пространственная уловка: штаб АПН размещен на Пушкинской площади, прямо позади сверхсовременного кинотеатра «Россия» в Москве, тогда как «представительства» «Новостей», согласно официальному уставу, расположены в столицах и главных городах 130 стран мира. Однако зарубежные представительства «Новостей» в большинстве случаев вообще не называются «Новостями» – поскольку они присоединены или организационно входят в отделы информации посольств СССР во всем мире.

В отношении времени это тоже хитро: АПН существует одновременно в нескольких эрах. Вы можете найти в «Новостях» элементы доисторического ком-

мунизма, военного коммунизма послереволюционной эры, средневековья с его инквизицией и охотой на ведьм, фашистского рейха с их собственными Геббельсами, что-то от демократии сегодняшнего Запада, и даже определенные элементы будущего в стиле Оруэлла – «новояз» и переписывание истории.

Само название Агентства печати «Новости» – прекрасный пример новояза и напоминает то ли «Министерство правды» Оруэлла то ли «Министерство нежности» Евтушенко. Факт состоит в том, что там нет никаких новостей в том виде, в каком они ошибочно и немарксистски понимаются на Западе – как сообщения о текущих событиях. Такой сорт новостей мог бы легко противоречить пророчествам основателей марксизма-ленинизма, и тем самым давать неправильную и полностью ненаучную картину действительности.

Также нет никакой «печати» в Агентстве печати «Новости», по крайней мере, в том значении этого слова, которое принято на Западе и связано с журналистской профессией. Но это не означает, что у АПН вообще нет никакой печати. «Печать – самое мощное оружие нашей партии», говорил друг и учитель всех журналистов Иосиф Виссарионович Сталин – и он был прав. В АПН слово «печать» понимается, главным образом, как технический термин – типография, печатная машина, или как абстрактное понятие в предложении: «Советская печать – самая правдивая печать в мире», лозунг, который украшает стены многих редакционных кабинетов в СССР.

Единственное слово, имеющее настоящее отношение к деятельности АПН, это слово «агентство». Чтобы лучше понять природу занятий приблизительно 500 журналистов, 2500 редакторов и копирайтеров, 1000 машинисток и секретарей и почти 3000 сотрудников технических работников и вспомогательных рабочих, давайте подробнее рассмотрим семантику этого термина. Согласно Этимологическому словарю русского языка Г.П. Цыганенко, страница 16:

«Агентство... агент – <уполномоченный>. (организация или человек). Заимствовано из нем. языка в начале XVII века. Нем. Agent <агент> через тожд. франц. восходит к лат. agens, agentis <истец>, первонач. <действующий, деятельный>, прич. форма от agere <действовать>, перен. <побуждать, склонять к чему-либо>, родственного греч. ago <веду, гоню>.

Отсюда в европейских языках агент <любая действующая сила в природе и обществе>. Ср. во французском языке agent <агент> и <фактор, действующая сила>. См. агитация».

Давайте посмотрим значение слова «агитация». Это слово, как мы увидим, имеет много общего, чтобы связать АПН с Отделом агитации и пропаганды Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза – Агитпропом. Связь между этими двумя понятиями, словом и отделом, является не только семантической, но и административной тоже.

Итак:

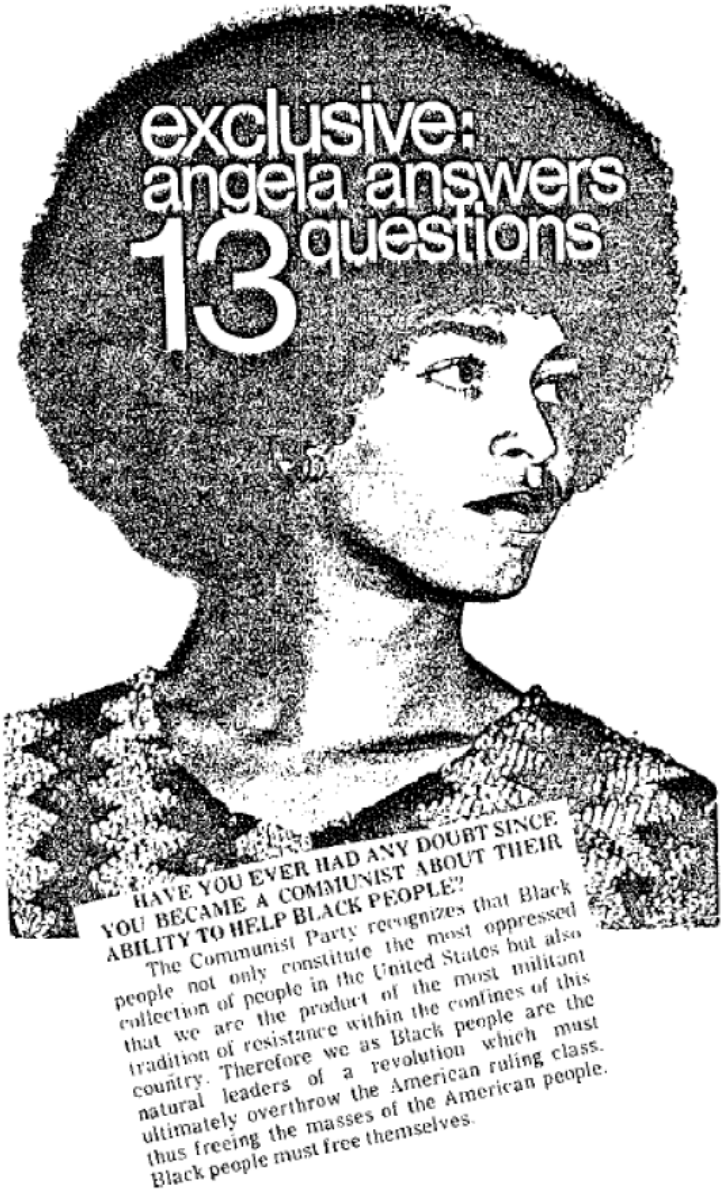
«Агитация… <деятельность, имеющая целью политическое воздействие на широкие народные массы>. Заимствовано из польского языка в XIX веке. Польское agitacja <агитация> через немецкое Agitation – тожд. восходит к латинскому agitatio <движение, деятельность>, отвлеченному имени от глагола agitare (agere) <приводить в движение, волновать, побуждать, склонять к чему-либо.>».

Теперь мы пришли к очень интересному слову – «склонять к чему-либо». Давайте посмотрим теперь, к чему точно АПН «склоняет» народные массы. Краткий политический словарь под редакцией А. Р. Добронравовой говорит на странице 5:

«Агитация (лат. agitatio -приведение в движение) — устная, печатная и наглядная политическая деятельность, воздействующая на сознание и настроение масс с целью побудить их к активности. В социалистических странах агитация – важное средство мобилизации масс на решение различных задач (политических, социальных, экономических и пр.) Средства агитации: беседы, митинги, публикации в газетах и журналах, выступления по радио, телевидению, в кино, плакаты, стенды и др. (см. также Пропаганда)».

Хорошо! Давайте посмотрим, что госпожа Добронравова и советский бюрократический аппарат понимают под пропагандой. В том же самом словаре, на странице 210, говорится: «Пропаганда – процесс объяснения, распространения и закрепления политических идей, теорий и учений. Пропаганда всегда носит классовый характер. Пропаганда Коммунистической партии это устное или печатное разъяснение и распространение идей марксизма-ленинизма и текущей политики Коммунистической партии. Это неотъемлемая часть текущей политики Коммунистической партии. Это неотъемлемая часть политического образования масс. Революционная пропаганда была надежным оружием Коммунистической партии в период подготовки и осуществления вооруженного восстания в 1917 году, как и всех последующих стадий построения социализма. Пропаганда марксизма-ленинизма требует особого внимания в обстановке обострившейся идеологической борьбы и классовой борьбы на международной арене. Комму-

нистическая партия Советского Союза постоянно совершенствует методы пропаганды».



Анджела Дэвис – пешка в дестабилизационной игре АПН-КГБ. Она была почетным гостем «Новостей» во время своего визита в СССР. Листовка, приведенная выше, была напечатана в США организацией прикрытия АПН.

Как мы видим, все довольно логично, последовательно и – самое важное – совершенно честно: при переводе с советского новояза на понятный язык эти два

приведенных выше определения означают следующее: а) в СССР или на любой территории под советским контролем АПН «влияет» на массы населения, чтобы те беспрекословно принимали условия, установленные партией, и работали без забастовок или протестов. Идеологически «Новости» работают для СТАБИЛЬНОСТИ; б) «На международной арене» то есть в зарубежных странах, которые еще не включены в сферу советского империализма, Агентство печати «Новости» функционирует как фактор ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ и разрушения принятых там моральных ценностей через подстрекательство КЛАССОВОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ.

Что может быть проще! Обе эти функции Агентства печати «Новости» очевидны, если вы прочтете официальный устав АПН, переводя параграфы Устава с «новояза» на нормальный, естественный язык. Вот пример такого перевода:

Официальный текст Устава	**Фактическое значение**
Агентство печати «Новости» (АПН) является информационным агентством советских общественных организаций, действующим в соответствии со Статьями 125 и 126 Конституции СССР.	Агентство печати «Новости» (АПН) является филиалом Отдела агитации и пропаганды Центрального Комитета, созданным для пропаганды, подрывной деятельности и сбора информации.
Ни один советский государственный орган не несет ответственности за деловые операции и финансовые обязательства или любые другие действия Агентства. И при этом агентство не несет ответственность за любые требования (иски) против советского государства или любой другой советской организации.	Изображая из себя «независимую» организацию, АПН на самом деле является прямым и зависимым филиалом партийно-государственной бюрократии, которая снимает с себя всякую ответственность за сознательно незаконные или аморальные действия АПН.
Агентство стремится любым возможным способом способствовать укреплению и консолидации международного взаимопонимания, уверенности и дружбы.	Агентство способствует путем пропаганды проведению внутренней и внешней политики руководства СССР, используя идеологическую обработку и принуждение, с одной стороны, и

	разжигая ненависть, классовую борьбу и терроризм, с другой.
… широко распространяя за границей правдивую информацию о Советском Союзе и знакомя советскую общественность с жизнью народов других стран.	В СССР: клеветнические слухи и принижение всего иностранного, если не под советским доминированием. За границей: представление отобранных и подвергнутых цензуре полуправд, прославляющих советский образ жизни, дезинформация.
Обменивается информационным материалом... на основе взаимности.	Забрасывает зарубежные страны марксистской пропагандой, запрещая при этом любые иностранные газеты, журналы и книги внутри СССР.
Его цель не состоит в получении прибыли. Поддерживающие общественные организации участвуют в финансировании Агентства.	Неограниченное финансирование бюджета Агентства государственно-партийной диктатурой, абсолютно неподотчетной любой общественной организации или частному лицу вообще. Годовой бюджет составляет приблизительно 2,4 миллиарда долларов.
Вступает в контакт и заключает договора как с государственными, так и с кооперативными и частными (иностранными) СМИ, чтобы снабжать их материалами Агентства за СООТВЕТСТВУЮЩУЮ ПЛАТУ.	Навязывает материалы Агентства иностранным СМИ бесплатно, чаще ПЛАТЯ СМИ за публикацию материалов АПН, или используя «любой возможный путь» – то есть взяточничество, шантаж, коррупцию, пьянство.

Нет никакого смысла в проникновении в технические детали Устава «Новостей». Что здесь важно, и что будет продемонстрировано в последующих главах книги: несмотря на маску «общественного и неправительственного», АПН не может быть ничем другим, кроме как органом МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ, филиалом аппарата подрывной деятельности партии. Функции и цели

АПН не могут быть ничем другим, кроме функций формирования общественного мнения такими методами, которые даже в «фашистских» правых диктатурах рассматриваются как ПОПИРАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РАЗУМ. Это и не может быть иначе в обществе, где «Партия – наша совесть» и где «Народ и партия едины».

Опасность монополистической пропаганды едва ли может быть преувеличена. Швейцарский автор Петер Загер в своем исследовании деятельности «Новостей» в Индии приходит к следующему определению монополистической пропаганды: «Пропаганда – это попытка убедить большую или меньшую группу людей в правильности собственного мнения (будь то идеология, философия жизни или религиозные верования) через сознательно одностороннее описание данных или событий. Это не обязательно связано с каким-либо конкретным политическим режимом. Поскольку пропаганда работает в направлении распространения мнений путем убеждения, а не насилия, она используется как в демократических странах, так и в диктатурах.

Пока пропаганда представляет одно мнение из многих и принимает или даже поощряет существование своих конкурентов, ее односторонность полностью законна. В действительности пропаганда такого вида создает фундамент для свободного формирования мнения. Она способствует дискуссиям и является, следовательно, чертой демократии.

Но когда пропаганда монополизирует функции формирования общественного мнения и вся контрпропаганда исключена, так, что в результате выражение одного мнения является единственным источником информации – тогда пропаганда навязывается силой.

Монопольная пропаганда – это неизбежная особенность диктатуры».

За время своего существования Агентство печати «Новости» ясно продемонстрировало себя как эффективный орган монопольной пропаганды. Вместе с КГБ, АПН успешно «исключает» (уничтожает) не только «всю контрпропаганду», не только информацию, но и сами источники этой информации в нескольких случаях, включая иностранные источники, такие как радиостанции, вещающие на русском языке, определенные газеты, общественные организации и люди.

Многие открытые общества пережили много болезненных процессов переоценки традиционных социальных ценностей. Во многих частях мира добрая воля, здравый смысл отступили и уступили агрессивному наступлению системы, осно-

ванной на ненависти, терроре, «классовой борьбе» и т.д. Западные СМИ разоблачили многочисленные «заговоры» на любом возможном уровне власти в Свободном мире – от президента до местной полиции. Но главный источник недовольства – тоталитарная агрессия и ее идеологическое прикрытие – Агентство печати «Новости», избежали критического внимания общественного мнения. АПН и его кремлевские владельцы остаются почтенными и принятыми в обществе людьми. Публикации АПН, буклеты, плакаты, карикатуры, газеты, встречи и т.д. – пользуются в любом открытом обществе неограниченной свободой «ПРОВОЦИРОВАТЬ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЮ» этого самого открытого общества. С зарей политики «разрядки» «Новости» очень усилили свою деятельность и дома, и за границей.

Почему это происходит? Пусть историки и психологи ответят на этот вопрос. Автор этой книги, бывший сотрудник «Новостей», берется объяснить, КАК это было сделано, и как чувствует себя человек, являющийся частью подрывной системы, не соглашаясь в душе и с грязными методами, и с «окончательными целями» Агентства печати «Новости».

Главный офис «Новостей» на Пушкинской площади в Москве.

«Советская печать – самая правдивая печать в мире».

«НОВОСТИ» ОТ КРЫШИ ДО ПОДВАЛА, ВЕЩИ И ЛЮДИ МЕЖДУ НИМИ

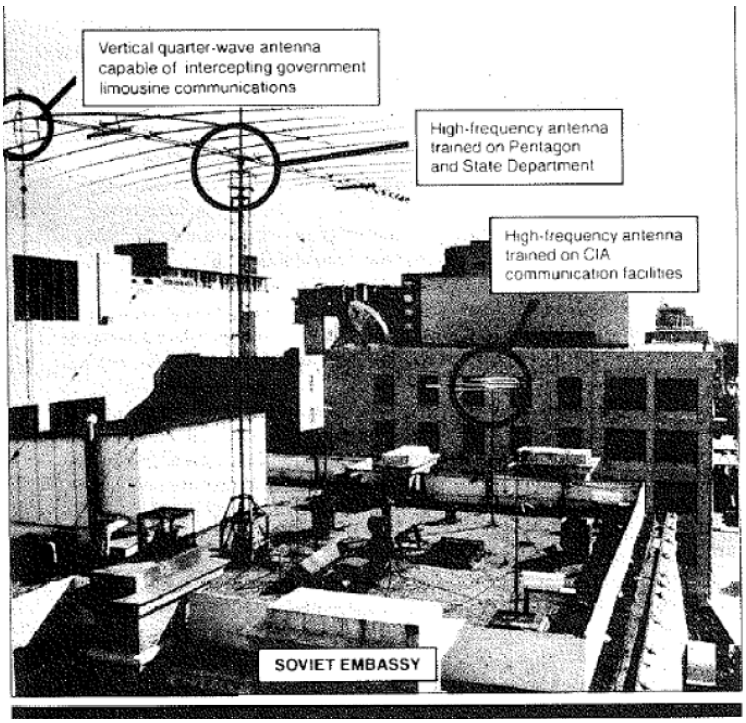
Мое первое знакомство со зданием «Новости» произошло в апреле 1959 года. Я учился на втором курсе в Институте восточных языков Московского государственного университета. Один мой друг, Герман Белоусов, пригласил меня присоединяться к нему для студийно записи в организации, которая тогда называлась Совинформбюро. Я должен был играть на гитаре для пропагандистской программы, которая должна была транслироваться по радио в Индонезию.

Герман был студентом в том же самом институте. Я познакомился с ним, когда участвовал в одном из мероприятий студенческой самодеятельности, которые почти обязательны в таких местах. Он был талантливым певцом с талантом к языкам; высоким и смуглым, у него были большие карие глаза. С этими качествами он не мог не стать популярным; его единственной проблемой было пьянство, в которое он иногда погружался на несколько дней.

Я только недавно познакомился с Германом, когда узнал, что его пьянство было симптомом другой проблемы. Он был влюблен и потерял свою любовь. Он выглядел настолько похожим на индонезийца, что стал естественным выбором для

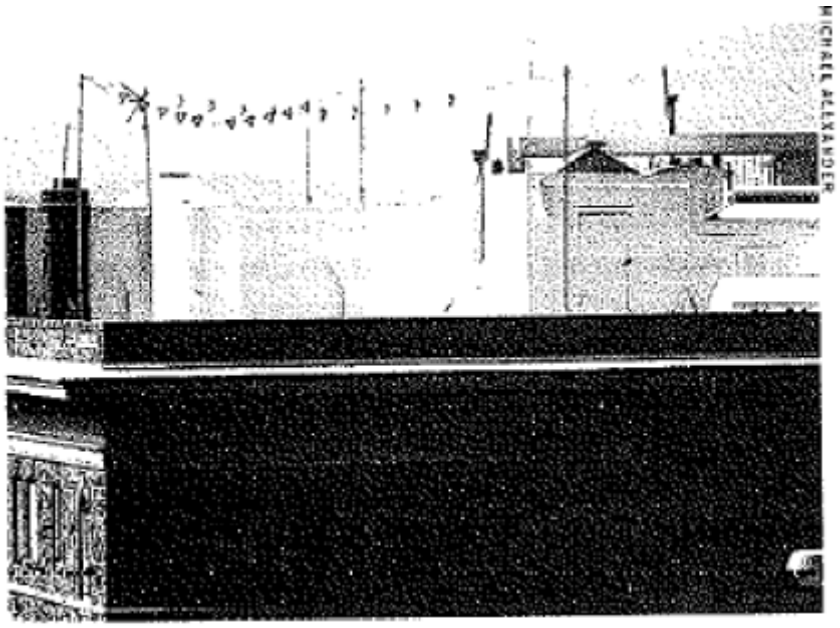
«внедрения» в индонезийскую делегацию, которая посетила международный кинофестиваль в Москве, в качестве ее переводчика. Там он встретил Тутти, индонезийскую кинозвезду, по его рассказам очаровательную и деликатную; простую, честную и пока еще неиспорченную. Их любовь была глубокой и взаимной, рассказывал он, после выпитой половины бутылки водки... КГБ вызвало его, чтобы категорически сказать, что они не одобряют смешанные браки между советскими гражданами и индонезийцами, и это несмотря на то, что после недавней ссоры СССР с Китаем Индонезия была почти единственной «братской страной», которую советские комментаторы могли бы назвать на Востоке. Возможно, настоящий брак с индонезийкой нес бы клеймо кровосмешения.

Я был очень смущен этим рассказом. Я еще до этого думал, что красивые слова о дружбе и сотрудничестве между пролетариями всех стран могли быть только пустыми разговорами: но я был членом комсомола, сыном штабного полковника, воспитанным в лояльности. Я видел советские фильмы, в которых невинных советских граждан соблазняли и развращали красивые киноактрисы, которые, как потом оказывалось, работали на ЦРУ; они похищали военные тайны и затем хрипло смеялись прямо в лица своих жертв, выпуская дым от сигарет «Camel». Меня учили, что любовь и секс на Западе – это товар. Тутти была с Востока... Даже в этом случае я чувствовал себя неловко.



«Уши» КГБ за работой: подслушивая секреты, а иногда и просто сплетни.

Большую часть радиоэлектронного перехвата делают сотрудники «Новостей».



Шпионские устройства на крыше советского консульства в Сан-Франциско.

Я научился прощать пьянство и грубость Германа, потому что под этим я увидел мягкость и понимание. Мы все еще пытались протрезветь после вечера с большой пьянкой, когда записывали радиопередачу для «Совинформа», и я надеялся, что за много тысяч миль отсюда, по крайней мере, в этом случае Тутти слушала бы Московское радио.

* * *

Здание «Новостей» на Пушкинской площади представляет собой прямоугольник, охватывающий внутренний двор. Единственные ворота в этот двор примыкают к переулку, который разделяет «Новости» и редакционные офисы «Нового времени». Ворота хорошо защищены; стальные листы за ними скрывают происходящее внутри от взглядов праздных прохожих.

В длинных коридорах есть те, кто рассказывает разные истории об истории здания. До большевистской революции это было, согласно одной распространенной версии, тюрьмой для совершенно особых гостей; согласно другой версии, этот дом служил элитной школой для шпиков «Охранки». Впоследствии

здание было присвоено ЧК, большевистской тайной полицией, а позже стало школой для иностранных революционеров, под руководством Коминтерна. Во время Великой Отечественной войны (советское название Второй мировой войны) здесь разместился «Совинформ». В 1961 году было основано агентство печати «Новости», прихоть Хрущёва по совету его зятя, Алексея Аджубея. «Совинформ» исчез, или, если точнее, он влился в «Новости».

Точная или нет, но такая история соответствует впечатлению, что это здание всегда было самым подходящим местом для теневых дел нашей империи, которые не предназначены для глаз народных масс. Само здание – материальный монумент государственной секретности. Давайте обнародуем некоторые из этих секретов.

Крыша – это лес антенн, получающих все возможные телексы и беспроводную информацию от агентств новостей; за них не платят. Это не так уж нечестно, как может показаться, потому что новости от «Рейтерс», «Ассошиэйтед Пресс», «ЮПИ» и «АФП» (если только это не плохие для Запада новости) никогда не появляются в советской прессе, только на столах номенклатуры СМИ. И при этом о «Новостях» нельзя думать, как о единственном преступнике, виновном в этих мелких кражах; большинство советских посольств оснащены подобным оборудованием. (Радиотехник мог бы легко выяснить, на что они настроены, изучая конфигурации антенн).

На верхнем этаже, на северной стороне прямоугольника «Новостей», размещены телетайпы (телеграфные буквопечатающие аппараты). Они занимают свой собственный крупный отдел, отделенный от переводчиков и машинисток по соседству огромной стеной из органического стекла, с раздвижными дверями и дистанционно управляемым замком (сделанным, по воле случая, в США). Там есть отверстие, через которое передают рукописи и сообщения для отправки за границу. Большинство служащих «Новостей» лишены туда доступа; средства сообщения с внешним миром не принадлежат сотрудникам «Новостей».

Мне удалось однажды попасть туда, поскольку я был в хороших отношениях с неким Левой Дзержинским (не родственником великого отца-основателя дома на Лубянке, насколько я знаю). Я познакомился с ним в Нью-Дели. Уже как доверенный человек там, он полз вверх по тотемному столбу комсомола. Под его юрисдикцией были несколько огромных серых инструментов, напоминающих полевые радиостанции, которые рядовые Советской армии нежно называют «китами»; они были в шкафчиках, сложенные и отделенные телевизионными экранами, на которых с мерцанием двигались узоры из зеленых точек и тире, постижимых только ему. Они были в комнате техобслуживания, примыкающей к

главному залу телетайпов. Там я увидел двести сварливых машин, установленных на столы, стоящие длинными рядами. Большинство, казалось, передавали и получали сообщения. Операторы кормили их скатанными в рулон полосами перфорированной бумаги. Сегодня, благодаря щедрым продажам компьютеров из США и Японии, оборудование, должно быть, очень улучшилось.

Нужно было отпереть железную дверь, если требовалось выйти из зала телетайпов и войти в восточное крыло верхнего этажа. Оно начинается со зловещей на вид лестничной клетки пожарного выхода, где бездельники «Новостей» курят и сплетничают. За ней находится комната Главлита, цензоров, возможно, те же самые два старика и толстая дама, которых я в последний раз видел в 1969 году. Они детально изучали экземпляр с красными карандашами в руке, часто обращаясь к большим справочникам, литературным продуктам КГБ. В них должна была содержаться, распределенная по темам, информация, обнародование которой «не соответствует требованиям государственной безопасности». Реальная заработная плата, например.

За комнатой цензоров – каморка киномеханика, пропахшая «Московской» водкой и чесноком. Дядя Вася здесь босс и главный потребитель «Московской». Через отверстие для кинопроектора Дядя Вася может видеть то, что происходит в зале для конференций и кинопоказов. Большая часть этого не интересовала дядю Васю, но это очень очаровывало меня. Здесь проводились пресс-конференции для западных корреспондентов. Я однажды видел здесь космонавта Юрия Гагарина, не хотевшего говорить ничего, что не было бы написано на карточках-шпаргалках перед ним. Написано большими буквами. Михаил Шолохов появился здесь после своего возвращения из Осло с Нобелевской премией за украденные романы. Он тоже не мог говорить или читать, поскольку был ужасно пьян. Интересно, что иностранные телевизионные корреспонденты сделали из того «интервью». Советский посол в Индии, товарищ Бенедиктов, общался здесь со сливками «Новостей», пытаясь объяснить отсутствие логики в побеге дочери Сталина из Индии, который он не смог предотвратить, бедняга. Партийные собрания иногда тоже проводятся здесь. Они были бы неинтересны западному читателю, неспособному оценить Джорджа Оруэлла, или еще лучше «Сказку о Тройке» братьев Стругацких (эта «Тройка» ускользнула от советских цензоров, вероятно потому, что авторы замаскировали это произведение под научную фантастику).

Западные фильмы (сделанные на Западе) тоже показывают здесь, иногда, и для избранной аудитории служащих «Новости», их семей и некоторых друзей, работающих в солидных государственных бюрократических структурах, таких как ТАСС, «Московское радио», газета «Правда» и т.д. Здесь я видел фильм «На

берегу», поставленный по роману Невила Шюта, сбивший с толку меня и моих коллег, неспособных понять отсутствие в фильме антисоветской риторики. Советский фильм о ядерной войне был бы полон антизападных обвинений. Он показал бы также ужасные военные сцены, а здесь этого не было. («На следующий день» ABC недавно исправил это упущение.) В фильме были показаны человеческие эмоции, которые исказила бы советская версия. Больше смущения породил «Нюрнбергский процесс»: только идиот не заметил бы сходства между подсудимыми нацистами (которые, в конце концов, предстали перед честным судом), и теми, кто занимает соответствующие властные посты в Советском Союзе.

(Я часто ломал голову над мотивами показа этих фильмов, зная по опыту, что у нашей системы всегда есть скрытый мотив. Была ли это интеллектуальная пытка? Действительно ли это была проверка, чтобы узнать, могут ли те, кто посетит Запад, вернуться назад со своим неповрежденным лицемерием?)

Из конференц-зала, через приемную, можно войти в южное крыло. У него есть длинный коридор, и на его дверях мы находим названия политических и географических регионов мира. Мир нарезан, как дыня, на ломтики, и соответствующие отделы «Новостей» грызут свои дольки, работая на окончательную победу коммунизма: чтобы полностью сожрать все человечество. Я работал в отделе стран Юго-Восточной Азии, который типичен для всех отделов. Он заботится об идеологических потребностях, как это определено Политбюро, Индии, Бирмы, Таиланда, Лаоса, Камбоджи, Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Филиппин, Пакистана и острова Цейлон (Шри-Ланки).

Дальше по коридору мы пересекаем Африку, Латинскую Америку и несколько других регионов развивающихся стран. Моего большого босса, редактора по странам Южной Азии, можно найти в конце коридора: Валерий Пушков, скромный и прилежный товарищ, на лице которого было несмываемо написано смущенное выражение мальчика, которого застукали за мастурбацией.

Вдоль западного коридора верхнего этажа размещены несколько других кабинетов для нескольких других боссов различных частей земли, каждый из них со своим особенным выражением на лице.

Наконец, мы добираемся до северо-западного угла, занятого редакционной коллегией журнала «Soviet Land», который печатается и распределяется в Индии как выражение братской заботы об идеологическом воспитании наших индийских друзей. Непропорциональное количество работы (все, кроме перевода на местные языки и печати) делалось в Москве. Я работал с этим журналом с

декабря 1965 по март 1967 года. Меня выбрали для моей задачи, написания статей об экономике, из-за моей квалификации: я был переводчиком для советской группы экономической помощи, которая строила нефтеперерабатывающие заводы в Кояли и Барауни, советские памятники в Индии. Я разговариваю на хинди и урду. Кроме того, во время моей первой командировки в Индию, я был «добровольным» распространителем журнала «Soviet Land» среди индийских рабочих на строительных проектах.

Пока мы идем к северной стороне прямоугольника, мы видим зал машинисток на одной стороне, отдел переводчиков на другой. Машинистки делятся на три категории: незамужние, разведенные и не живущие с мужьями. Ими управляет строгая мадам.

Переводчики бывают разного возраста, пола и национальности. Многие из них – потомки иностранных коммунистов, которые приехали в Советский Союз в поисках самого светлого будущего для всего человечества, но нашли статус «невыездных» для себя, своих детей, и детей их детей: они потеряли право вернуться туда, откуда они прибыли. Они увидели ту сторону советской жизни, о которой нельзя сообщать.

Некоторые были недавними выпускниками институтов иностранных языков. Такое образование стало возможным при Хрущёве, до которого изучение иностранного языка считалось первым шагом к государственной измене. Они делают обычные переводы на ломаный английский язык речей членов ЦК, статей в «Правде» и заявлений космонавтов и балерин.

Мы возвращаемся к телетайпам, или скорее к их щиту из органического стекла, и находим лестницу, которая спускается на третий этаж.

* * *

Давайте зайдем на цыпочках в самый высокий офис «Новостей», мимо приемной, где тигрица-секретарша мурлычет что-то в высокочастотный телефон. Борис Бурков, директор, работал в кабинете, похожем на склад сувениров из многих стран, отобранных со всем вкусом шуток, которые он отпускал посетителям, и которые мне иногда приходилось переводить. (Товарищ Бурков обвинял переводчика, если его гости не смеялись, поэтому мне приходилось компенсировать отсутствие у него чувства юмора отклонениями от оригинала.) Шесть южный и шесть восточных окон освещали его владение, которое включало стол для заседаний, маленький столик с многочисленными телефонами, несколько подходящих стульев, еще стулья вдоль стен и окон, и полки для его нераскрытых книг.

Телефоны были обычными, высокочастотными, и «вертушкой» (шифратором), чтобы связываться с элитой номенклатуры и Кремля. Небольшая дверь, как будто в каморку, вела на самом деле в другую комнату с душем, ванной и кушеткой; сюда он удалялся после избытка тостов за дружбу и сотрудничество между народами. Обед, с водкой, приносила ему сюда специальная официантка из специальной кухни «Новостей» в подвале. Трудно было уважать товарища Буркова, поскольку он напоминал мне пьесу Горького «На дне»; казалось, как будто бы он всплыл на поверхность, и в нем было что-то нечистое. Его жесты были искусственно дружественными, даже когда он был пьян. Товарищ Бурков любил играть в демократию и равенство, я не доверял ему, но много иностранных делегатов доверяли. Насколько я понимаю, он снова опустился на дно несколько лет назад.

Делегация «прогрессивных» иностранцев посещает «Новости». Номерами обозначены: 1. товарищ Зайчиков, 2. Валерий Пушков, 3. Томас Шуман (автор), 4. товарищ Якунин (Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза).

Сборище «полезных идиотов», пьянствующих с руководством «Новостей». Во главе стола сидит Борис Бурков, председатель АПН. Я стою рядом с индийским поэтом.

Товарищ Зайчиков, заместитель директора, был среди моих любимцев в руководстве «Новостей». Его комната была прямо напротив Буркова. Я часто навещал его с толпами иностранных «прогрессивных» падальщиков, которые бесстыдно просили у товарища Зайчикова всё: от билета «Аэрофлота» в Париж до лечения в Кремлевской больнице от венерических болезней и грыжи, которые они приобрели в неравной борьбе против западного империализма. Товарищ Зайчиков терпеливо выслушивал их, и его лицо и руки покрывались потом. Он вытер бы их прежде, чем обменяться рукопожатием с гостями, но звуки иностранного языка заставляли его потеть еще сильней. Товарищ Зайчиков был пугливым человеком. Водка была другой причиной его состояния. Я подозревал, что у Зайчикова еще осталась своего рода совесть. Видите ли, он был ветераном войны и потерял на фронте часть одной ноги. Как сын кадрового военного, я уважал тех, кто пострадал во время войны. Я знал лучше многих, что в действительности многие советские военные были «голубями». «Ястребы» – это аппаратные крысы, которые прячутся в бункерах с кондиционерами и произносят длинные речи на международных конференциях борцов за мир. Высокий, тощий и аскетичный, за исключением несоответственной пары французских оч-

ков, товарищ Зайчиков был в моих глазах голубем, на которого нападали стаи ястребов. Иногда я сожалел, что у меня не было дробовика

Вдоль коридора восточного крыла через стеклянные стены видны кабинеты начальников партийного, профсоюзного и комсомольского комитетов. В одном из этих кабинетов часто сидел одесский еврей по фамилии Пищик, член совета директоров, сделавший свою карьеру по партийной линии с наименьшим сопротивлением. Его черные глаза излучали усталость и уверенность в том, что когда-нибудь все станет лучше. Я приходил к нему за подписью всякий раз, когда мой босс исчезал, и у меня было что-то, что надо было отправить за границу. Он просил меня рассказать ему, о чем там написано, и подписывал, не читая, едва замечая отсутствие штампа цензуры. Затем он удалялся назад в тень, с импортным кондиционером, и продолжал свою борьбу со сном.

Пройдя мимо лестницы (тоже зловещего вида), вы увидите «картотеку», комнату, где хранятся досье. Вокруг ее стен полки с папками; в середине две машины «Термофакс» (социалистический ксерокс) производят розово-коричневые копии статей «Новостей», чтобы быть зарегистрированными с резиновым штемпелем и закодированным номером, включенными в список, собранными вместе и потом попасть в большие книги, распределенные по дате, теме и автору, с дальнейшими копиями, которые будут распределены другим пропагандистским органам, потом снова включены в каталоги и в папки. Оригинал отправляется для отдельной регистрации. Ничто не потеряно, но ничего нельзя найти. Об этом заботятся две полные медлительные девушки.

«Характеристика» обязательно хранится в досье на каждого сотрудника в Отделе кадров.

"Recomendation letter" — a "must" in everyone's file with the Personnel Department.

ХАРАКТЕРИСТИКА

на студента II-го курса Института восточных языков при МГУ, БЕЗМЕНОВА Юрия Александровича, 1939 года рождения, русского, члена ВЛКСМ с 1954 года, комсомольский билет № 00490002

БЕЗМЕНОВ Ю.А. является студентом Института восточных языков при МГУ. За время учёбы в Институте проявил себя трудолюбивым студентом, хорошим товарищем. В 1959 году по призыву ЦК ВЛКСМ ездил в составе бригады ЦБЯ на целину и был награжден грамотой ЦК ВЛКСМ. Принимает активное участие в общественной жизни Института. В 1957 году работал в культсекторе бюро ВЛКСМ Института. В 1958-59 учебном году также был избран членом бюро Института.

Тов. БЕЗМЕНОВ Ю.А. хорошо знает английский язык и может работать в качестве переводчика на [illegible] ответственных публичных выступлений и узко специальных тем.

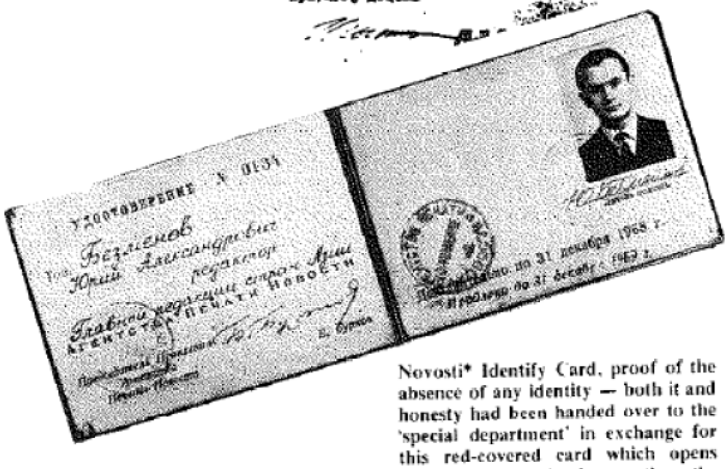
Секретарь бюро ВЛКСМ курса

/Бутенко/

Секретарь бюро ВЛКСМ Института

/А.Крушинский/

Декан историко-филологического факультета Института восточных языков при МГУ, доцент



Novosti* Identify Card, proof of the absence of any identity — both it and honesty had been handed over to the 'special department' in exchange for this red-covered card which opens more doors to the bearer than the 'American Express' credit card.

Удостоверение личности сотрудника «Новостей», доказательство отсутствия какой-либо собственной идентичности – и идентичность, и честность были переданы в «особый отдел» в обмен на это удостоверение в красной обложке, которое открывает его владельцу больше дверей, чем кредитная карточка «American Express».

Еще несколько редакционных кабинетов украшают северную сторону третьего этажа. Они служат редакциям англоязычных стран: Соединенному Королевству, Соединенным Штатам, Канаде, Австралии и Новой Зеландии.

На западной стороне есть двери, на которых написано «Посторонним вход воспрещен». За этими дверями два отдела, «Первый отдел» и «Особый отдел». Они составляют сердце любого агентства советских средств массовой информации, или, более точно, их мочевой пузырь.

В «Первом отделе» хранится вся корреспонденция между «Новостями» и Центральным Комитетом. Специальный курьер подъедет к главному входу на черной «Волге». Обычно он тощий и прыщавый молодой человек, со званием младшего лейтенанта специальной охраны ЦК. Лейтенант будет прикован цепочкой к портфелю, у него не будет ключа, но у него будет пистолет, чтобы защитить тайну корреспонденции между государством и «независимым, общественным» информационным агентством. Он ни слова не скажет в лифте.

В «Особом отделе», напротив, тайна корреспонденции нарушается, и тем же самым государством. Корреспонденция, тем не менее, это переписка штата «Новостей». Приятная ленивая девушка работала там в последний раз, когда я заглядывал в эту дверь. Ее работа состояла в том, чтобы вскрывать почту, личную или служебную, и делать копии интересных писем.

По соседству, дальше по коридору, отдел кадров, который охраняет отставник из КГБ. Защищенная от пожаров часть с сейфами содержит досье на персонал. В них хранятся дипломы сотрудников, вместе с каждой характеристикой, меморандумом, выговором или другим ключом к разгадке нашего профессионального существования. Самый ценный документ – это анкета, вопросник с 52 разделами, где вы должны ответить на любой мыслимый вопрос о самом себе. Даже ваши внутренности известны отделу кадров: ваше досье включает рентгеновские снимки. Но самый важный документ в досье любого человека – его «объективка», компиляция на двух или трех страницах самых субъективных мнений – мнений информаторов КГБ. В каждом отделе есть, по крайней мере, одно из этих существ.

Часть отдела кадров называется «военный стол» и охраняется бабушкой. Там хранятся военные билеты всех сотрудников, которые также являются резервистами. Я, например, был офицером запаса, и когда меня отправляли в долгосрочную командировку в Индию, бабушка сделала телефонный звонок. Мне приказали явиться на переподготовку в лагерь под Москвой. Мне потребовалась неделя переговоров и перемещений между моим боссом в «Новостях», военко-

матом и бабушкой, чтобы предотвратить мою отправку на военные сборы для «переподготовки». Даже когда у меня был билет в Нью-Дели, всемогущее Министерство обороны, через свою бабушку, попыталось послать меня в Эфиопию как переводчика для советских военных «советников». Спасла меня от этого справка, подтверждавшая, что меня учили индийским языкам, на которых не говорят в Эфиопии. Но кого это интересует... теперь?

Французская, немецкая и скандинавская службы находятся на южной стороне третьего этажа. Там также есть отдел связи и комнаты для телефонистов, работа которых состояла в том, чтобы соединять абонентов по высокочастотной связи, иногда за границей, обычно партийных чиновников. Если гиды «Новостей» устраивали бы какому-то иностранцу поездку по Советскому Союзу, то эти коммуникации были бы заняты, передавая сообщения в офисы местных партийных организациях, с просьбой к ним почиститься при подготовке встречи иностранной делегации. Должно быть много водки и хорошей еды; дороги должны быть очищены, и заборы покрашены; алкоголиков надо было убрать из сточных канав: колхозы должны были выглядеть эффективными. И поставить рояль в парк и кого-то, кто играл бы на нем, предпочтительно какого-нибудь рабочего...

Второй этаж не очень интересен. Его северное крыло служит домом для технических и административных служб. Если вы ведете иностранца на обед, вам нужно прийти сюда, чтобы получить купоны для такси, кредит в хорошем ресторане, и записку для бухгалтерии, которая обеспечит вас некоторой суммой наличных денег, чтобы разбросать вокруг. Билеты на самолеты и поезда тоже бронируются здесь.

Быстро идя дальше по коридору восточного крыла, мы проходим фотоотдел. Там есть другая система регистрации, с неистощимым запасом фотографий, чтобы иллюстрировать достижения социалистической родины.

Бесчисленные фотографии с негативами хранятся здесь, для каждого мыслимого случая, но по существу несущие одно и то же послание. Читатели, которые задались вопросом, как получается, что, как только социализм одерживает победу в какой-то стране, ее люди начинают улыбаться с пустым, но вечным оптимизмом, могли бы адресовать свои запросы к этому отделу. В Гаване, Белграде, Пекине или Хараре, есть одна вещь, которую вы могли бы сказать о социализме: все любят его одинаково. Это явление должно стать темой исследования для психологов.

Страны, уже наслаждающиеся социализмом, обслуживаются редакциями южного и западного крыла. Материал, произведенный здесь, возможно, не является

столь же тонким, как тот, что делают для Третьего мира, но в нем есть, однако, одно отрезвляющее послание: вы живете красиво и в безопасности, и, если вы будете вести себя так, как положено, нам, вероятно, не придется «освобождать» вас снова при помощи наших танков.

Спуск на первый этаж будет сопровождаться запахом пирожков и вчерашнего капустного супа, потому что кафетерий и столовая размещены по обе стороны от фойе здания. Давайте выйдем и посмотрим, сможем ли мы вернуться назад.

Большие стеклянные двери приветствуют посетителя на главном входе, и за исключением двух часовых, одетых в серую форму и выглядящих очень похоже на офицеров гитлеровской армии, здание выглядит здесь более доступным, чем где-либо в другом месте.

Часовые спросят ваш пропуск, сотрудника, который забыл пропуск, они отправят назад. А посторонний посетитель должен будет подробно объяснить свой вопрос, поскольку часовой позвонит человеку, которого тот хочет видеть, и только если эти две истории совпадут, посетителю разрешат войти. Часовые – это отставники КГБ, возможно, уволенные за то, что не выполнили какую-то квоту, арестов, например. На их лицах написано скучное выражение – «пятнадцать лет назад я бы тебя расстрелял».

«Новости» вовсе не самое труднодоступное здание в Москве; попытайтесь посетить Центральный Комитет на площади Ногина. В качестве промежуточных примеров я предлагаю ТАСС или здание Московского радио. Там охранники – милиционеры из МВД, и посетители регистрируются как будто в зарубежную страну. Ваш пропуск – ваша виза; полчаса или больше могут быть проведены (обычно стоя) в ожидании, пока джентльмены за кирпичной стеной (в которой нет одного кирпича) примутся за дело, вытащат отдельный листок бумаги и назовут ваше имя.

Вернемся в «Новости». С любой стороны фойе коридоры демонстрируют советские лица и достижения. Улыбающиеся доярки, вдумчивые ядерные физики и глупые тщеславные партийные чиновники делят место на стенах с диаграммами роста чего-то, вероятно числа людей, которые были «сагитированы и спровоцированы» пропагандой «Новостей».

Свернув в левый коридор, мы пропадаем в кафетерий, где, если у нас осталось немного денег в запасе перед следующей получкой, мы можем купить немного пива. Сильно пьянствовать в кафетерии не желательно для сотрудников «Новостей»; это слишком облегчает информаторам их работу. С другой стороны,

пьянство распространено в АПН, судя по бутылкам, скрытым в шкафах для хранения документов, карманах и ящиках столов. Один мой иностранный коллега когда-то заметил, сколько воды, похоже, выпивает штат «Новостей» по утрам...

Тетя Вера не только святая заступница кафетерия, но и его менеджер. Ее веселое и солидное присутствие в существенной степени влияет на боевой дух в этой могиле журналистики. Часто поговаривают, что она крадет еду; что в России считается чем-то вроде сомнительного комплимента, потому что все, кто работают в кафетериях, крадут еду. Кража – существенная часть плановой экономики.

Возвращая наши пустые бутылки, и получая за каждую залог в размере 12 копеек, мы можем повернуть по коридору в западную сторону первого этажа и к кассе. Именно из этой крошечной комнатки, с еще меньшей приемной, иностранным «прогрессивным» авторам платят их тридцать сребреников за то, что они способствуют разрушению их родной «загнивающей капиталистической» родины, и за то, что печатают правду о «родине социализма» – Советском Союзе. Большинство берет эти деньги кротко; некоторым хватает нахальства жаловаться, что количество сребреников неравно их количеству страниц правды. Немногие берут деньги за обещание написать в их родных странах о славных достижениях, которые они видели, и еще меньшее число из них потом не делает этого. Но действительно важным зарубежным пособникам из-за границы деньги привозят отдельно, люди приблизительно эквивалентного ранга. Будущие премьер-министры и руководители государственных служб считают ниже своего достоинства быть замеченными в компании людей, стоящих в очереди возле окошка для выдачи денег из кассы «Новостей».

Но я все же видел и важных людей здесь, например, Равишанкара Равала, живописца из Индии; поэта Али Сардара Джафри; другого поэта и поклонника Ленина Сумитранандана Пунта: Бисваса, редактора «Amrita Bazaar Patrica»; А.С. Рамана, редактора «Bombay Illustrated»; Нараянана, редактора ежедневной газеты «Patriot». Мои коллеги из редакции англоязычных стран рассказывали мне, что господин Ким Филби собственной персоной часто проскальзывал сюда «инкогнито», чтобы забрать свои гонорары за консультативные услуги, предоставленные «Новостям» через отдел дезинформации КГБ. Многие неуспешные журналисты и писатели с Запада и Востока, Севера и Юга, оказывались в этой очереди, польщенные или слишком циничные, чтобы задуматься над тем, что их книги печатают миллионными тиражами в СССР, где тираж никогда не был показателем популярности. (Он устанавливается «сверху» Агитпропом.) Журналы учета этой небольшой комнаты могли бы многое рассказать о довольно большом количестве во всем прочем почтенных людей.

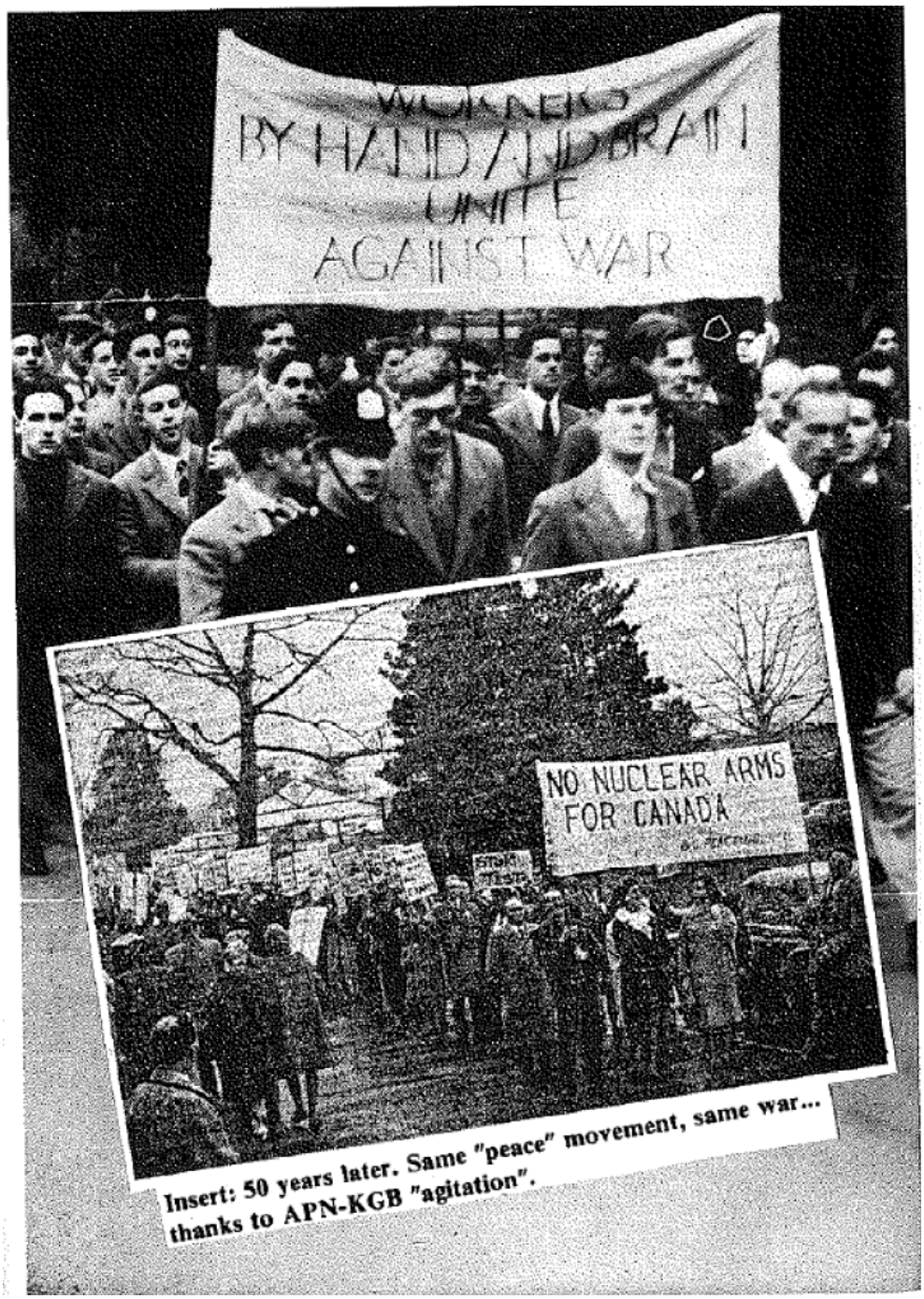
Диспетчерская для водителей легковых автомобилей и грузовиков находится дальше по западному коридору, возле арки, которая ведет во внутренний двор. Позади этого есть несколько больших комнат, занятых типографским оборудованием для ежедневных бюллетеней «Новостей», как для внутреннего, так и для внешнего потребления. Оставшаяся часть этажа слишком скучна, чтобы ее исследовать. Вот таковы они – четыре этажа здания «Новостей», но это еще не все. Есть довольно интересный подвал. Следуйте за мной, пожалуйста...

Если мы поедем на лифте, что обычно делают только «специальные» официантки и некоторые начальники, мы можем попасть прямо в «специальный, закрытый» ресторан, предусмотренный для номенклатуры «Новостей» и обслуживания иностранных гостей. (Кто не работает – на АПН, тот не ест – социалистическая цитата из Библии).

Ресторан похож на копию небольшого стейк-хауса где-нибудь в загнивающем Нью-Йорке: стулья с высокими спинками и скамьи разделяют зал со столами на удобные кабинки, мягкие огни, мягкая, но прогрессивная социалистическо-реалистическая музыка исходит от скрытых динамиков; скромные официантки и еда первого класса из запасов Центрального Комитета,

Я обычно приводил сюда множество иностранных гостей, чтобы провозглашать тосты за их правдивые статьи о нашем бесклассовом обществе. Ни одна левацко-либеральная шлюха, жующая «народную» икру, не спросила хозяев «Новостей» о резком несоответствии между едой здесь и в «народных» ресторанах (который любой из них мог бы посетить, если бы захотел). Разве героический советский народ не заслужил приличной еды после того, как он без посторонней помощи разбил нацистов, покорил космос и освободил Африку? Я никогда не переставал изумляться уникальной способности моих прогрессивных наблюдателей не замечать вещи, «нетипичные» для моей замечательной родины.

Ким Филби в Москве, декабрь 1967 года. Фотография сделана его сыном Джоном Филби.



Кембридж, 1933. Дональд Маклин (см. стрелку) во втором ряду на Марше мира.

Фото на вставке: 50 лет спустя. То же самое «движение за мир», та же самая война… Благодаря «агитации» АПН-КГБ.

Из ресторана, расположенного в южном крыле подвала, мы можем повернуть на запад и через коридор войти в просторную медицинскую часть, где служащим АПН просвечивают их внутренности на рентгене и лечат от травм, которые те приобретают в тяжелой борьбе против идеологических диверсий Запада.

Западный туннель резко заканчивается перед огромными воздухонепроницаемыми дверьми, ведущими, как мне рассказывали, в противорадиационное укрытие, подготовленное, скажем так, для некоторых советских журналистов на случай ядерного удара. Сначала существование этих убежищ казалось мне симптомом паранойи у наших вождей, но от одного моего друга, чиновника Министерства иностранных дел, я узнал, что это скорее симптом рассчитанной подготовки к войне.

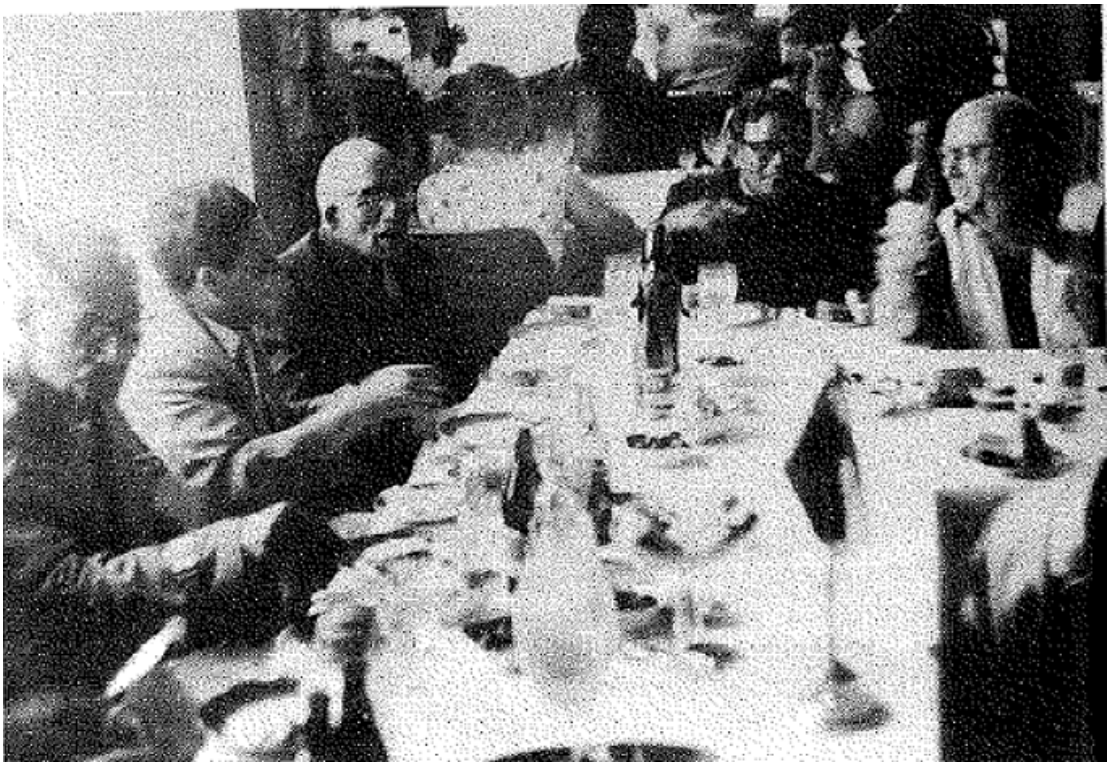
Однажды, входя на станцию московского метро, мы увидели бригаду рабочих, трудящихся над огромными воздухонепроницаемыми воротами, полметра толщиной, сделанными из стали и бетона, которые в активизированном, вертикальном положении могли полностью отгородить станцию метро от входного перехода. Как я помню, это было как раз перед Карибским ракетным кризисом. Я выразил моему другу свое подозрение, что наша демократическая хунта, вероятно, готовит для нас убежища на тот случай, если президент Кеннеди прикажет нанести удар по Москве в ответ на наш удар по Майами.

Не для нас, сказал будущий дипломат, даже вся система московского метро не сможет защитить все восемь миллионов москвичей. Эти двери должны не защитить людей от радиации, а защитить номенклатуру от потока охваченных паникой людей.

Советские средства массовой информации того периода с истеричным смехом писали о глупых американцах, платящих тысячи долларов, чтобы построить свои отдельные семейные бомбоубежища. Некоторые советские журналы, как «Огонек» и «Крокодил», печатали фотографии убежищ с саркастическими подписями, объясняя, что некоторые американцы набивают эти убежища консервами, аккумуляторными батареями и заряженными винтовками – чтобы защитить себя не от врага, а от своих соседей, менее удачливых пролетариев, оставшихся беззащитными наверху. Мой друг объяснил мне, что в каждом советском солидном учреждении, в одном из его бесчисленных отделов, сидит скромный бюрократ, перебирающий маловажные, но секретные документы. Его реальная функция – функция «радара системы дальнего обнаружения и предупреждения». В случае ядерной войны он (или она) получит невинный телефонный звонок, и кто-то произнесет заранее условленную фразу, возможно, что-то вроде «ласточки возвращаются в Ялту», или «тетя Шура передает привет Пете». Это

станет сигналом для операции по эвакуации. Клерк откроет свою папку, вытащит запечатанный конверт, откроет его, и позвонит всем, кто перечислен в списке. Отобранные немногие пойдут в лифт, как будто их вызвали на очередное совещание, и мирно спустятся в убежище, оставляя остальную часть офиса в блаженном неведении о приближающейся ракете, чтобы они сгорели в ядерном огне. Все было бы аккуратно и чисто научно. Никакой классовой борьбы в последнюю минуту у воздухонепроницаемых дверей, никакой необходимости в заряженных винтовках и консервах...

Вот и все, что касается здания. Давайте уберемся из мрачного подвала и пойдем в освещенный солнцем тюремный двор «Новостей». В летний период двор используется тетей Верой для ее буфета. Под круглыми красочными зонтиками стоят опрятные пластмассовые столы и стулья. Сотрудники «Новостей» жуют бутерброды и запивают их «жигулевским» пивом. На здоровье!



Еще одна пьянка с «прогрессивными» гостями «Новостей»

«КУХНЯ» АГЕНТСТВА «НОВОСТИ» ИЛИ, ЛУЧШЕ СКАЗАТЬ, «ТУАЛЕТ ВНЕ ДОМА»?

Победоносный социализм, как утверждали советские учебники «политэкономии», пробудил огромные, беспрецедентные производительные силы в обществе, и за короткий исторический период продемонстрировал (членам Политбюро) очевидные преимущества централизованной плановой экономики перед так называемым «свободным рынком», страдающим от инфляции, застоя, угнетения, эксплуатации и вообще полного кризиса. Так мне в детстве объясняли, что на Западе капиталисты так ужасно плохо организованы и настолько жадные, что они предпочитают сжигать пшеницу и выливать молоко в реки, вместо того, чтобы раздать это массам бедняков. Это называется «перепроизводством». В этот момент, как ожидалось, я должен был почувствовать классовую ненависть: «Вот же буржуйская сволочь! Молоко в речку! Почему бы не привезти немного молока в Мытищи?»

На моей родине нет опасности перепроизводства, что я могу засвидетельствовать после тридцати лет жизни при социализме. Есть дефицит, но только как временные трудности ввиду быстрого социалистического роста. Нам может иногда не хватать картошки, хлеба, спичек, шнурков, обуви, угля, керосина, листового железа, мыла, земляничного варенья, шариковых ручек, жилой площади, зерна, пшеницы, мяса первой категории, мяса второй категории, просто мяса, яиц, теплого нижнего белья «Дружба» (сделанного в Народном Китае), зимних пальто, сделанных в Чехословакии, воблы отовсюду – «маловажные» нетипичные продукты, без которых наша страна выжила и даже добилась великолепных успехов в космосе и Африке.

Но ни на одну единственную секунду за всю историю социализма у нас не было дефицита пропаганды. Это полужидкое вещество мы производим в изобилии для нас самих и для наших зарубежных братьев.

Самое большое перепроизводство пропаганды может наблюдаться в пределах «Новости». Откуда она берется? Как она собирается в канализационных коллекторах, путешествует вперед, ферментируется, и какое удобрение из нее получается? Что за плоды растут на полях, опрыснутых нашим удобрением? Давайте проследим за этим потоком от самого источника.

Грубо говоря, существует три главных источника пропаганды, собранной в «Новостях»: 1) «верхний» – от Агитпропа ЦК компартии; 2) «внешний» – от советских средств массовой информации вне АПН, и от иностранных СМИ, как про-

грессивных, так и реакционных; 3) «внутренний» – из того, что мы извергаем сами.

Агитпроп разрабатывает долгосрочные и двухнедельные планы пропаганды для советских и иностранных СМИ, так же как ключевые моменты марксистско-ленинской догмы, как ее интерпретирует нынешняя идеологическая элита. Это для АПН наша «генеральная линия». Даже самые «независимые» и зрелые производители пропаганды должны «переварить» агитпроповские формулировки, прежде чем опубликовать что-то свое.

О планах Агитпропа главным редакторам «Новостей» сообщают во время регулярных встреч в Центральном Комитете. Просвещенные, начальники приезжают в «Новости» и информируют руководящий персонал – редакторов отделов, и т.д. Те, в свою очередь, тщательно разрабатывают планы в соответствии с текущими событиями в их соответствующих географических районах, чтобы соответствовать «потребностям» определенных стран. В случаях, когда текущие события упрямо развиваются в противоречии с директивами Кремля, главный редактор отдела координирует поток и последовательность пропаганды с Центральным Комитетом по телефону.

«Внешние» источники можно разделить на «внутренние», «прогрессивные иностранные» и «реакционные иностранные». Каждый год, каждый день и каждую минуту, чудовищная советская монополия средств массовой информации затопляет нашу страну и наших соседей океанами вонючей полужидкой субстанции. Среднестатистический «гомо советикус» уже привык к зловонию, и после трех четвертей столетия просто пропускает его через свой организм как нечто неудобоваримое. Но сотрудники «Новостей» – это совсем другое дело. Мы различаем запахи, цвета, последовательности и смеси, выбираем избранные части, жуем их любовно, и выделяем из себя новые комбинации и формы.

Моя обязанность, например, состояла в том, чтобы ежедневно переваривать груду советских газет и периодических изданий в поисках трех или четырех кусочков, все еще съедобных, с надлежащей приправой, для наших развивающихся братьев в «Третьем мире», особенно тех, кто живет на индийском субконтиненте. Этот вид работы можно доверить только товарищу, который провел некоторое время в Индии, знаком с языками и СМИ этой страны, и кто знает вкусы и нравы населения. Так, например, выбирая куски из напыщенной статьи в советском журнале «Огонек», я опускаю упоминания советских женщин, занимающихся тяжелой работой (на железной дороге и стройках и т.д.), чтобы не испугать наших не освобожденных исламских сестер в Лакхнау.

Другой «внутренний» источник пропагандистского сырья – разного рода авторы, посторонние специалисты, писатели, внештатные сотрудники, профессионалы, бюрократы или «интеллигенция» – образованщина.

От каждого редактора АПН ожидается, что у него есть свой круг этих экспертов в различных областях.

Давайте возьмем, например, типичный случай, когда Центральный Комитет решил отметить славную годовщину советской власти в какой-нибудь советской азиатской республике. Давайте представим также, что по совпадению одна из самых больших газет в Индии (скажем, «The Statesman») выразила желание получить от «Новостей» что-то о сельском хозяйстве в Узбекистане. Это часто происходит: чтобы «уравновесить» поток информации с Запада, редакторы индийских газет берут советскую статью, прямо из первых рук, в том виде, как она есть. Протрезвев, наш человек в Дели немедленно пошлет в центральный офис «Новостей» в Москве телекс, заявку. Предположим, что этот листок бумаги упадет на мой стол с написанной красным карандашом резолюцией товарища Махотина» «прошу удовлетворить». Моим первым действием было бы позвонить в представительство Узбекской ССР при Совете министров СССР и попросить ответственного министра, товарища, скажем, Гасанбекова, написать для «Новостей» что-то о великолепных достижениях узбекского народа под руководством ленинского ЦК.

Товарищ Гасанбеков позволяет десять минут уговаривать себя по телефону на такое важное предприятие. Он перекладывает ответственность на своего помощника, который тратит еще два часа на телефон, записывая под мою диктовку «основные моменты». Через две или три недели статья попадает на стол товарища Гасанбекова. Товарищ Гасанбеков может даже прочитать часть ее перед подписанием, и положить в канцелярский ящик для исходящих документов. Статья со специальной министерской почтой отправляется в «Новости», иногда в черном лимузине «Чайка». Становится очевидно, что вся статья неграмотная, слишком длинная, и посвящена другой теме: методам скрещивания хлопка. Но бухгалтерия Агентства «Новости» с готовностью выплатит скромный гонорар – приблизительно четыреста рублей – товарищу Гасанбекову. Для министра это пустяковая сумма, но это приятно щекочет его самолюбие как писателя и еще сильнее укрепляет братские связи между узбекской и русской бюрократией.

Иногда, тем не менее, такая статья все еще рождается: либо министр «уехал на совещание в ЦК», либо у него похмелье, либо его помощник положил записку с «основными моментами» не на то место, и он слишком робок, чтобы позвонить мне снова. Другими словами, опус не появляется, и я по утрам замечаю сталь во

взглядах моего босса. В этом случае я переписываю что-нибудь из ташкентской местной газеты «Коммунист Узбекистана», добавляю некоторые детали из казахстанской газеты «Ленин Жолы», приправляю солью и специями, упоминаю посещение Индирой Ганди Тбилиси и поездку товарища Гасанбекова в Пенджаб в прошлом году, перепечатываю все в трех копиях, и посылаю в представительство Узбекской ССР. Статья возвращается с драгоценными каракулями товарища Гасанбекова, и все прочее происходит так же, как описано выше, включая «скромный» гонорар.

Опус должен, конечно, пройти через цензора, быть скоординированным с последним планом пропаганды Агитпропа, и т.д. К концу четвертого месяца он приземляется на столе редактора «The Statesman» в Нью-Дели со штемпелем: «Эксклюзивно от «Новостей»». К тому времени, страдая на протяжении сезона муссонов, редактор уже неспособен вспомнить, почему он заказывал ее.

Здесь, чтобы освежить его память, приходит человек «Новостей» в Дели с бутылкой (или с целым ящиком, в зависимости от важности темы) виски. Материал печатают с фотографиями улыбающихся узбекских крестьян, доказывая неоспоримые преимущества советского социалистического сельского хозяйства в прежде отсталых азиатских регионах.

ПРАВДА

CANADIAN TRIBUNE

БОЛЬШИЕ ЗАДАЧИ

Лесли МОРРИС
Генеральный секретарь
Коммунистической партии
Канады

Канада находится накануне самых ответственных в своей истории федеральных выборов. Вопрос стоит так: будут ли канадцы хозяевами в своем собственном доме? Или же Соединенные Штаты будут диктовать канадцам, что им делать? Этот основной вопрос нашел выражение в требовании США, чтобы Канада, член НАТО, приняла ядерные боеголовки для американских зенитных ракет, размещенных в Канаде в качестве одного из элементов североамериканского командования противовоздушной обороны (НОРАД), и для ее самолетов и войск, размещенных в Западной Германии в качестве войск НАТО.

За последнее время правительство Соединенных Штатов дважды нагло вмешивалось во внутренние дела нашей страны. В январе нынешнего года бывший главнокомандующий НАТО генерал Норстад посетил Канаду и публично потребовал на пресс-конференции в Оттаве, чтобы Канада приняла ядерное оружие (которое будет оставаться в собственности и под контролем США). 30 января, не проконсультировавшись предварительно с канадским правительством, государственный департамент США опубликовал заявление для печати, которое прямо противоречило заявлению избранного премьер-министра Джона Дифенбейкера по вопросам обороны, сделанному им в канадском парламенте. Это вызвало парламентский кризис и необходимость выборов, назначенных на 8 апреля.

Предвыборная борьба развертывается вокруг этого вопроса. По всей стране разносится клич: «Никакого ядерного оружия для Канады!». Сторонники мира, профсоюзы, Новая демократическая партия, Коммунистическая партия — все выступают против ядерного оружия. Но только коммунисты занимают последовательную позицию. Они говорят: главное — это независимость Канады от господства США. Кандидаты-коммунисты участвуют в предвыборной борьбе, опираясь на эту патриотическую программу.

Экономика находится в состоянии застоя. Она не может полностью удовлетворить потребности нашей страны. Виновны в этом могущественные финансовые магнаты, контролирующие ключевые отрасли промышленности. Но «системой двигателей» экономики канадцы не владеют и не управляют. Она находится в руках Соединенных Штатов.

Нынешняя безработица не похожа на безработицу 30-х годов, когда она представляла бедствие, внезапно обрушившееся на рабочих. Теперь безработица стала постоянной и хронической. Ее уровень является одним из самых высоких в западном мире.

Когда рабочие пытаются разрешить эту мучительную проблему и требуют сокращения рабочей недели и уверенности в завтрашнем дне, вице-президент «Канадиен пасифик рейлуэйз», выступая от имени монополистов, призывает к принудительному арбитражу конфликтов, то есть к запрещению забастовок с целью сломить сопротивление профсоюзов.

Канадская молодежь тысячами [illegible] школу. Подрастающее поколение обеспокоено и встревожено. И не без оснований. Переживающая застой экономическая система не может обеспечить молодежь работой и гарантировать ей прожиточный минимум, не говоря уже о том, чтобы удовлетворить ее стремление быть на уровне революционного века атома и электроники, в который мы все живем.

Программа рабочих не должна ограничиваться только борьбой за их ближайшие нужды, сколь бы ни было это важно, а охватывать нужды всей нации. Если лапа американо-канадских монополий, душащих нашу экономику, не будет сброшена, страна окажется в тяжелом положении, а нужды рабочих не будут удовлетворены.

Порочный круг лжи: перепечатка в советской «Правде» сфабрикованной «Новостями» публикации, пристроенной в канадском коммунистическом таблоиде.

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ СЛУЖАЩЕГО «НОВОСТЕЙ»

7:00.

Героически преодолевая головную боль – результат вчерашней социализации с коллегами по «Новостям» и нашими иностранными «младшими братьями» я просыпаюсь в своей каморке в коммунальной квартире, которую мы делим с другой семьей, семьей рабочего, который делает детали для спутников на сверхсекретном заводе в соседнем городке Подлипки. Пытаясь не потревожить пролетариат и не разбудить своих родителей («Где ты был вчера так поздно? Действительно ли нужно проводить ТАК много времени со своими коллегами?»), я незаметно прокрадываюсь в нашу коммунальную ванную. Мои родители спят через коридор. Когда я уже в туалете, то я стараюсь не пукать слишком громко, потому что звуконепроницаемость нашей квартиры далека от идеальной. После беглого просмотра передовицы «Правды» я мну первую полосу самой правдивой газеты в мире. Стараясь не отпечатать у себя на заднице большой портрет товарища Брежнева, произносящего очередную историческую речь, я удостоверяюсь, что это тайно смывается вниз.

7:20.

В нашей коммунальной кухне я ставлю чайник на газ, чтобы вскипятить воду для чая. Тем временем я незаметно прокрадываюсь в нашу коммунальную ванную и провожу некоторое время перед нашим коммунальным зеркалом, озадаченный видом моего собственного лица и очевидным фактом моего существования. Бритье советской бритвой «Харьков» доказывает этот факт еще больше. Я делаю утреннюю зарядку, осторожно, чтобы не потревожить постиранное белье наших соседей, сохнущее на бельевой веревке, висящей через ванную и вне ее. Холодный душ делает очень много шума.

7:30.

Я приканчиваю вчерашний борщ на кухне, промываю его горячим чаем, и балетным шагом возвращаюсь обратно в свою комнату. Одеваясь под звуки радио, я много узнаю о достижениях советской промышленности и застое западной экономики. После новостей я слушаю бодрящие звуки Пятой Симфонии Будашкина для балалайки и оркестра, посвященной XXII съезду КПСС.

7:35.

Я извлекаю маленькую бутылку водки из-за ряда опрятных томов в переплете из искусственной кожи – полного собрания сочинений В.И. Ленина – на полке моего отца. (Мой отец подписался на собрание сочинений, когда он был молодым курсантом Военной академии имени Фрунзе – он был обязан сделать это – и с тех пор драгоценные тома спокойно стоят в мире и достоинстве.) Я делаю глоток водки, возвращаю бутылочку Ленину, и решительно выхожу из квартиры, игнорируя ворчание, исходящее от моей матери.

7:45

Я быстро иду к железнодорожной станции Мытищи, полумильная прогулка от нашего «военного городка», Военки, жилого района для штата военного научно-исследовательского института связи, где мой отец работал до повышения по службе в Генеральный штаб и более поздней отставки.

7:52.

У меня получилось. Я пробегаю в автоматические двери электрички, пригородного поезда «Загорск-Москва», втискиваясь прямо в массу теплых пассажиров, переполняющих вагон. Пневматические двери закрываются позади меня, стягивая полы моего пиджака. Я пытаюсь глубоко вздохнуть, и недружелюбный товарищ, к груди которого меня прижимают, выдыхает чеснок, сардины в томатном соусе и ржаной хлеб. Я заметил бледный нежный профиль другой жертвы утреннего часа пик. Она едва ли существует, раздавленная между мной и чьей-то спиной. Я улыбаюсь и немного отодвигаюсь, оставляя чуть больше места для нее. Она улыбается в ответ, приходя в себя и вдыхая душный воздух. Ее плечи кажутся мягкими, и я почти касаюсь ее волос своей щекой. Поезд останавливается на станции Лозинка, и давление на квадратный дюйм наших тел удваивается с новой толпой вонючих пассажиров. Теперь мы – буквально «плоть от плоти».

8:15.

Конечная станция – Москва. Мы выпадаем из двери поезда, все еще сжатые в единую массу, как полуживые евреи, которых в вагонах для скота везли в газовые печи Треблинки. В утреннем свете я критически разглядываю свою попутчицу и обнаруживаю, что ее ноги кривые, и что ее помятое чехословацкое пальто висит на ее хрупкой фигурке как пустой мешок для картошки. Я улыба-

юсь ей на прощанье. Ее захватывает водоворот толпы, бросающей взгляды SOS, затянутой другим потоком к станции метро «Комсомольская».

8:17.

Спускаясь по эскалатору, я замечаю красивую фигуру в импортном плаще из «болоньи», ее спортивные загорелые ноги. Я пробираюсь через толпу, пытаясь разглядеть ее лицо, и стараюсь попасть в тот же самый вагон метро, что и «Болонья». Прижатые друг к другу, мы изучаем анатомию друг друга через четверть дюйма одежды. На станции «Кировская» я рискую заговорить с ней. На «Дзержинской» мне удается дойти до того, чтобы спросить ее номер телефона. Она говорит, что у нее никого нет. Она лжет. Я даю ей свой телефон, и выхожу на «Проспекте Маркса» с улыбкой Гагарина. Поезд увозит «Болонью» до «Библиотеки Ленина».

8:35.

Я появляюсь на Пушкинской улице, размышляя о «Болонье», надеясь, что она позвонит. Погода хорошая, поэтому я иду пешком. Через два квартала к югу от Пушкинской улицы я заскакиваю в «Кафетерий таксистов» и ем на скорую руку. Стандартный завтрак – сосиски с квашеной капустой (русский хот-дог), яблоко, и чашка чая. Цена завтрака – одна сотая часть от моей ежемесячной зарплаты: один рубль и пятьдесят копеек. Спасибо и слава ленинскому Центральному Комитету нашей партии.

8:59.

Я подхожу к охраняемым стеклянным дверям «Новостей», держа в руке мое удостоверение личности, с чувством, что почти половина моего долга перед родиной уже исполнена.

9:05.

За своим столом, размышляя и (тайком) ковыряясь в носу, я торжествующе наблюдаю за другими, которые входят в здание с небольшим опозданием и, в зависимости от их положения, они либо нервничают из-за этого, либо воспринимают свое опоздание как обычное дело.

9:15.

Прогрессивная борьба за обладание грудой отчетов ТАСС начинается немедленно, когда она попадает в наш офис от службы отправки. Груда быстро разделя-

ется на «открытое» ТАСС – отчеты о достижениях наших собственных и братских социалистических стран, которыми никто не интересуется, и «ДС» – «дополнительные сообщения» – эти буквы отпечатаны в верхнем правом углу каждой страницы. Здесь мы можем прочитать о событиях в загнивающих капиталистических странах и Народном Китае. Эти страницы мы читаем более внимательно, но быстро, чтобы успеть добраться до самой желательной части груды: страниц с единственной красной буквой А в правом верхнем углу. Это – то, что они называют «белым ТАСС» – самая «секретная» информация. Здесь есть переводы статей и комментариев западных газет о нас, о судах над советскими диссидентами, о забастовках в таких местах как Новочеркасск или Минск, о сплетнях из Кремля, как они воспринимаются и интерпретируются «надежными источниками, близкими к Центральному Комитету» ищущими сенсации западными репортерами. Над этими страницами мы суетимся больше всего, каждый старается утащить их у другого, и мы читаем их иногда через чье-то плечо, быстро и нетерпеливо. Бывает так, что груда ТАСС проходит мимо нашей комнаты и попадает непосредственно в офис товарища Пушкова. Это происходит, когда наши славные и миролюбивые вооруженные силы освобождают кого-то от империалистических агрессоров.

9:40.

Прибывают советские газеты. Неохотно отрываясь от «сенсационных фальшивок» западных СМИ, мы начинаем просматривать «самую правдивую» прессу. Не ради информации, конечно, а в поисках материалов, подходящих для наружного применения. Это может быть статья, тема которой соответствует списку «заявок» от заграничного представительства «Новостей», или просто не особо догматичным пропагандистским очерком, пригодным для потребления в «не слишком прогрессивной» братской стране.

Каждый из нас проверяет наш стол, чтобы увидеть, есть ли там какая-нибудь заявка – запрос о такой статье, с пометкой красным карандашом, сделанной нашим боссом. Если ничего нет, то мы просматриваем советскую макулатуру довольно небрежно. На моем столе, большую часть времени, я нахожу записку от моего начальника товарища Махотина с поручением найти подходящую статью о выращивании хлопка в Узбекистане и интервью с советским индологом. Часто есть также намек, где это искать: в сегодняшних газетах, в картотеке, в ежедневном бюллетене АПН, или попросить у внештатного автора. В крайнем случае – придумать самому.

Для каждого варианта я снабжен вполне достаточным запасом маленьких анкет, размером с учетную карточку, с напечатанными поперек них красными буквами

словами: «оригинал», «копия» или «вырезка». Последнее относится к статьям и заметкам, которые я вырезаю из утренних газет. Анкета также требует от меня имя автора, редактора (меня), названия страны или географического района, которому это произведение должна быть адресовано, на какие языки оно будут переведено и как можно его передать (через зарубежное представительство «Новостей», телексом, дипломатической почтой, обычной почтой или через иностранного корреспондента в Москве).

Создание обычного пропагандистского произведения в среднем не требует много времени. Я вырезаю статью из газетной страницы, приклеиваю ее на чистый лист белой бумаги, изменяю название с оригинального «Славные достижения капитанов пустынь Казахстана» на скромное «Казахстан: пустыня уступает место хлопковым полям». Я заменяю два или три параграфа и исключаю одну треть текста, и, наконец, подписываю копию внизу, ставлю кодовый знак нашего отдела (ГРСАЗ – Главная редакция стран Азии), и кладу шедевр на стол товарища Махотина.

10:00.

Товарищ Махотин приходит, как обычно, в безупречном сером костюме и белой рубашке, пахнущий дорогими лосьонами загнивающего буржуазного происхождения. Он персонифицирует эффективность и хорошие манеры, как точная копия успешного бизнесмена на загнивающем буржуазном Западе. Он кратко пролистывает мусор, сложенный нами на его столе, едва скрывая свое презрение. «Вырезки» и «копии» бюллетеней «Новостей» он подписывает почти не глядя, и двумя пальцами бросает их в канцелярский ящик для исходящих документов, как будто обращаясь с дохлой мышью.

Материалы, требуемые зарубежными бюро АПН или даже отдельными иностранными газетами, рассматриваются с большим уважением: они должны быть продаваемыми. «Заказ» – заявка из Нью-Дели похожа на телеграмму, и это дело товарища Махотина, чтобы решить, кто из сотрудников должен заняться этим. После коротких размышлений Махотин кладет ее на чей-то стол. Сегодня заявка приземляется на мой стол, значит, я должен разработать способ обеспечить материал, и сделать предложение боссу. Путей может быть несколько: найти материал по теме в нашей картотеке, заказать его от автора «Новостей» в любом другом отделе, или сделать оригинал, т.е., написать это самому. Последнее является привилегией, поскольку мне платят скромный гонорар из фонда гонораров нашего отдела, в котором всегда не хватает денег. Махотин в хорошем настроении, и я получаю его королевское соизволение и начинаю придумывать статью.

Когда опус готов и напечатан, я прикрепляю к нему анкету, и кладу его на стол Махотина. Именно тогда начинается цикл пропагандистского переваривания (или расстройства желудка).

11:00.

Мне повезло. Босс подписывает мой опус, кратко просмотрев его и не передавая другому младшему редактору для «полировки». Я забираю материал и начинаю свое путешествие через кишечник Агентства «Новости», как мы говорим на русском языке, «как дурак, бегающий с мешком дерьма».

Моя первая остановка – в «регистрационном» кабинете, части картотеки, описанной в предыдущей главе. Там я бужу полную девушку, витающую в облаках, и, используя свое очарование, гипноз, юмор, и физическую силу, заставляю ее открыть огромную учетную книгу и внести номер моей статьи на соответствующей странице, и поставить печать со штемпелем с тем же номером на моей анкете. Закончив этот гигантский трудовой порыв, девушка дрейфует назад в свои мечты.

11:10.

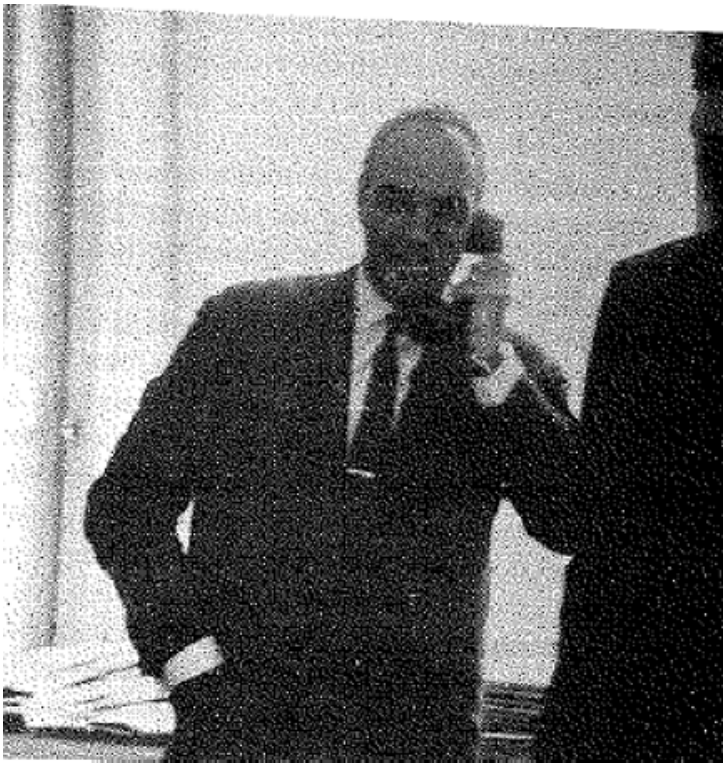
Оставив ее, я лечу в комнату цензора. Я не помню ни одного случая, когда один из этих трех цензоров пропустил бы мой материал сразу, даже если он был совершенно невинным и не содержал никаких государственных тайн. Цензор бормочет: «Положите туда и зайдите через минуту…» и рассеянно смотрит в другую статью, напрягая мозги, чтобы найти секретную информацию, которую загнивающий враг на Западе мог бы использовать против нас.

«Через минуту» моя статья все еще там. Она была бы все еще там через час, через три часа, через день и через неделю, и т.д. Поэтому я беру ее в сильные комсомольские руки и подношу к очень фиолетовому носу цензора, делая неопределенные жесты и шепча что-то вроде: «Иван Петрович хотел бы получить это срочно для отправки телекса в 6:25». Нет никакого Ивана Петровича, и не может быть никакой связи по телексу с Дели в 6:25, но это не имеет значения, я даже подозреваю, что цензор знает, что я вожу его за нос. Но мой блеф работает, потому что я знаю волшебную власть, которой обладают русские отчества, прошептанные с уважением вместе с таинственными цифрами, и с такими словами как «срочный» и «секретный», сопровождаемые неопределенными жестами пальца к потолку, над простыми усталыми душами советских бюрократов.

Цензор делает вид, что находит какие-то маленькие ошибки в моей статье, спрашивает о значении нескольких цифр, заимствованных из официальных статистических ежегодников, выглядящих, однако, подозрительными, и нерешительно ставит свой штамп в правый верхний угол каждой страницы моей статьи.

11:25.

Забрав мою работу от цензора, я бегу к мечтательной девушке; мой материал «оригинален», и тема могла бы быть полезной для какого-нибудь другого отдела. Копия должна храниться в картотеке. На сей раз девушка должна вникнуть в каждую деталь анкеты, чтобы не оставить ни малейших сомнений, на всякий случай.



Товарищ Махотин в своем лучшем настроении (и опьянении).

Секретарша Тамара, дочь офицера КГБ, высланного из Норвегии в начале 60-х.

Акт фотокопирования не может быть доверен мне: копировальные аппараты в общенародном информационном агентстве моей страны охраняются строже, чем ядерные боеголовки на складах Пентагона. Чтобы делать фотокопии, АПН использует еще одну мечтательницу, которая сильно краснеет, когда я (неумышленно) смотрю на глубокое декольте ее блузки. Машина рождает копию в розоватых пятнышках, которую можно прочитать, если держать страницы против яркого света.

11:40.

Я оставляю копию в одной из бесчисленных папок, и оставляю девушек совершенно измученными от их усилий. Я бегу на четвертый этаж, в отдел переводов. Здесь я должен побеспокоить одну из перезрелых девиц, изо всех сил пытающихся обработать груду скучной пропаганды, чтобы она превратилась в скучные английские версии. Обычно одна страница занимает у них около 90 минут, но с моей поддержкой и приставаниями могут управиться и всего за 20. Там все равно не особо много нового, что нужно переводить: каждая статья со-

стоит из несколько различающихся комбинаций одних и тех же старых клише, почти неизменных с тех времен, когда Остап Бендер, герой сатирического романа Ильфа и Петрова, изобрел свое «незаменимое пособие для сочинения статей». Все это сводится к блестящей идее, что, так как мы являемся лучшими в остальном загнивающем мире, все должны нас слушать и повиноваться нам.

Я добровольно вызываюсь помочь, подсаживаясь поближе к одной из девушек. Переводчики уже знают тактику младших редакторов, таких как я, но не возражают. Эта девушка покровительствует мне, и называет меня «вороненком» за мой нос, глядя на меня, как кошка смотрела бы на маленькую птичку. Но я улетаю с копией. К машинисткам.

12:15.

Комната машинисток. Другая борьба с искушением, на сей раз намного моложе. Здесь, чтобы заставить Нину сделать свою работу, я должен пообещать ей еще одну поездку с нею в «Березку», магазин, торгующий за иностранную валюту. Затем, перепечатанное в трех экземплярах, мое произведение возвращается к секретарше нашей редакции, Тамаре. Прежде, чем произведение будет послано в Индию, оно собирает еще пару подписей у Махотина и Пушкова. Если бы материал шел в Дели дипломатической почтой, я мог бы расслабиться – Тамара позаботится об этом. Но материал «срочный» и предназначен для передачи телексом, поэтому у меня новый раунд хлопот. Я должен сам получить «добро» и подпись от Пушкова. Он отсутствует, поэтому я бегу на третий этаж и заманиваю в засаду одного из членов правления, товарища Пищика. Мне везет; я получаю его подпись за несколько секунд, кратко рассказав ему о содержании моего опуса (Пищик никогда не утруждает себя чтением материала). Все это делается не столько в садистских целях, сколько чтобы предотвратить попадание любого «нежелательного» текста на международные радиоволны, все еще не находящиеся под контролем КГБ.

12.30.

Я убегаю назад на четвертый этаж и запихиваю мою штуку в крошечное окошко в огромной пластмассовой стене зала телетайпов. Дежурная операторша тщательно исследует текст, чтобы в нем не было ничего, кроме подрывной пропаганды. Она передает его одной из машинисток клавишного перфоратора, и я, наконец, теряю контроль над своим созданием. Оно отправляется в Индию, чтобы сделать свою работу по причинению вреда умам индийцев.

13:00.

Пытаюсь отдышаться. Я сталкиваюсь с коллегой, таким же потным и с дикими глазами. Мы начинаем договариваться об обеденном перерыве. В «Новостях» никто просто так «не обедает», если, конечно, вы не новичок или безнадежный нонконформист. Любой человек с престижем и положением входит в какую-нибудь свою «группу обедов». И, в зависимости от суммы имеющихся денег (чем ближе ко дню получки, тем она меньше), группа спешит или в кафетерий «Новостей», или выходит друг за другом через стеклянные двери на улицы Москвы.

Цель «группы обедов» очень важна: она указывает, кто ваши друзья, и чего вы стоите. Некоторые «привилегированные» группы направляются в первоклассные рестораны Москвы, такие как «Арагви», «Узбекистан» или «Баку». Наша азиатская редакция спонсирует ресторан «Пекин» на площади Маяковского.

Только с «группой обедов» человек из «Новостей» может безопасно критиковать свое начальство и выражать политические взгляды. Чтоб быть допущенным в группу, нужно доказать свое умение хранить тайну, чувство юмора, понимание товарищества и способность вернуть одолженные деньги. Моя группа состоит из Карена Геворкяна, поклонника кавказских и восточных блюд, Вадима Смирнова, моего однокашника, позже получившего работу в ЦК. Сегодня среди нас есть несколько посторонних: Дима из ТАСС, Виктор из МИД (оба арабисты), и еще один Виктор, из КГБ. Наша преданность была проверена годами дружбы. Ни один из нас, мы хотим быть уверены, не сможет донести на другого.

Мы никогда не впустили бы негодного участника в нашу группу, такого как Бен Зиновьев, увертливый маленький ублюдок, который бежит с его начальником, Сашей Горновым, неся ключи от машины перед начальником, чтобы разогреть двигатель его «Волги» в экспортном исполнении. Отвратительно. С другой стороны, мы не тратили бы наше время и усилия, чтобы попасть в группу таких обедающих, как сын Громыко, или дочь Брежнева или зять Хрущёва. Все они принадлежат к элите Агентства «Новости». Мы не чувствовали бы себя комфортно в их присутствии, даже если они и не будут возражать поиграть в «демократию» и иметь некоторых из нас в своей компании, для развлечения, если не для чего-то другого.

13:15.

Погода позволяет, так что мы идем пешком к нашему месту встречи. Дорога к «Узбекистану» является самой приятной из всех – вдоль бульвара, наблюдая за симпатичными девушками, сидящими на скамейках в парке.

15:00.

Когда все темы и политические анекдоты и сплетни исчерпаны, мы возвращаемся в офис в умиротворенном и ленивом настроении. Остальная часть рабочего дня может варьироваться от продолжающейся суеты до сидения за столом, симулируя занятость. Некоторые честолюбивые товарищи тратят остальную часть дня, составляя свои собственные материалы или занимаясь исследованиями для них.

Чтение советских газет доставляет мне мазохистское удовольствие: это еще сильнее укрепляет меня в моей ненависти к системе, и это излечивает от любых иллюзий, что у этой системы когда-нибудь может быть «человеческое лицо».

16:00.

У нас есть еще наше «заседание для координирования» или производственное совещание – скучный и непродуктивный обмен мнениями о работе друг друга, главным образом с единственной окончательной целью в уме – убить любое творческое и индивидуалистическое усилие в самом зародыше. Эгалитаризм в посредственности – наше руководящее правило. Мы получаем короткий инструктаж о последних списках тем и точек зрения, предложенных «Новостям» нашим непосредственным хозяином, Агитпропом. На этих брифингах («летучках») мы, как журналисты и члены партии, уточняем способы, как можно преобразовать глупые и полностью нелогичные установки Агитпропа в проходимую или даже интересную вербальную форму, так, чтобы у них мог появиться шанс быть подхваченными и перепечатанными в иностранных СМИ.

17:00.

Начинается массовый исход. Начальники исчезают первыми. Массы иногда остаются, закрывают двери и устраивают небольшое празднование, отправляя кого-нибудь из самых молодых в гастроном на той стороне Пушкинской площади за бутылкой (или двумя).

18:00.

По пути домой, в электричке, я наблюдаю за пролетариатом и колхозниками, толпящимися и потеющими, несущими с собой большие сумки, «авоськи», плотно набитые хлебом, макаронами, дешевой колбасой или сардельками, пытаясь «стереть различие между городом и деревней», покупая продовольствие в Москве и неся его домой. Я слушаю их истории и анекдоты, и их жалобы о тяжелой жизни. Я сочувствую им, но в то же самое время чувствую себя счастливым, что я не один из них. Я из привилегированного класса, и мне не нужно возить еду домой из Москвы в Мытищи. Я не должен стоять в длинных очередях, потому что у меня есть доступ к специальным магазинам. Поэтому я немножко равнее других в этой стране равенства и изобилия.

С другой стороны, у пролетариев есть кое-что, чего нет у меня – свобода громко ругать наших вождей и нашу систему. Им «нечего терять, кроме своих цепей», а я могу потерять многое, если распущу язык. Так, притворяясь наполовину спящим, я слушаю мудрость бедняков – политические анекдоты, некоторые из которых я «продам» своим коллегам по «Новостям» завтра за обедом.

19:00.

Я редко смотрю телевизор. Когда я дома, мой любимый медиум – коротковолновый радиоприемник, привезенный моим отцом из освобожденной Восточной Германии. Я провожу часы у приемника, настраиваясь на «Голос Америки», Би-би-си, и «Немецкую волну» ради новостей из-за границы, на Радио Люксембурга и Радио Тегерана из-за их музыки; на Всеиндийское радио ради ностальгии. Но самым захватывающим для меня является Радио «Свобода» (или Радио «Свободная Европа»), станция, которая сообщает мне о событиях в моей собственной стране. В этом-то и кроется ирония: ведь я работаю на агентство новостей.

За столом во время ужина я спорю со своими родителями и говорю им, что не собираюсь быть благодарным им за «счастливое детство» в системе, которую они построили для меня. Мой отец, старый большевик, обзывает меня, но моя мать, дочь богатого украинского крестьянина, говорит мне со вздохом, что с моей позицией я буду недовольным при любой системе.

21:00.

Я удаляюсь в свою комнату с американским романом в мягкой обложке, взятым на время у друга по «Новостям», только что вернувшегося из-за границы, или с

экземпляром «самиздата», который мне доверили только на одну ночь. Я знаю, что никогда не буду в состоянии написать и самостоятельно издать что-либо вроде этого. Я продал свою душу системе.

«Сладкая жизнь» элиты «Новостей».

КТО ТАКИЕ ИНОСТРАНЦЫ?

- Вот еще вопрос! – могут сказать некоторые из моих соотечественников, – иностранцы – это люди, которые живут в зарубежных странах, окружающих Советский Союз.

- Что еще?

- Ну, иностранцы могут свободно приехать к нам, а мы не можем приехать к ним.

- Очень узкое определение, товарищ! Стыдитесь! Вы должны больше читать газеты!

- О, черт, а вы что скажете!

- Нет, во-первых, позвольте мне сказать вам, кто такие иностранцы. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

Иностранцы для нас – это божественные существа, опасные и ненавистные. Это люди с другой планеты, каждая молекула их тел сделана из другого набора элементов. Мы смотрим на них с уважением и страхом, стараясь им услужить, показывая наши лучшие и самые новые коммунальные бараки и какой бы ни был урожай, который выжил на колхозных полях. Но в то же самое время мы должны быть чрезвычайно бдительными с ними, потому что любой из них может оказаться врагом, шпионом, диверсантом, саботажником. Иностранцы бывают различных видов: пролетариями и буржуа, но более безопасно подозревать их всех.

Иностранцы носят недоступные вещи: эластичные носки, рубашки из нейлона, итальянские плащи, высокие сапоги «а-ля-Рюсс», сделанные в Японии, шубы, сделанные из сибирской лисы и соболей, костюмы из дакрона, шерстяные свитера и т.д. Карманы иностранцев содержат желанные вещи, такие как шариковые ручки и жевательная резинка. На шее их болтается множество фотоаппаратов, и большинство из них работает. Иностранцы ездят на блестящих иностранных автомобилях, и когда они паркуются на наших улицах, мы собираемся вокруг их автомобилей, прикасаясь к хрому, но остается совершенно равнодушными к этому трюку капитализма. Некоторые люди говорят, что иностранцы дают нам кредиты в своей иностранной валюте. И мы любим их валюту, независимо от возраста, членства в партии или положения. Большинство из нас любит валюту платонически, просто радуясь вестям о том, что наше могущественное государство получило несколько миллиардов загнивающих недостойных долларов США от какой-то сделки. Самые большие любители иностранной валюты – это наши самые главные люди, наши вожди, «слуги народа». Например, Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза до такого умопомрачения любит иностранные кредиты, что он с готовностью отдает за них все, что у нас есть: древесину, газ, нефть, икру, водку, евреев, матрешки, золото, шедевры искусства из Эрмитажа, иконы. Если бы была пшеница, он отдал бы им и ее, но она плохо растет в нашей стране из-за «неблагоприятных климатических условий». Простые люди за то, что они продают свои личные вещи иностранцам в обмен на валюту, которую так любит государство, могут быть казнены как «экономические враги государства».

Это другая причина, из-за чего мы так сильно ненавидим иностранцев. Но главная причина, тем не менее, состоит в том, что наша земля окружена империалистами, которые постоянно устраивают заговоры, чтобы уничтожить наше прекрасное государство. Вот почему каждый истинный патриот и интернационалист

единодушно поддерживал усилия наших вооруженных сил защитить нашу окруженную родину, борясь против западного империализма в Афганистане, Вьетнаме, Южной Корее, Финляндии, Норвегии, Португалии, Африке, Индии, на Кубе, в Анголе, Эфиопии, Никарагуа, Сальвадоре, Чили, Канаде и Антарктиде. Вот почему каждый советский патриот должен развивать в себе чистую классовую ненависть к каждому иностранному империалисту, и постоянно разоблачать всех иностранцев как агентов иностранного империализма. Вам пока все ясно?

- Ясно, что вы слишком много болтаете. Как вас зовут, товарищ? Могу я посмотреть ваши документы?

(Вот видите, он думает, что я иностранец!)

* * *

До 1957 года я не помню, чтобы видел каких-то иностранцев вообще. Поэтому у меня были только теплые чувства к ним. Я интуитивно понимал, что все плохое, что бы ни говорила об иностранцах наша пропаганда, не соответствует действительности. Я завидовал иностранцам, потому что они жили в зарубежных странах, я стремился встретить иностранцев, но они были слишком далеко. Где-то далеко были храбрые французские докеры, которые отказывались грузить танки во Вьетнам, там угнетались и терпели лишения американские негры и эксплуатировались американские рабочие. Там были голодные фермеры в Канаде – но я никогда не видел их. Наиболее вероятно, империалистические круги не позволяли этим хорошим иностранцам покидать свои страны, чтобы приехать в нашу страну из опасения, что они увидят, насколько повезло нам с социализмом, или, по крайней мере, так объяснялось это в наших газетах.

В определенном возрасте я хотел быть иностранцем, чувствуя себя кем-то вроде неудачника. Представьте себе десятилетнего мальчика, слушающего по радио о хлеборобах Ставрополья, перевыполняющих план по сбору урожая пшеницы для государства, или смотрящего фильм «Кубанские казаки», где столы колхозников ломятся от еды и вина, и в то же самое время в Киеве моя мать будит меня в шесть утра, чтобы я занял место в очереди за хлебом. Вы чувствовали бы себя как иностранец, особенно, если вы родились в семье офицера Советской армии и все еще помнили, хотя и смутно, такие вещи как мясные консервы («Спэм»), яичный порошок, сгущенное молоко, поставлявшиеся нам по ленд-лизу из США.

Когда я стал учеником средней школы, я помню, что успешно имитировал иностранные акценты на концертах школьной самодеятельности.

В 1957 году в целях «укрепления мира и дружбы между народами» Никита Сергеевич Хрущёв разрешил самый первый «Международный молодежный фестиваль» в Москве. Мы увидели так много иностранцев, как мы хотели. Они шли по Красной площади! Живые! Без охраны! Можно было (осторожно) подойти к ним, коснуться их, сказать что-то вроде «Мир, дружба!». Обменяться значками! Адресами! Мы действительно могли укреплять дружбу, в течение приблизительно двух недель!

«Москва – Калуга – Лос-Анджелес, объединились радостно в один колхоз!»

Когда молодые иностранцы, наконец, уехали из Москвы и отправились в соответствующие зарубежные страны, чтобы продолжать там работу коммунистической пропаганды, рассказывая сказки о советских достижениях, после того, как Москва была очищена от окурков иностранных сигарет и оберток жвачки, больницы, где лечат венерические болезни, переполнились молодыми людьми, которые поняли «укрепление мира и дружбы» слишком буквально. Многие из них потеряли некоторую часть своего восхищения всем заграничным.

Относительно меня, я сумел сохранить свою верность родине и не подцепил венерическую болезнь. Поэтому я все еще любил иностранцев. Кроме того, от восхищения элегантной одеждой и изящными автомобилями я сделал следующий шаг к пониманию того, что иностранцы превосходили нас в одном отношении: они были естественными, они не боялись общаться, они могли свободно критиковать свои правительства и страны. Медленно у меня в голове возникла идея: я понял, что демократия — это не то, что существует в СССР, а то, что есть у иностранцев в их странах. И у меня была вера в демократию. В то время я не мог знать, что у многих моих соотечественников тоже была вера в западную демократию, и что эта вера стоила сотням тысяч из них их жизни. Только много лет спустя я узнал, как поступили западные демократические государства с военнопленными, которые восстали против советского фашизма во время Второй мировой войны и встали на сторону немцев, надеясь освободиться и сокрушить тиранию Сталина. У них не было никакого другого выбора: Запад не собирался помочь моей стране свергнуть господ в Кремле: напротив, они были «союзниками» Сталина. Невооруженные, незащищенные, наивно верящие в «здравый смысл» Запада, тысячи мужчин, женщин и детей сдались тогда британцам и американцам, которые передали их Сталину, и они отправились в братские могилы. Так Запад предал своих единственных друзей в Советской России, оставив врагов живыми и хорошо оплаченными.

Тогда, в 1957, я не знал этого. Факты о позорном Ялтинском соглашении и об операции «Килевание» («Keelhaul»), предательстве русских пленных, скрыва-

лись и советской пропагандой, и западными СМИ. В то время мое отношение к иностранцам лучше всего можно было бы определить словами «восхищение, надежда и зависть». В начале 1960-х годов эта позиция медленно менялась на «смущение и замешательство».

После нескольких первых моих контактов с иностранцами во время учебы в университете, мое отношение еще более ухудшилось к «жалости и разочарованию». А после окончания Института восточных языков и нескольких лет работы с иностранцами в «Новостях», и в СССР, и за границей, стрелка барометра опустилась еще ниже.

ON BEHALF
OF THE WORLD
PEACE
COUNCIL,
PAUL ROBESON
HANDS
NADEZHDA
NADEZHDINA
THE GRAND
GOLD MEDAL
FOR PEACE,
AWARDED TO
HER COMPANY

«По поручению Всемирного совета мира Пол Робсон вручает Надежде Надеждиной большую золотую медаль за мир, которой удостоен ее ансамбль».

Американский певец Пол Робсон исполняет свой пропагандистский трюк.

* * *

Процесс потери веры в иностранцев начинался очень медленно. Попробуйте представить себе послевоенную Москву, лишения. Паранойя Холодной войны, новые волны политических арестов, конец любой свободы, которой наш народ добился от Сталина как награду за победу в войне. Старики дрожали каждую ночь, ожидая стука в дверь. Молодые люди были загипнотизированы цинизмом

правительственного террора и пропаганды. А теперь представьте, что из цитадели западной свободы, Соединенных Штатов, на которые советские граждане тайно молились для спасения и надежды, приезжает «борец за гражданские права», всемирно известный певец Пол Робсон. Он поет нам, белым рабам Сталина, о темнокожих рабах Дяди Сэма. Это мы еще можем понять. Но когда эта «птица с черными яйцами» поет нам: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»!

Когда я стал членом пионерской организации (советский эквивалент Гитлерюгенда), я помню, как мне поручили нарисовать «голубя мира» Пабло Пикассо. Это было время печально известного «Стокгольмского мирного воззвания» – еще одной пропагандистской уловки для наивного западного мира. Все собирали подписи под Стокгольмским воззванием, призывавшим запретить ядерное оружие, и большинство советских людей поняли, что это была фальшивка. Даже такой подросток, как я, смог разглядеть это и начать активно ненавидеть не только «мир и голубей», но и вообще что-либо, нарисованное Пабло Пикассо, хорошее или плохое. Много лет спустя я могу объяснить свое отвращение к великому живописцу логически: честный художник не должен позволять коммунистическо-фашистскому режиму использовать свою работу для пропаганды.

Представьте себе Москву в 1960 году, голодном году ужасного неурожая. Несмотря на декларации Хрущёва о том, что «СССР перегонит США» во всех видах производства, включая молоко и мясо, ситуация даже в московских продовольственных магазинах трагична. В студенческой столовой Московского государственного университета не было больше бесплатного хлеба на столах, одна из их прежних привилегий. Грандиозный «Всемирный конгресс мира» был созван в Москве. Оплаченные Кремлем, тысячи наших иностранных друзей приехали в Москву, чтобы поговорить о необходимости для Запада разоружаться. «Гуманисты» – писатели, священники, ученые, адвокаты, политические фигуры и общественные деятели, независимо от расы, цвета или кредо, прибыли в СССР с одной общей чертой: выборочная слепота по отношению к негативным сторонам советской жизни.

Представьте себе изобилие Кремлевского дворца, где все эти «писники» набивали себе брюхо изысканными яствами, пока простые люди продолжали стоять в очереди за самым необходимым.

Представьте себе группу хорошо накормленных западных делегатов, жующих икру и осетрину в Кремле, и говорящих мне, их переводчику, как плоха жизнь в Америке, как банки вынуждают их покупать все больше товаров в кредит, и как

американцы оказываются в такой большой задолженности, что они уже принадлежат не себе, а банкам.

Я не мог ответить им должным образом, не мог плюнуть в их толстые рожи, из страха перед агентами КГБ, рыскающими по всему Кремлю, подслушивая «свободный обмен мнениями».

1962 год. Баку, столица Азербайджана, колонии Москвы. Я сижу в черном лимузине «Чайка» (плохая советская копия «Кадиллака»). Я сопровождаю знаменитого гостя из Индии – писателя, политика, гуманиста, друга советского народа. Я везу его в «Нефтяные камни», месторождение нефти в Каспийском море. Наш лимузин останавливается на красный свет светофора, и в ярком раннем утреннем солнце мой индийский гость видит красочную и длинную очередь людей, стоящих у «Булочной», хлебного магазина.

- Что делают эти люди? – спрашивает писатель, политик и гуманист.

- Ожидают утреннюю газету «Правда», – отвечаю я без колебаний, зная, что наш водитель, человек КГБ, подслушивает каждое слово.

- Действительно, скажу я вам, советская система полной грамотности творит чудеса! – говорит гость, опуская свое окно, чтобы лучше разглядеть высокообразованные советские массы. И в этот самый момент крошечное окошко магазина открывается, и появляется первая буханка хлеба, нетерпеливо пойманная первым человеком в очереди. В начале очереди происходит какое-то волнение: два усатых азербайджанца оттаскивают прочь кричащую русскую бабушку, и до меня доносятся их слова. – Уезжай в Москву и ешь свой чертов русский хлеб, а не наш азербайджанский!

Старуха с плачем плетется в конец очереди.

На светофоре зажигается зеленый свет, и наш черный лимузин на большой скорости уносится прочь от «газетного киоска». На доках морской нефтедобывающей платформы нас встречают партийные и правительственные начальники. Перед осмотром нас приглашают «перекусить», что, как оказывается, означает роскошный банкет с большим количеством выпивки и икры.

- За мир и дружбу между народами! – говорит партийный босс, поднимая свой стакан водки.

- За социалистический путь Индии, следующей великому примеру СССР! – отвечает индийский гость.

Честный человек должен был бы здесь встать и сказать партийному начальнику, что он отказывается есть и пить, или в данном случае осматривать «великолепные достижения», в качестве символического протеста и в знак солидарности с голодными людьми. Ничего необычного. Политики и гуманисты именно так и поступают у себя дома в Индии, чтобы продемонстрировать солидарность против крупных капиталистов. Почему же они настолько робки в СССР?

И последний эпизод. Известный индийский поэт, произведения которого переводились в США и Великобритании, приезжает в СССР на отдых, оплаченный советским правительством в качестве награды за его «революционную» деятельность в прошлом. В начале двадцатых годов он помогал подрывать закон, порядок и социальные учреждения в бывшей британской колонии, не написанием стихов, конечно: они появились позже, когда молодой революционный поэт стал старым революционным поэтом, прославляющим свои собственные деяния. Каковы же были эти деяния? Контрабандный провоз огнестрельного оружия, боеприпасов, мин, взрывчатки и идеологической пропаганды в Индию через Кабул из учебного центра шпионов и диверсантов в Ташкенте.

Как мы знаем теперь, независимость индийцы получили другим путем, благодаря ответственным национальным лидерам, без использования взрывчатки и боеприпасов, ввезенных контрабандой из Советской России. Что касается революции, она работала не совсем так, как он хотел. Но советская хунта не оставляла своих усилий превратить прежнюю британскую колонию в нынешнюю советскую. Только теперь, после смерти Сталина, методы изменились. Это было время «мира, дружбы, сосуществования и сотрудничества», что означало подрывную деятельность, и революционная поэзия была необходима, чтобы соединить борьбу Неру и Ганди с прекрасными идеями Маркса, Энгельса, Ленина и Хрущёва.

Больше сорока лет индийский революционный поэт пожертвовал делу свободы, равенства и прогресса, чтобы получить право увидеть страну свободы, равенства и прогресса. Обезвоженного, морщинистого и трясущегося семидесятилетнего революционера привезли, под моим руководством как переводчика АПН, в «специальную» клинику Кремля, открытую для партийного руководства, но закрытую для народных масс.

Розовая, полная русская докторша, специально отобранная, чтобы лечить элиту, внимательно слушала через стетоскоп усталое сердце революционера. Я покорно переводил ее команды «дышите, не дышите» на урду; а его бессвязное старческое хвастовство на русский язык.

- Почему вы так пренебрегали вашим здоровьем? – спросила русская докторша, ощупывая его цыплячью грудь.

- О, у нас просто не было времени для гигиены и заботы о здоровье, – сказал поэт гордо, – мы были слишком заняты, взрывая отделения полиции, стреляя в британских офицеров из-за угла, грабя банки, подстрекая мятежи, ведя агитацию, получая тюремные сроки... Вы знаете, революционная борьба – это не шутка...

- Ой-ой, – вздыхала сочувственно дама, – какой вы героический человек! Вы, вероятно, видели Ленина?

- Да, я встречался с Лениным, – скромно ответил революционер с цыплячьей грудью.

- Да! – сказала кремлевская докторша решительно, – мы устроим вам первоклассное лечение. Такие люди как вы заслужили, чтобы о них позаботились.

Я легко представил себе другую ситуацию. Что, если бы сына этой добросердечной русской докторши, офицера советской колониальной армии в Венгрии, застрелил из-за угла венгерский революционный поэт? Вздыхала ли бы она из-за запущенного здоровья этого венгра? Или она скорее одобрила бы то, что сделал ее сын с сотнями венгерских революционных поэтов, согнанных в угол в расстрелянном городе, окруженных русскими танками, и уничтоженных пулями и снарядами, смешавших кирпичную пыль, водопроводные трубы, стекло разбитых окон и разорванные книги вместе с венгерской кровью в сплошную кровавую кашу?

Photos by Gerard Schachmes—Sygma

Montand: Sketching a character with a single well-tuned gesture—and singing songs that can be sad, funny or disquieting

You have seen this face before. It belongs to **Farley Mowat**, the author of

JOHN DE VISSER

Монтан: показывающий характер одним талантливым жестом и поющий песни, которые могут быть печальными, смешными или тревожащими.

Вы видели это лицо раньше. Оно принадлежит Фарли Моуэту, автору…

U.S. defense commitment to Western Europe comes under attack by vocal minority; pressure also builds inside U.S.

Американские оборонительные обязательства в Западной Европе подвергаются нападкам крикливого меньшинства, давление также увеличивается и в самих США.

«Иностранцы» – и конечный результат антиамериканизма: подонки сжигают американский флаг «ради мира». Почему не советский флаг?

Много лет спустя, когда я уже сбежал на Запад, я прочитал книгу «Русские» Леонида Владимирова. Владимиров писал, что «среди советской интеллигенции не было никакой ненависти к иностранным либералам, левым и другим дезинформированным людям, которые позволили советской пропаганде использовать их в своих интересах». «Если они что-то и чувствовали к ним, то это было снисходительное сострадание», пишет далее Владимиров, «потому что многие советские интеллектуалы понимают, что большинство «попутчиков» это честные, гуманные, но только наивные люди».

Если это верно, то галерея наивных и введенных в заблуждение больше, чем Эрмитаж. От президентов и премьер-министров, отдавших своими неразборчивыми подписями половину Европы в рабство, до эстрадных артистов, актеров и художников, воспевающих это рабство за хорошенький гонорар от «Новостей»; от великих гуманистов до великих бандитов – все виды, все цвета, все мировоззрения.

Я не «интеллектуал», и в отличие от моего соотечественника Владимирова, который был редактором научного журнала, я, как «гид» «Новостей», общался с иностранными гостями намного более активно. Да, в моей жизни тоже был период, когда я был склонен прощать иностранцев за их преступную наивность. Кроме того, в определенный этап в моей карьере я предполагал, что те «засранцы» (это обидное прозвище рифмуется со словом «иностранцы»), которых мне приходилось сопровождать в СССР, были исключениями, а остальная часть либералов и левых за границей заслуживала уважения. Но после многих лет в «Новостях» и сотен встреч с теми иностранцами я изменил свое отношение на презрение и отвращение.

И КГБ, и Агитпроп отлично знают об этом виде ксенофобии среди штатных сотрудников Агентства «Новости», имеющих дело с иностранцами, и я готов поспорить, что они разделяют наши чувства и поощряют их ради определенной цели: манипулировать иностранцами легче с помощью таких работников «Новостей», которые ненавидят иностранцев. Это также более безопасно. Чувства отвращения и презрения препятствуют персоналу «Новостей» «подхватить заразу» западной идеологии (если таковая существует). Поэтому ксенофобия – жизненно важный и неизбежный элемент ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

ЛОЯЛЬНЫЙ И ПРЕДАННЫЙ ПАСЫНОК

«СССР предоставляет право убежища иностранцам, преследуемым за защиту интересов трудящихся и дела мира, за участие в революционном и национально-освободительном движении, за прогрессивную общественно-политическую, научную или иную творческую деятельность».

(Советская Конституция в редакции 1977 года, Статья 38)

В начале 1968 года Центральный комитет коммунистической партии Западной Бенгалии выбрал Бишну Мукерджи для длительной учебы в идеологической Высшей партийной школе в Москве. Это было знаком уважения и наградой для ее 57-летнего верного сына: это был тот тип школы, в котором подобные Патрису Лумумбе и Вальтеру Ульбрихту изучали принципы идеологической подрывной деятельности. Агостиньо Нето из Анголы ходил туда так же, как и Тараки из Афганистана, Нкомо из Зимбабве, и т.д., и т.д.

Для Бишну Мукерджи, который начал свою жизнь в восточно-бенгальской деревне, Москва была роскошной. Гостеприимство его советских товарищей, тро-

гательная забота советских людей об их молодом поколении («дети наше будущее, самый привилегированный класс в нашем бесклассовом обществе»), самая лучшая система метро в мире (с ее фресками, памятниками и лозунгами; галерея, церковь и музей восковых фигур коммунизма). Однокомнатная квартира была глубокомысленно предоставлена ему советским Центральным комитетом в готовом многоквартирном доме близко к Выставке достижений народного хозяйства – огромному показу под открытым небом определенных промышленных и сельскохозяйственных машин, построенных победоносным советским социализмом за пятьдесят лет. Товарищ Мукерджи признавался своим советским переводчикам, что у него вызывало слезы восхищения, когда он думал, что все это было сделано для людей.

Бишну Мукерджи не был снобом. Хотя он понимал историческую важность своей личности (тайна из-за необходимых конспиративных инструкций партии), он был удовлетворен тем, что его аскетическая жизнь приведет к справедливому и прогрессивному обществу, которым он и массы наслаждались бы на своей родине после революции. Хотя ему недоставало пряного экстаза бенгальской еды, он ел свои советские консервированные сардины в томатном соусе и баклажанную «икру» с истинным революционным пылом, иногда запивая это все добрым стаканом водки. По вечерам, после занятий, он получал удовольствие от телевизора, пожертвованного профсоюзным комитетом издательства «Прогресс». Там он иногда работал по своей работе прикрытия, как переводчик пропагандистских брошюр с русского языка на бенгальский, или, по меньшей мере, с пиджин-инглиш на бенгальский язык, поскольку его интенсивный курс русского языка не имел слишком большого эффекта, и небольшая помощь всегда была нужна.

Бишну Мукерджи вступил в партию давно, вероятно, во время войны, когда Британская Индия и Советская Россия были номинальными союзниками. После раздела Индия была более благожелательной к коммунистам, чем Пакистан, и Мукерджи переместился из Дакки в Калькутту. Причастность к делу коммунизма помогла ему преодолеть личное несчастье: его разбитую любовь к девушке из богатой калькуттской семьи. Ему всю жизнь не везло с женщинами, но его усилия во имя партии забирали большую часть его времени и энергии. Сначала он был курьером, перевозящим инструкции партийного комитета, которые нельзя было доверить почте; потом агитатором среди студентов. Ему платила одна левая газета, для которой он иногда занимался корректурой, наконец, стал партийным администратором. У него практически не было времени для брака.

Редкий момент смущения ударил его сознание во время недавнего посещения «закрытого» партийного магазина на Красной площади, прямо перед могилой

Ленина. В небольшом зале с плотно занавешенными окнами товарищу Мукерджи предложили скромный выбор одежды с нескольких переполненных полок. Это было не похоже на магазин на Чаурингхи-Роуд в Калькутте, где ассортимент, возможно, был немного более широким и, конечно, лучше показанным. Робко побаиваясь примерить вещи, он выбрал зимнее пальто из Восточной Германии, пару резиновой обуви с меховой подкладкой из Польши, консервативно сшитый финский костюм, и меховую шапку, сделанную в СССР на фабрике, названной в честь Розы Люксембург. Часовой стоял у двери, которая была закрыта за ним.

Через пару месяцев, полный благодарности к советской принимающей стороне, товарищ Мукерджи выразил желание восславить достижения страны в статьях для советских и иностранных газет. Контактное лицо в отделе Центрального Комитета, занимавшимся странами Юго-Восточной Азии, выслушало его внимательно и предположило, что подходящим местом для столь благородного предприятия будет Агентство печати «Новости» – оно заботится о том, чтобы распространять самую правдивую информацию о СССР по всему миру, и больше того, платит 10 – 15 рублей за страницу за материал этого вида, написанный любым автором.

Можно только предполагать, думал ли товарищ Мукерджи по пути к офису «Новостей» о переводе русских рублей в индийские рупии, и если да, то по какому валютному курсу. Тем не менее, после его прибытия туда он стал моей проблемой. Я был младшим редактором редакции стран Юго-Восточной Азии в «Новостях».

Это был один из тех дней в нашем гигантском пропагандистском картеле, когда все его маленькие колеса и винтики по какой-то таинственной причине работали с самым большим трением и шумом. Это был день, когда большинство старших начальников «уехали на совещание», движение пропаганды застопорилось из-за отсутствия подписей. Это был день, когда одна секретарша, очаровательная девушка с коэффициентом умственного развития как у Брежнева или ниже была занята покупками для своего ожидаемого внебрачного ребенка, что стало причиной для нашего профсоюзного вожака пустить шляпу по кругу, чтобы собрать пожертвования для будущего советского гражданина. Это был день, когда, видя меня каждое утро в течение пяти лет, часовой отправил меня домой, потому что я забыл свое журналистское удостоверение. Это был, вероятно, один из тех дней, когда несколько влиятельных западных газет обратились к нашему агентству за «опросом общественного мнения» о том, как советские люди отреагировали на последнее заявление президента Никсона.

Меня вызвали в кабинет начальника по Юго-Восточной Азии и сказали, чтобы я встретил Мукерджи внизу: «Не приводи эту черную задницу сюда».

«Черной задницей» был маленький худой человек с приятным открытым лицом, очками в роговой оправе, и в скромной синей куртке в стиле Мао Цзэдуна, застегнутой под горло. Он держал свернутую связку машинописных страниц в одной темной тонкой руке, с оптимистической улыбкой (как у ангела, который поехал не на том лифте), а другой он удерживал мою руку, пока все цели его посещения не были объяснены. Я знал, что долго держать человека за руку было распространенным обычаем в Индии, и потому не убирал руку, как сделали бы мои коллеги. Я ожидал самого худшего, но то, что я прочел, удивило меня:

«Во всем мире взгляды всех угнетенных людей обращаются сегодня к красным звездам московского Кремля с надеждой и ожиданием, зная, что долгая ночь рабства, империализма, колонизаторского притеснения и расизма скоро закончится. Новая эра уже началась – здесь на родине социализма, где осуществились все мечты человечества. Теперь, когда у меня есть честь лично стать свидетелем счастья этой бесстрашной нации, только теперь я действительно понимаю, насколько мерзки и жестоки реакционные круги, в их бесполезных усилиях исказить правду о Советском Союзе...»

Далее следовал список истин.

- Неплохо, совсем неплохо, – сказал я товарищу Мукерджи, объясняя, что не я принимаю решения принять или не принять материал, но что я отнесу это главному редактору. Товарищ Мукерджи не отпускал меня, спрашивая о гонорарах и авторских правах. Если «Нью-Йорк Таймс» перепечатает статью, заплатят ли ему «Новости» или он должен обращаться прямо в саму «Нью-Йорк Таймс»? Мне потребовалось полчаса, чтобы избавиться от него.

Наверху в офисе моего начальника, я получил инструкции выбросить статью в урну для ненужных бумаг. Из уважения к революционному прошлому товарища Мукерджи мой босс подписал листок для бухгалтерии, стоящий двадцать рублей.

Это не обескуражило Мукерджи. Через неделю он возвратился с еще двумя работами подобного качества, горько жалуясь на то, что ему недоплатили за его первую статью и требуя копии тех иностранных газет, которые переиздали ее. Я привел его в кабинет своего босса, ожидая никогда не увидеть его снова. Но к моему самому большому удивлению он вернулся с сияющей улыбкой, сердечно пожал мою руку и поблагодарил за то, что я поспособствовал его работам.

Минуту спустя мой босс вышел со стопкой бумаг Мукерджи и, стараясь не смотреть мне в глаза, поручил мне «отшлифовать тут и там». Мукерджи получил 250 рулей, а я, который, в конечном итоге, и написал его работы, не получил ни копейки.

Преданные «пасынки» коммунизма посещают Кремль вместе с автором.

Мукерджи оказался плодовитым и упорным автором, хотя и не слишком разборчивым и скрупулезным. Он мог описать функции профсоюза на каком-нибудь заводе, ни разу его не посетив, беря статистику из памяти и воображения, не оставляя ссылок. Моей работой было согласовывать его факты и цифры с уже официально опубликованными.

Так как я был самым молодым редактором и единственным «активным» ориенталистом, моя судьба была решена. За два месяца я похудел, стал раздраженным, и продумывал зловещие планы против товарища Мукерджи.

Возможность отомстить за себя возникла неожиданно. Наша редакция занималась многочисленной группой «прогрессивных» писателей и журналистов из Азии, Африки и Латинской Америки, приглашенной на небольшой прием. Как это общепринято, гости расточали неумеренные похвалы советской коммунистической партии. Директор «Новостей» в ответ скромно признал, что Советский Союз действительно был самым большим, самым богатым, самым справедливым и самым свободным из всех государств на свете, и, так как он был также самым миролюбивым, он всегда был готов прийти на помощь национально-освободительной борьбе, где бы она ни происходила. Гости хлопали, и несколько юных девушек подарили им значки с Лениным. Участники вечеринки удалились в «закрытую» столовую, где в них литрами накачивали водку. Я действовал как переводчик, переводя некоторые шутки директора «Новостей», и боясь

за свою работу, если они не вызывали смех. Когда мы наполняли зал столовой, я заметил одинокую фигуру индийского поклонника советской свободы. Он крепко сжимал в руке новый букет машинописных страниц. Темное демоническое зло овладело мной.

После официальных тостов большие начальники исчезли, оставив гостей в способных руках младшего персонала. Мы отлично знали наше дело, и пели революционные песни, уча иностранцев словам: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», и так далее.

Я тихо помог бутылке водки в ее борьбе за освобождение, нашел немного копченого лосося и баночку икры для другого кармана и наполовину довел Мукерджи до двери. Было бы слишком жестоко с моей стороны оставлять его на улицах Москвы в таком состоянии, поэтому я отвез его домой, оставив номерные знаки отца явно видимыми снаружи.

Квартира товарища Мукерджи, хотя и имела некоторый индийский колорит, была типична для холостяков повсюду: зловоние нестиранной одежды, гора немытой посуды в раковине, книги на полу, небольшая толпа пустых бутылок под столом; затем несколько отличительных особенностей: грязный туалет, портреты Маркса и Брежнева, и в маленькой овальной серебряной рамке фотография индийской девушки с большими, умными бенгальскими глазами. Его дочь?

Я недолго колебался. Кто, в конце концов, был виновен в том, что товарищ Мукерджи превратился в попугая? Он ошибочно решил, что эта моя пауза из-за досады была вызвана беспорядком в его квартире, и улыбнулся.

- Это, как вы можете видеть, временное жилье. Через год или два я вернусь к себе на родину, в новую и независимую Бангладеш!

- Да, – сказал я, чтобы хоть что-то сказать.

- Но вы не должны думать, что мы не ценим ваше гостеприимство и братскую помощь. Мы никогда не забудем об этом, даже когда мы придем к власти и построим великолепное общество, как ваше...

Мукерджи затих, и я продумывал свой план. Его квартира должна была прослушиваться, как прослушивались все квартиры товарищей революционеров из зарубежных стран, но это не означало, что кто-то на самом деле все время слушает. Чтобы удостовериться, что беседа будет подслушиваться, я потянулся к

телефону. Обычный гудок начался после задержки всего в три секунды. Чтобы проверить, вызвал ли я чье-то внимание, я набрал свой номер офиса, и сделал пять звонков. Следующая стадия состояла в том, чтобы довести товарища Мукерджи до состояния еще большего опьянения, и, исходя из моего циничного опыта с «прогрессивными» проститутками, спровоцировать его на антисоветские замечания.

- Индийские делегаты жаловались сегодня, – сказал я, что мы, советские люди, слишком дружественно относимся к правительству Индиры Ганди, и не проявляем достаточно внимания к нуждам коммунистической партии Индии.

- О, это – старая песня; раскол КПИ был началом, … подрывающим антиимпериалистический фронт.

Я подумал, что товарищ Мукерджи был еще недостаточно пьян, чтобы исчерпать клише. Если он не исчерпает свои клише, то я никогда не дождусь конца его статей. По-братски обняв его, я наполнил еще два стакана. Мукерджи выпил, и, довольный моим вниманием, засыпал меня именами, датами и событиями. Я узнал, что в Восточном Пакистане было несколько коммунистических партий (слишком много, подумал я, для одной развивающейся страны), что настоящими коммунистами были только те, кто следует за профессором Ахмедом, в противоположность последователям Аллаудина и Бисваса; и пусть бог поможет последователям Мухаммеда Тохи и Абдула Хака, маоистам!

- Мы развиваем сильную промосковскую партию, и мы в состоянии утвердиться как самая мощная сила в университетах.

Увы, объем водки в товарище Мукерджи не был в обратной пропорции к сумме его преданности. Я перешел к другой тактике. Была ли советская роль в Восточном Пакистане больше, чем намекал товарищ Мукерджи? И смог ли бы я заставить его заговорить о теме достаточно секретной, чтобы обсуждение им такой темы принесло ему смертельно плохие марки в школе?

- Хорошо, Бишну, – сказал я в моей самой дружественной манере, – думаете ли вы, что вы, коммунисты Восточного Пакистана, сможете обойти насилие и террор на пути к независимости и социальной справедливости? Вспомните нашу историю. Ради чистоты наших ленинских норм нам пришлось пройти через огонь очищения гражданской войны и чисток. Вы думаете, что бенгальские коммунисты смогут избежать этого?

- Избежать? (и здесь он разволновался). – Кто говорит, что мы должны избегать революционного террора? Нет, товарищ, мы должны возглавить, контролировать, направлять его! Вы не можете себе даже представить способность нашего пролетариата и наших революционеров мобилизоваться для решающей вооруженной борьбы!

(Я мог очень хорошо себе представить, что где-нибудь в деревнях и рабочих городках, у агитаторов была красная краска, ждущая, чтобы рисовать ею серпы и молоты на стенах, и много тонн листовок, пропагандирующих классовую борьбу и революционное насилие, напечатанных в СССР, которые ежедневно перевозят на субконтинент в дипломатических грузах Аэрофлота; я мог представить картину ящиков с автоматами Калашникова и патронами.)

- Наши пропагандистские ячейки работают в каждом университетском центре, – сказал он, считая на пальцах. – Мы подготовили и обучили кадры партийных администраторов, у нас есть военная подготовка для способных юношей, мы подготовили списки всех элементов оппозиции. Братская помощь Советского Союза и Индии даст нам международное признание и идеологическую поддержку, даже в Организации Объединенных Наций.

- И затем все будет хорошо? – спросил я с сарказмом. Мукерджи покачал своим длинным тонким пальцем в мою сторону.

- Я знаю, о чем вы думаете. Нет, мы не настолько наивны. Мы понимаем, что политическая независимость – это только первая часть борьбы. Сопротивление подрывных и империалистических элементов нами учтено. Благодаря вашим людям и вашим советникам у нас есть обширная программа перевоспитания…, и план избавиться от врагов народа.

- Программы перевоспитания, так?

- Да, товарищ! Труд превратил обезьяну в человека.

- Трудовые лагеря, значит.

- Называйте это трудовыми лагерями, – сказал Мукерджи миролюбиво.

- А что относительно перечисленных врагов?

- Исторически неизбежно, – вздохнул Мукерджи и сделал понятный во всем мире жест – его палец как будто нажал на спусковой крючок автомата.

- Ну, хорошо, – сказал я, – я выпью за это!

Я наполнил стаканы до краев, засунул один в руку моего товарища, и произнес тост за свободную и независимую Бангладеш. Я влил водку в себя, почти слыша шипение спиртного на красных углях внутри меня. Через мгновение пламя вспыхнуло сильнее, сжигая остатки моего человеческого сострадания. Другой тост за единство прогрессивного человечества, потом еще один за павших товарищей.

Пока Мукерджи не начал плакать. Он держал мою руку, как будто готовый исповедоваться. Бормоча, он рассказал мне, что, когда он был студентом, его отвергла та самая красивая девушка, с умными глазами. Его родители попытались устроить брак, но его каста не подходила к ее касте. Охваченный чувством мести, он настоял, чтобы один из его товарищей, воинственный террорист, «позаботился» о девушке. Она была найдена мертвой и изнасилованной, в спальне. Товарищ Мукерджи от шока потерял свою потенцию; он стал гомосексуалистом.

Я убрал его руку со своей застежки-молнии, влил оставшуюся часть водки прямо из бутылки ему в горло, и оставил освободителя Бенгалии без сознания на ковре.

* * *

На следующее утро я чувствовал себя так, будто провел ночь в кузове мусоровоза. Я стоял под душем намного дольше обычного, пытаясь смыть с себя воспоминания. Я не знал, должен ли я радоваться тому, что позволил Мукерджи сказать то, что он, как предполагалось, не должен был говорить, и таким образом смогу навсегда избавиться от него и его статей, или же мне следует начать беспокоиться о себе самом, поскольку КГБ столь же легко мог заинтересоваться и причиной моего любопытства. Чтобы быть уверенным, я позвонил Вадиму Смирнову, моему единственному контакту на самом высоком уровне власти, в Центральном Комитете. Во время обеденного перерыва мы встретились в парке перед зданием ЦК на площади Ногина. День, в отличие от моего настроения, был солнечным и теплым.

- Старик, – сказал я, – мне понадобится твой совет и, возможно, твоя помощь. Ты, наверное, знаешь одного бенгальского коммуниста по имени Бишну Мукерджи, студента в Высшей партийной школе.

- Ну?

- Я напоил его на банкете «Новостей», и затем пьянствовал с ним до трех часов ночи в его квартире, обсуждая политику.

- Ладно, – сказал аппаратчик, – будем надеяться, что Махотин об этом не узнает. Ты, наверное, лучше знаешь, что делаешь. Но что же ты хочешь от меня?

- Я боюсь, что заставил Мукерджи наговорить лишнего, и предполагаю, что его квартира прослушивается…

- Нечего тут предполагать, она прослушивается. Так, и что же он говорил?

- Ну, я полагаю, ты можешь проверить, что я говорил, у КГБ, но я могу уверить тебя, тут не было никакой провокации с моей стороны...

- Конечно, – ухмыльнулся Смирнов.

- Только журналистское любопытство. Чертов бенгалец рассказал мне, что социалистическая революция в Восточном Пакистане готовится с нашей помощью.

- Ну и что?

- Так вот.

И я рассказал ему всю историю: восточнопакистанские радикалы, обученные в школах КГБ, списки «врагов народа», которые будут казнены после удавшегося левого переворота, вторжение индийских вооруженных сил с нашей поддержкой, и идеологическая и политическая «защита» новорожденной «Народной республики Бангладеш» в ООН и через скоординированную Агитпропом по всему миру пропагандистскую кампанию. Я также упомянул гомосексуализм старого революционера.

- Священная корова, – сказал референт-индолог, – у этого вашего, извини, у нашего Мукерджи большое воображение. Ты много водки влил в него? – спросил он безразлично, но я заметил искру интереса в его глазах.

- О, приблизительно 500 граммов, не больше.

- Ну, неудивительно, что у него были больные идеи. Ты забываешь, что азиаты плохо воспринимают спиртное... Смотри, я предлагаю, чтобы ты забыл обо всей этой дурацкой истории. Купи ему выпивку в следующий раз, когда он приедет в «Новости», будь с ним дружелюбным, но держи подальше от твоих любительских шпионских трюков и пьяной политики: то есть, если ты хочешь сохранить

свое рабочее место в «Новостях». (Он подчеркнул слово «Новости»). – И не думай особо много о больной фантазии Мукерджи.

- А что, если КГБ начнет думать об этом? Они должны уже сейчас работать с записями прослушивания.

- Ну и что? Если они выйдут на тебя, скажи им какую-нибудь психологическую чепуху, как ты это хорошо умеешь. Или просто расскажи им правду. Остальное – твое дело… ты лучше знаешь…

- Ладно.

- И позвони мне, если попадешь в настоящую беду.

- Хорошо.

* * *

Бишну Мукерджи никогда больше не приходил в «Новости» с его опусами. Вместо этого однажды приятный голос по телефону попросил меня встретиться с товарищем майором Сидоровым из КГБ в номере 935 гостиницы «Москва» для неофициального разговора.

* * *

В Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров Союза Советских Социалистических Республик от гражданина СССР Безменова Юрия Александровича, год рождения 1939, члена КПСС, номер партбилета.... в настоящее время редактора Агентства печати «Новости», отдел...

- Ну, вы не должны быть таким формальным, – нежно сказал майор Сидоров, когда читал написанное мною, заглядывая мне через плечо. Просто используйте свои собственные слова. И основным моментом должно быть ваше собственное сознательное решение сотрудничать с Комитетом. Затем, возможно, несколько технических подробностей...

Эдуард Иванович Сидоров был очень вежлив. Он приветствовал меня тепло, но без фамильярности. Ни намека на шантаж, никакого упоминания дела Мукерджи. Он сказал, что Комитет знает и ценит мой опыт в работе с иностранными гостями «Новостей». Понимание, добродушие, гуманизм, респектабельность – такие черты характера майор Сидоров пытался выразить на своем напоминающем крысу лице. Никто, даже используя все свое воображение, не смог бы свя-

зать этого скромного человека с приблизительно шестьюдесятью миллионами моих соотечественников (целое население двух европейских стран), расстрелянных, замерзших, избитых, замученных до смерти «Комитетом». И в то время как он говорил со мной мягким голосом, где-нибудь далеко от окон роскошного отеля «Москва», вне огражденных колючей проволокой границ моей родины, коллеги товарища Сидорова продолжали стрелять, отравлять, насиловать, заниматься подрывной деятельностью, устраивать диверсии, промывать мозги, шантажировать, коррумпировать и делать много других невежливых вещей во имя самого справедливого нового общества в истории человечества, и заботиться о безопасности его вождей – небольшой группы пожилых людей, толстых и дряблых от обжорства и алкоголя, часто со старческим маразмом, но решительных и жестоких, которые паразитируют на моей стране и называют себя «слугами народа». Майор Сидоров хотел, чтобы я подписал документ, подтверждающий, что я сам тоже их сообщник.

- Ладно, – сказал я, соглашаясь. – Я напишу своими словами.

И на чистом листке бумаги я написал:

«Я, Юрий Александрович Безменов, добровольно соглашаюсь помогать КГБ в наблюдении за иностранными гостями АПН и представителями зарубежных СМИ, пребывающих в моей стране...»

- Да, это лучше, но все еще довольно искусственно. Слова должны исходить из вашего сердца, – сказал майор.

Из моего сердца:

«Я обязуюсь сообщать о моих наблюдениях относительно иностранцев, подозреваемых в любых действиях, вредных для моей страны, лично товарищу Сидорову в виде регулярных письменных отчетов. Подписано...»

- Здесь вы должны взять вымышленное имя, какой-нибудь псевдоним, чтобы защитить вашу конфиденциальность, – сказал Сидоров с примирительной улыбкой.

- О, это просто. Я возьму имя «Мусафиров».

- Походит на татарское.

- Арабское. О, между прочим, что мне писать о вознаграждении?

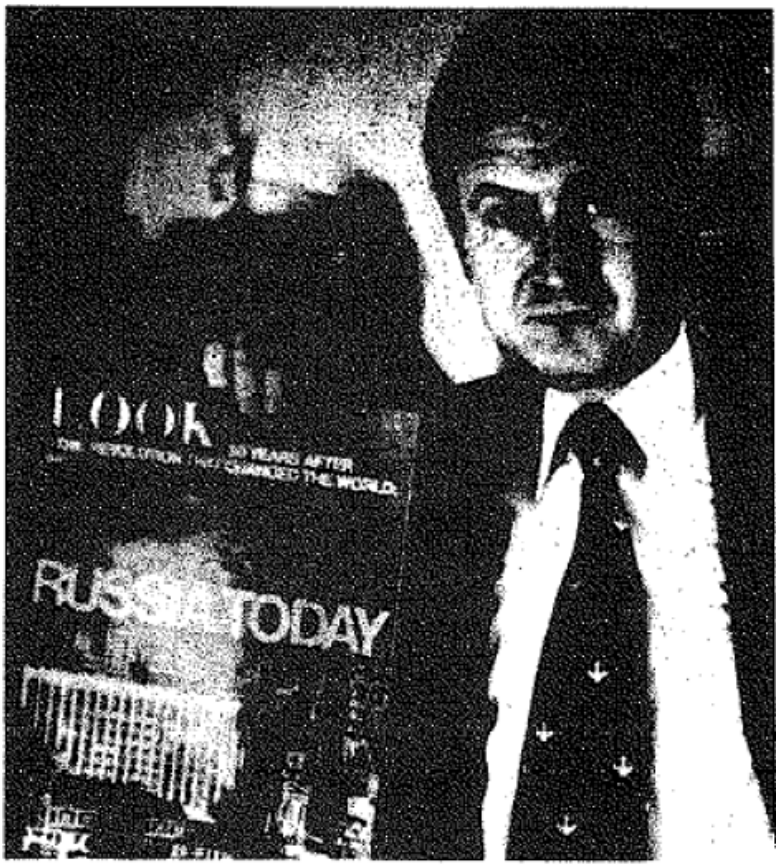
- А, пока ничего еще не пишите. Но будьте уверены, Комитет покроет все ваши расходы, если вы будете принимать и угощать иностранца, когда вы предоставите нам подробный счет.

- Да, я понял, – сказал я, демонстрируя небольшое разочарование, и подписал документ: «Мусафиров».

- Мне интересно, что значит это имя, – сказал Сидоров, сгибая бумагу и кладя ее в свой карман довольно непочтительно.

- «Мусафир», – сказал я, – означает «наездник», происходит от слова «сафар».

Теперь я внештатно, как бы по совместительству, работал на КГБ. Я надеялся, что буду достаточно умен, чтобы обмануть КГБ.



Томас Шуман с номером журнала «Look», появлению которого он помог как манипулятор «Новостей».

Внизу: так журнал «Look», вдохновленный манипуляторами «Новостей», представлял «русскую моду». «Все прекрасно в Советской России после 50 лет коммунизма», таковым было послание.

ПОЕЗДКА ДЛЯ ЖУРНАЛА «LOOK»

2 июня 1967 года меня вызвали в правление «Новостей» и поручили мне «очень ответственную работу». Многочисленная группа сотрудников американского журнала «Look» была в нашей стране для специальной миссии, готовя материал для специального выпуска, посвященного пятидесятой годовщине советской власти. Они на самом деле платили деньги «Новостям», согласно контракту, за «услуги», которые мы должны были оказывать.

Мой непосредственный босс во время поездки был назначен из секции англоязычных стран. Это был Валерий Неев, высокий, выглядящий сонным товарищ приблизительно сорока лет. Он мало говорил на каком-нибудь иностранном языке, включая английский, но быстро продвигался по карьерной лестнице, потому что он работал у нас только «по совместительству»; другая его подотчетность была перед КГБ. Я должен был сообщать ему обо всех деталях, предоставляя письменный отчет в конце поездки, в трех экземплярах.

В тот же день я был представлен группе красивых, чрезвычайно общительных американцев. Они сидели в ресторане «Националь», обсуждая свою поездку уже второй час в ожидании «котлет по-киевски». Я думал, что «нормализация» совершила чудеса в их терпении.

Моим будущим объектом наблюдения был Филип Харрингтон, среднего возраста, среднего роста, и с лицом, которое казалось слишком интеллигентным для фотографа, по крайней мере, по стандартам «Новостей». Он, как оказалось, был также очень требовательным, капризным, нервным, лишенным интуиции, и невнимательным. Он с первого дня просил советскую бюрократию о слишком многом, ожидая от нее услуг за деньги, как будто бы он был в Европе, Азии или Африке. Он был столь же непоследователен, как влюбленная девочка-подросток. Он давал мне список мест и людей, которых хотел сфотографировать, для одобрения этого списка КГБ понадобилось бы несколько недель. Но на следующий день он забывал об этом своем списке, настаивая вместо этого на спонтанности. Я предполагал, что ему сказали, чтобы он всегда просил больше, чем хотел получить, оставляя место для дипломатического отступления. Это было бы неправильным подходом: в Советской России Вы берете то, что вы можете получить.

Около Волгограда (бывшего Сталинграда), несмотря на мою вежливую рекомендацию, над которой он задумался на некоторое время, он все же настоял на том, чтобы сделать запрещенные панорамные снимки с Мамаева кургана. Как мог бы я намекнуть ему, что тень КГБ приближалась?

Около Волгоградского нефтеперерабатывающего завода он настоял на том, чтобы остановить такси и сфотографировать длинный и ржавый забор из колючей проволоки. Неужели он не понимал, что наш водитель был информатором КГБ?

В Симферополе он чуть было не возродил Холодную войну, фотографируя несколько линий высоковольтных электропередач. Он даже не стал ждать, пока водитель отойдет отлить. КГБ сделал бы вывод, что он выслеживал внутренние дороги и линии коммуникаций, ведущие к лагерям для шпионов и диверсантов около Симферополя, где тренируются международные террористы.

В Ялте он сфотографировал похожую на клеверный лист дорожную развязку и автобусную станцию. Не пытался ли он заснять иностранные лица, которые могли бы быть из шпионских лагерей, во время их каникул в Ялте, где они трахаются с русскими девушками (стандартная награда за лояльность Москве)? Конечно, он должен был бы знать, что освободителей Третьего мира перевозят только по ночам.

Если Филип действительно был из ЦРУ, то они забыли обучить его. Сколько подсказок я ни подбрасывал ему, он все равно не мог разглядеть, что я был на его стороне. Он впустую потратил свою пленку на цветные камни, крабов под водой, и купающихся детей. Его даже не обеспокоил похожий на иностранца человек по ту сторону колючей проволоки, дальше на пляже, и он был искренне удивлен, когда нам обоим сказали, чтобы мы искали крабов где-то в другом месте.

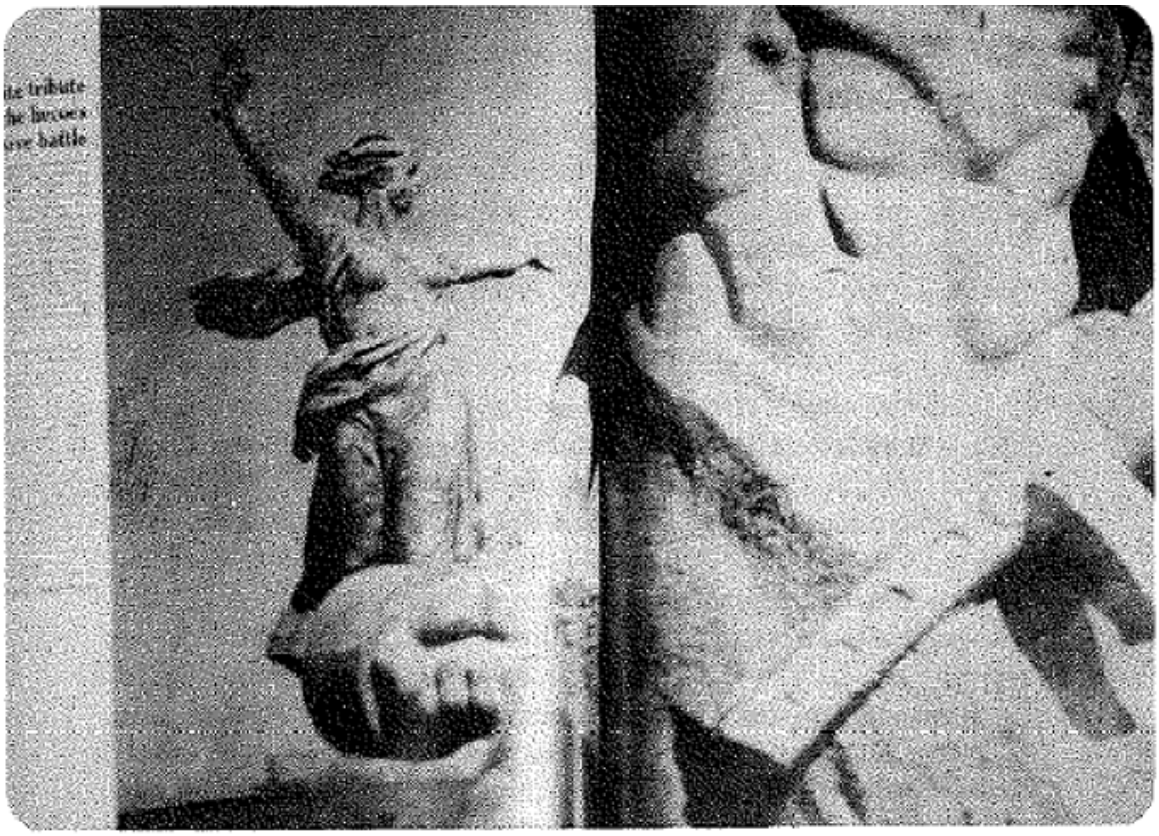
Я хотел избегать «закрытых» мест, но также избегать и фотографий улыбающихся доярок, наслаждающихся счастливой советской жизнью. Делая невообразимые злые трюки, играя в кошки-мышки с администраторами местных партийных организаций и КГБ, мне удалось пропустить здания «типичных» колхозов и домов для рабочих, «музеи революции»: все они были специально созданы для иностранных туристов. Однако я помнил инструкции, и не удалялся слишком далеко от официального маршрута, и ради своей собственной защиты делал пометки о всех сомнительных фотографиях Харрингтона.

В Волгограде он потратил впустую несколько катушек фотопленки на огромную железобетонную статую полногрудой Матери-России, которая стоит столь же высоко как Статуя Свободы, похожая на сумасшедшую с передозировкой гормонов, размахивающую мечом для советской фехтовальной команды. На гидроэлектростанции он снял сто фотографий турбинного зала, через перила ограждения перекинутого над залом моста. В Запорожье он снимал искры, вылетающие из плавильной печи. И в единственном передовом колхозе он не смог избежать улыбающейся доярки. Товарищ Брежнев потерял бы свои брови, если бы он был там и увидел, что она все еще доила корову руками, что-то, что не положено делать дояркам в самой развитой стране в мире. К счастью, ее руки не попали в кадр.

В Артеке мы посетили «специальный» детский курорт, где розовощекие пионеры были специально отобраны, чтобы позировать. Мы были в «сверхсовременном» здании. Я не смог обратить внимание господина Харрингтона на глубокие трещины на стене, интересная деталь, так как здание стояло на крутом глинистом склоне, с видом на Черное море, в местах, где идут проливные дожди.

В общем и целом, господин Харрингтон вообще никак не соответствовал образу «зловещей империалистической марионетки, вынюхивающей советские мусорные баки для дискредитирующего материала о нашей великолепной стране». Ни правда, ни мусор не беспокоили его воображение.

На Черном море я указал на старика, в выцветших военных брюках, порванной майке и соломенной шляпе, сдвинутой назад, как у Хрущёва. Его костыли были прислонены к цементной урне, полной мусора; на коленях газета с его едой: нарезанный соленый огурец, кусок ржаного хлеба, и несколько кусков дешевой польской вареной колбасы. В кармане его штанов я мог увидеть пустой конец маленькой бутылки водки. Пацифистский заголовок газеты был: «Это никогда не должно повториться нигде в мире, говорят советские ветераны войны».ы



Пропагандистский памятник в Волгограде, как он был показан журналом «Look».

Шуман (в центре) с группой американских гостей, включая фотографа «Look» Филипа Харрингтона, который делал снимки для пропагандистского номера журнала «Look».

– Скорее, – сказал я осторожно, – снимите это!

Филип улыбнулся, и щелкнул одной из своих камер пару раз. Но прежде, чем он перемотал пленку в своем фотоаппарате, самый уродливый из подданных России, в сером габардине и белой рубашке с длинными рукавами, в сандалиях и носках, полных песка, появился позади нас, постучав меня по плечу свернутой в трубочку газетой.

- Молодой человек, вы переводчик у этого иностранца? Или нет?

- Да, я.

- Почему тогда вы позволяете ему насмехаться над нашим народом и порочить наших людей?

- Гражданин! – сказал я строго. – Гражданин! Вы не должны мешать работать. Если у вас есть вопросы, то обращайтесь с ними к моему начальнику. Вам ясно?

Информатор был озадачен: он зашипел, но больше не наседал. Он сопровождал нас в нашу гостиницу, идя сбоку в двадцати футах от нас, и исчез в боковом входе гостиницы с видом занятого и решительного человека.

После обеда Филип пошел в свой номер, чтобы сменить пленку и принять душ. Ко мне подошла бабушка-дежурная, главная по этажу. Печально кривя губы, бабушка сказала мне, что меня попросили зайти в двадцатый номер и поговорить с неким товарищем. Товарищем, как оказалось, был оперативный работник, курирующий от КГБ местное отделение «Интуриста», высокий, противный и слишком молодой, чтобы выглядеть внушающим страх; он немного пытался играть роль шпиона из советских фильмов. После получаса глубокомысленных пауз он спросил: – Почему американец так интересуется нетипичными элементами советской жизни? Почему он не делает снимки, которые советовал «Интурист»?

Я попытался быть очень вежливым с этим молодым защитником угнетателей моего народа.

- Как редактор «Новостей», я хорошо знаю, что хорошо и что плохо для советской пропаганды. Более того, это знают и мои начальники, которых инструктирует Отдел агитации и пропаганды Центрального Комитета. Все пленки будут «отредактированы» нашими людьми, и все нетипичные фотографии будут заменены типичными. На случай каких-либо сомнений я веду записи, учитывая каждый отдельный снимок.

Я показал ему свой блокнот, чтобы подтвердить мои слова, но это было ошибкой, так как записи в нем были закодированы шифром моего собственного изобретения. Он потребовал все немедленно расшифровать.

- Извините, – сказал я с максимальным сочувствием, – я не могу этого сделать, я подчинен непосредственно и только моему контактному лицу в КГБ, майору Нееву, и я передаю свои отчеты прямо ему и только ему.

Мы расстались открытыми врагами. Он пообещал сообщить обо мне в Москву, с рекомендацией никогда больше не разрешать мне работать с иностранцами. Я пообещал рассказать в Москве о том, что КГБ в Ялте мешало нам работать. Я не знаю, исполнил ли он свою угрозу, но я знаю, что я свою исполнил: пять страниц в трех копиях сразу после возвращения в Москву.

В настроении, в котором меня оставили, я испортил свои отношения с господином Харрингтоном. Это произошло за обедом. Он заметил мое столкновение с незнакомцем тем утром. Он не хотел проблем с КГБ, и сказал, что я лучше должен знать, что не следует делать. Я должен сконцентрировать свои усилия на подготовке «интересных посещений» и «интересных объектов» для фотографий.

- Мое и ваше понимание того, что является интересным, довольно сильно отличается, – сказал я.

- Я имею в виду, интересное с точки зрения американских читателей и редакторов журнала «Look».

- Мне трудно определить, что бы это могло быть, – продолжал я. – И у меня редко бывает шанс об этом узнать.

- Видите ли, – сказал господин Харрингтон раздраженным тоном, – руководство журнала «Look» тратит целое состояние на эту поездку, включая расходы на переводчика, вне зависимости от того, нужен он нам или нет...

- Так и что?

- Так вот, «Интурист» и «Новости» выставляют нам счета за услуги, за которые мы соглашаемся платить, они соглашаются предоставить эти услуги, и мы редко видим…

- О, это действительно так?

- Да. И меня сводит с ума то, что мы делаем работу, платим наши деньги, в основном в интересах вашей страны, чтобы показать достижения последних пятидесяти лет, показать их правдиво.

- Господин Харрингтон, – я попытался быть спокойным. – Это не я устанавливаю уровень оплаты для «Интуриста» или «Новостей», и не я решаю, какой объем услуг должен быть предоставлен.

- Возможно, но это вы устраиваете скучные посещения детских садов и музеев. Сколько музеев и детских садов может сфотографировать один человек?

- И снова вы неправы, господин Харрингтон, программы и маршруты утверждены на более высоком уровне, я только вожу вас туда и показываю вам достопримечательности. Если вы не хотите скучных посещений музеев, то вы или

ваше руководство должны были договориться с моими боссами прежде, чем вы заплатите деньги. Вы, американцы, считаетесь хорошими торговцами. Не вините меня за бесхребетность ваших боссов. Моя обязанность состоит в том, чтобы практически осуществлять на локальном уровне то, что вы решили с моими боссами. Вот и все.

- Ну, возможно, вы правы, – сказал Филип более спокойным тоном, – но разве вы не можете понять, чего я хочу? Вы же журналист. Попробуйте на секунду поставить себя на мое место и поймите, что мой редактор ожидает работу на уровне стандартов нашего журнала.

- Попытайтесь встать на мое место, господин Харрингтон. Руководство АПН ожидает, что я покажу вам наши «достижения», какими скучными бы они вам ни показались. Что я могу сделать? Используйте меня так, как вы это видите, но помните, что мои начальники находятся в Москве.

- Да, я понимаю, – сказал Филип почти дружеским тоном, – но попытайтесь быть более активным, защищайте меня от этих проклятых пропагандистских визитов, от неудобных ситуаций. Показывайте мне больше.

- Филип, – сказал я своим самым дружелюбным голосом, – поверьте мне, я пытаюсь показать вам намного больше, чем предписано нашей пропагандой. Я отчаянно пытаюсь показать вам свою страну в истинном свете, так, как мы, русские, видим нашу землю.

- Спасибо. Но я предпочел бы фотографировать вашу страну так, как американцы могли бы понять ее. Вы, вероятно, знаете, что наше правительство активно следует политике «нормализации». Мы тоже хотим следовать этой политике, хотя наша пресса и меньше зависит от правительственной политики. Мы пытаемся понять ваши проблемы как растущей страны, но, поверьте мне, ни я, ни редакторы журнала «Look» не хотим воевать с АПН или КГБ из-за старых одноногих инвалидов. Вы меня понимаете?

- Да, – сказал я после вдумчивой паузы, – да, господин Харрингтон. Но как журналист, я понимаю, я надеюсь, что честный журналист должен интересоваться всем: турбинами, статуями, ветеранами войны..., возможно, даже линиями электропередач высокого напряжения и проселочными дорогами, которые, как вы отлично знаете, не предназначены «для глаз иностранцев»!

Я заметил взгляд нашей официантки и попросил 200 граммов водки, которая прибыла намного быстрее, чем еда, и я объяснил, что я платил за водку из мое-

го собственного кармана, не за счет журнала «Look». Господин Харрингтон, казалось, обиделся.

- Простите, что я говорил таким требовательным тоном, но, как вы можете знать, я провел свои первые две недели здесь с вашим коллегой, господином Неевым. Он казался мне более активным, эффективным и серьезнее относящимся к своей работе. Он проявил большую готовность помочь, чем вы.

- Филип, – сказал я, проглотив водку и гордость, – вы не слишком внимательны. Вы упускаете очень важный момент: Неев старше меня и выше меня по положению. У меня просто нет столько «связей».

- Я это заметил, – сказал Филип, – но я также интуитивно чувствую, что ваше отношение к вашей обязанности отличается. Вы, так сказать, менее преданный.

- Господин Харрингтон, – я отхлебнул еще немного водки, рискуя своей карьерой и даже своей свободой, – я должен объяснить вам, что «обязанность» меня и господина Неева состоит не в том, чтобы помочь вам сделать честную работу, а в том, чтобы воспрепятствовать вам увидеть реальное лицо моей страны, которого наши вожди стыдятся, по причинам, выходящим за рамки этой дискуссии. Именно моим вождям, а не мне, совершенно наплевать на «нормализацию», столь дорогую для сердца вашего президента. Все, чего они хотят, это ваши деньги, и имея их, они используют вас в качестве средства распространения нашей пропаганды. Я надеюсь, что вы когда-нибудь поймете это, пока не будет слишком поздно.

Последовала длинная пауза, после которой господин Харрингтон нерешительно сказал: – Вы не думаете, что интерпретируете намерения и действия вашего правительства несколько субъективно и поверхностно?

(Он – «левак», подумал я с ужасом, зачем я распустил свой язык с этой шлюхой?)

- Как я говорю, моя работа состоит в том, чтобы препятствовать вашей работе, закачивать пропаганду в ваши фотоаппараты, и также... (Я безнадежно сделал паузу), отслеживать все ваши «секретные» фотографии для КГБ – все эти глупые мосты, линии электропередачи, автобусные станции, военные объекты, и т.д., для того, чтобы вашу пленку можно было «засветить по ошибке» прежде, чем вы пересечете границу СССР. Разве вы этого не знаете? Ваше ЦРУ не рассказывает вам об этом еще до того, как вы приедете сюда? Нас всех контролирует КГБ! Здесь не существует никаких частных гидов или переводчиков!

- Да, я все это знаю. Не считайте меня полным дураком, – сказал мирно Филип, – но, пожалуйста, не пытайтесь запугать меня. Я не настолько уверен, что ваш КГБ так сильно волнуется по поводу моих «секретных» фотоснимков, как некоторые слишком рьяные переводчики вроде вас.

- Я не был бы настолько уверенным.

- Главное: Агентство печати «Новости» хочет, чтобы журнал «Look» издал материал к пятидесятилетнему юбилею?

- Только то, что хочет Агитпроп, и только в таком виде, в каком они хотят.

- Хорошо, предположим, что вы правы. Но, желая этого, они никогда не стали бы засвечивать мои пленки. Сохранность этих пленок важна для них больше, чем для нас. Кроме того, если они и украдут мои пленки, то они не смогут их проявить. Это секретная технология «Кодака», применяемая только американскими компаниями.

- О, господин Харрингтон, вы чрезвычайно недооцениваете наш КГБ!

- О, господин Безменов, вы чрезвычайно недооцениваете наш «Кодак»!

Не было никакого смысла продолжать спор. Мы сидели и глядели друг на друга в отвращении, рюмки водки возвышались над грязными блюдами.

- Извините, что у меня такое воинственное настроение сегодня вечером, – сказал я, – это из-за того неприятного незнакомца в парке, из КГБ.

- Да, я понимаю, – сказал Филип, как будто он действительно понимал.

- Но на вашем месте, я все равно отдал бы часть пленок какому-нибудь другому американцу, который уезжает из СССР отдельно от вас. Всякое может случиться.

- Хорошо, я так и сделаю, – сказал Филип голосом человека, уставшего спорить.

Мы пошли к нашим соответствующим номерам «люкс» и первого класса в ялтинском отеле «Интурист», оплаченным за счет журнала «Look».

После того, как все топанье военных парадов и демонстраций трудящихся было закончено, после шизофренического хвастовства подобными фаллосу ракетами

на Красной площади, после того, как, советские пропагандисты закончили говорить всякую чушь, и почтительное распространение слухов западных комментаторов было сделано, на моем столе в «Новостях» появился документ следующего содержания:

«Выдержка из резолюции заседания партийного Бюро АПН.

Рассматриваемый вопрос (на повестке дня);

Отчет о результатах пропагандистской кампании, посвященной пятидесятой годовщине Великой октябрьской социалистической революции.

За отличную работу при проведении юбилейной кампании, особенно с иностранными органами массовой информации – а именно, при подготовке материалов для прессы, правдиво отражающих великолепные достижения нашей Родины за исторически короткий период времени, и за успешную публикацию этих материалов в зарубежных органах массовой информации, партийное бюро рекомендует руководству АПН объявить благодарность (с соответствующим занесением в личное дело) следующим сотрудникам АПН:

БЕЗМЕНОВУ Юрию Александровичу – за подготовку фотографического материала и сопровождение корреспондента журнала «Look» (США)».

В нижнем правом углу бумаги была приписка красным карандашом, сделанная почерком нашего местного партийного начальника: «Тов. Безменов! Загляните в бюро профкома. Есть турпутевка в Италию на ноябрь».

С бешено бьющимся сердцем я побежал в нашу «закрытую» библиотеку, где хранятся секретные иностранные журналы и газеты (такие как «Time», «Life», «Playboy», «Popular Mechanics», «New York Times», «Worker´s Daily», «Morning Star», «L´Humanite», «Patriot», «Aka-Hata» и др.). После нескольких лет лояльной работы на «Новости» и поездки за границу, и после того, как меня допустили как члена КПСС, мне, наконец, дали допуск, разрешение, позволяющее мне ограниченный доступ к такому материалу. Поспешно я заполнил бланк запроса, и через пятнадцать минут держал в руках экземпляр журнала «Look».

Выше фона Красной площади, Собора Василия Блаженного, и безвкусного, похожего на кусок сахара-рафинада, отеля «Россия», были следующие заголовки:

СПУСТЯ 50 ЛЕТ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ, КОТОРАЯ ИЗМЕНИЛА МИР

- Новые свободы
- Страх перед Китаем
- Переворот в образовании
- Вкус прибыли
- Сибирь после Сталина
- Как они смотрят на нас
- Бикини, балерины, блины
- Нынешний номер о РОССИИ СЕГОДНЯ

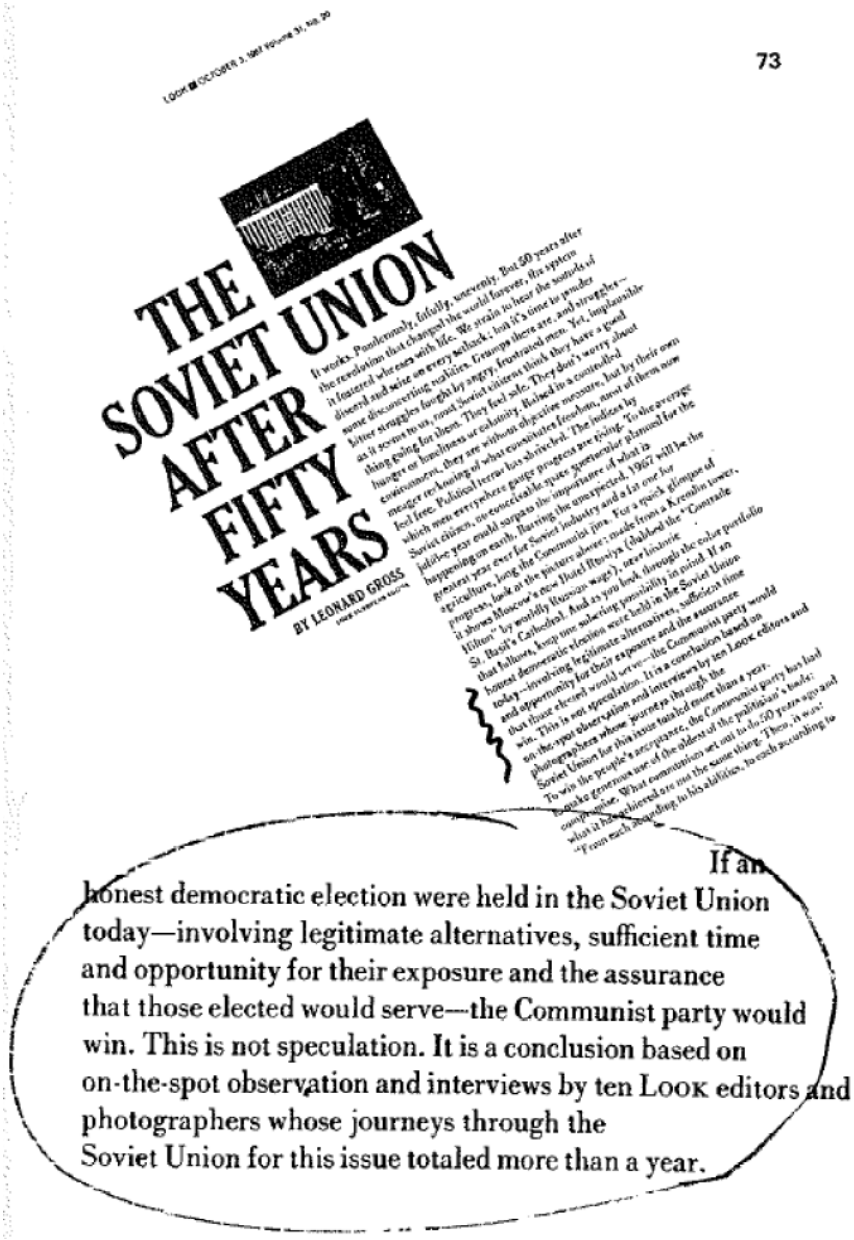
Я открыл журнал на передовой статье. Первые несколько строк пахли нашим пропагандистским моргом. Я перечитывал эти строки много раз, пытаясь убедить себя, что я что-то неправильно понял, что, возможно, я не уловил значение некоторых выражений.

«Это работает. Тяжело, судорожно, неровно. Но спустя пятьдесят лет после революции, которая изменила мир навсегда, система, которую эта революция вскормила, хрипит жизнью. Мы напрягаемся, чтобы услышать звуки разногласий и хватаемся за каждую неудачу; но пора подумать о некоторых сбивающих с толку фактах. Там есть раздраженные, недовольные люди, и там есть борьба – трудная, ожесточенная борьба, которую ведут сердитые, недовольные люди. Все же, как бы неправдоподобно ни показалось бы это нам, большинство советских граждан думает, что их положение хорошее. Они чувствуют себя в безопасности. (!) Они не переживают из-за голода, одиночества или катастроф. Они воспитаны в контролируемом окружении, и у них нет объективного критерия, но своим скудным пониманием того, что составляет свободу, большинство из них сейчас чувствуют себя свободными. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР ОСЛАБЕЛ. Показатели, по которым люди всюду измеряют прогресс, растут. Для среднего советского гражданина никакое мыслимое захватывающее завоевание космоса, запланированное в юбилейный год, не могло превзойти важность того, что происходит на земле...»

Американцы сошли с ума?

«Если бы честные демократические выборы были проведены в Советском Союзе сегодня – с законными альтернативными кандидатами, достаточным временем и возможностью для них появляться на публике, и гарантией того, что те, кого

выберут, будут служить – то Коммунистическая партия победила бы. Это не досужие предположения. Это – вывод, основанный на наблюдениях на местах и на интервью десяти редакторов и фотографов «Look», длительность поездок которых по всему Советскому Союзу для создания этого номера насчитывала в общей сложности больше года».



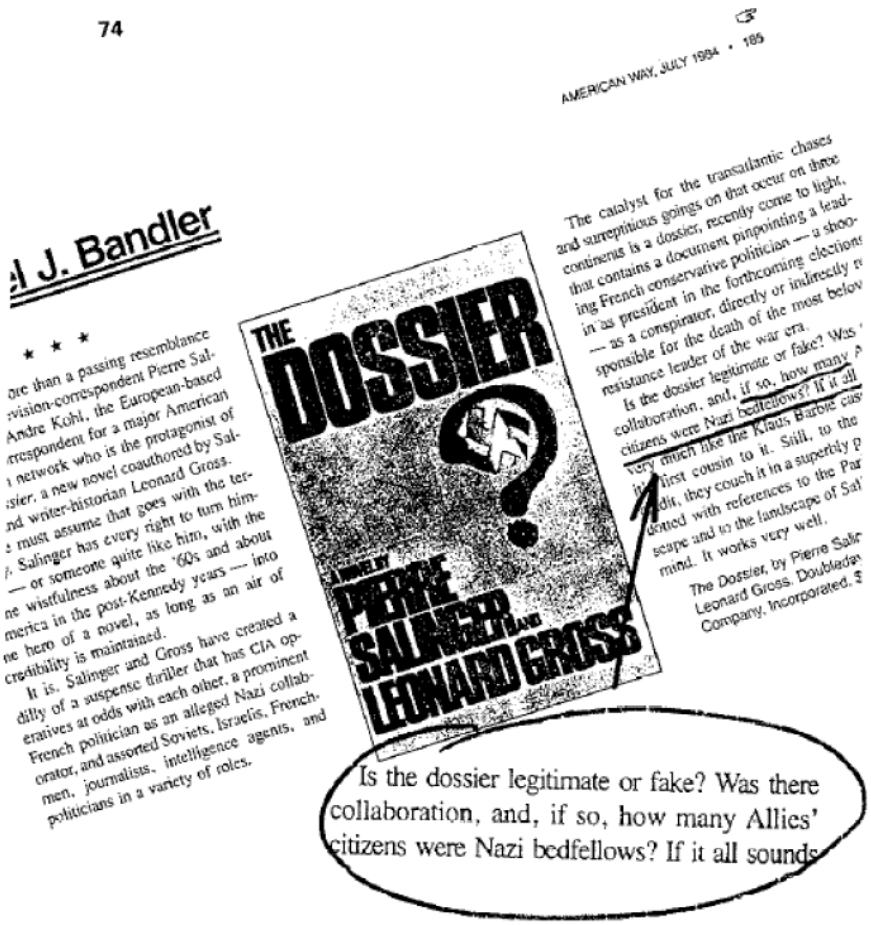
73

THE SOVIET UNION AFTER FIFTY YEARS

BY LEONARD GROSS

If an honest democratic election were held in the Soviet Union today—involving legitimate alternatives, sufficient time and opportunity for their exposure and the assurance that those elected would serve—the Communist party would win. This is not speculation. It is a conclusion based on on-the-spot observation and interviews by ten Look editors and photographers whose journeys through the Soviet Union for this issue totaled more than a year.

Леонард Гросс в «Look». Разве он не знал, что в СССР есть ТОЛЬКО ОДНА партия? Он действительно верил, что мой народ проголосует за то, чтобы привести к власти ту партию, которая убила приблизительно 66 миллионов моих соотечественников?



Вот что господин Гросс пишет сегодня. У меня есть вопрос получше к этому литературному критику: «Сколько американских граждан ЯВЛЯЕТСЯ партнерами коммунистов?»

Это было оскорблением интеллекта моих соотечественников. Официальные факты наполняли весь номер, без какой-либо их проверки. Заголовки, судя по их вкусу, явно происходили с кухни «Новостей». Сфабрикованный «Новостями» опрос общественного мнения был помещен рядом с настоящим американским опросом, чтобы показать, что русские знают о Соединенных Штатах больше, чем американцы знают о России. Советско-американская команда альпинистов совместно поднялась на пик Ленина, символизируя «нормализацию». Американские меховые моды были показаны на советских манекенщицах, как будто такая одежда была доступна в Советском Союзе. Манекенщицы позировали перед религиозными памятниками со скандальной непочтительностью. Водка, икра,

блины и осетр были представлены почти как типичная еда. О диссидентах было сказано, что они не согласны только с методами, но никогда не с целями. И для баланса было признано, что КГБ иногда бывает замешан в какие-то не особо опасные вредные действия за рубежом (и только там): одна статья на одной странице упоминала об этом, без помощи иллюстраций.

Я думал, что этот вид операций был возможен только в Индии и в некоторых африканских странах. Мрачное настроение охватило меня. Мне нужна была поездка в Италию.

НИ ОДНОГО ЗАЙЦА ДВУМЯ ВЫСТРЕЛАМИ

Пятое мая – это один из тех праздников в Советском Союзе, когда все работают, но в календаре он отмечен как «День советской печати», чтобы отдать дань уважения «самой правдивой печати в мире». Приблизительно в 19:00 в этот день, в 1968 году, я за государственный счет ужинал с господином Моханом Кумарамангаламом. Как директор авиакомпании «Air India» и старый друг и «попутчик», он заслужил ресторан «Интурист», с его ярко горящими канделябрами и мраморными колоннами, скорее похожий на то, как будто Лига Наций была переделана в железнодорожный вокзал.

На нашем столе, в хрустальной коллективной могиле, лежали несколько тысяч будущих белуг, украшенных флагом Республики Индия. Вокруг них бутылки минеральной воды, коньяка и советского шампанского («лучшего в мире») наблюдали минуту тишины. Где-то в глубинах шумной кухни, несчастный цыпленок готовился встретить нас в виде «котлеты по-киевски». Оркестр из двадцати человек тайно замышлял помешать нам переваривать пищу, в то время как пожилая певица и ее три подбородка сообщали, что Москва – лучший город в мире.

Бокал был наполнен коньяком в нескольких целях: приветствовать гостя в СССР, предвкушать его посещение советских азиатских республик, восславить культурные достижения советских азиатских республик, в ожидании книги, которую гость обещал написать о культурных достижениях советских азиатских республик, и для тоста за сотрудничество и дружбу между народами Индии и СССР.

Когда мы представлялись друг другу, я сказал господину Кумарамангаламу, что я свое детство провел в Казахстане во время Великой Отечественной войны (так в СССР называют Вторую мировую войну), в то время как мой отец, позже

офицер Генерального штаба защищал родину на фронте. Я был рад, что буду сопровождать нашего гостя на земле моего детства.

Господин Кумарамангалам ответил, что его жизнь была также связана с войной, поскольку его брат был генералом и начальником штаба индийских сухопутных войск.

Я заметил, что на мою жизнь, характер и идеологию сильно повлиял аскетический военный дух (это была грубая ложь). Кроме того, после того, как я окончил среднюю школу, мой отец настоял, чтобы я поступил в военную академию и стал офицером, карьера, которая до недавнего времени была мечтой каждого советского юноши (еще одна ложь).

Господин Кумарамангалам ответил, что в его семье военный дух был не очень популярен.

После еще двух или трех таких коротких обменов репликами я спросил, кто был более важным в его семье, начальник штаба или директор «Air India»? Мог ли Мохан Кумарамангалам влиять на своего брата или наоборот?

- Э,... трудно сказать. В Индии, как вы, вероятно, знаете, система другая. Военные традиционно остаются вне политики, и, фактически, чиновники государственной службы тоже.

- Ах, да, это британская традиция, если я не ошибаюсь, но в нескольких бывших британских колониях военные играли довольно активную роль в политике. Разве они не могут править, если пожелают?

- В Индии это очень маловероятно.

Поэтому я сменил тему, и мы обсудили маршрут нашей будущей поездки. Господин Кумарамангалам больше всего интересовался Самаркандом и Бухарой, но был вполне готов осмотреть оросительные каналы в Узбекистане и Туркмении. Обед прошел в такой «теплой и сердечной атмосфере взаимопонимания», что было трудно сказать, после кофе-глясе, расширилось ли понимание со стороны нашего гостя настолько, чтобы мы могли использовать его так, как мы это планировали.

Мой босс в «Новостях» был рад, что Мохан Кумарамангалам действительно напишет книгу о «достижениях азиатских республик СССР при социализме». Мой контакт в КГБ Эдуард Сидоров продолжал инструктировать меня.

Следующим утром я явился в бухгалтерию «Новостей», воплощенную очень солидной дамой, вооруженной кассовым аппаратом и спрятавшейся в бункере между стен толстых бухгалтерских книг. Я с торжествующим видом нес листок бумаги, на котором были следующие замечания (я напечатал их сам):

«ПРАВЛЕНИЮ АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ «НОВОСТИ» ОТ ОТДЕЛА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Член правления авиакомпании «Air India» господин Кумарамангалам только что закончил свое пребывание в Москве по приглашению Торговой палаты СССР. Прогрессивный политический и общественный деятель Индии, господин Кумарамангалам выразил свою готовность написать ряд статей о советско-индийском техническом сотрудничестве, и, после завершения его переговоров с советскими экспертами по торговле, совершить поездку в советскую Среднюю Азию с целью написания книги об экономическом развитии наших азиатских республик при советской власти.

Отдел Юго-Восточной Азии АПН считает полезным для нашей работы в Индии организовать такую поездку длительностью в две недели с посещением Сочи, Тбилиси, Ашхабада, Ташкента, Самарканда и Москвы.

Мы просим вашей санкции профинансировать поездку в классе «люкс» для гостя и в «туристическом» классе для гида-переводчика, товарища Ю. Безменова, редактора нашего отдела,

Также мы просим выплатить авторские гонорары из нашего фонда за статьи, написанные господином Кумарамангаламом для АПН, которые будут переадресованы исключительно для индийских газет.

Главный редактор В. Махотин

Старший редактор В. Пушков»

Далее листок был украшен подписями и комментариями разных начальников «Новостей»: «рекомендуется», «одобрено», «прошу оплатить» и т.д. Я расписался в соответствующей книге, добавив имя господина Кумарамангалама на деванагари для лучшей аутентичности; дама нетерпеливо отложила книгу в сторону и вручила мне тяжелый конверт, в который она уже вложила «авторский гонорар» нашего гостя. С той же самой волшебной бумагой я побежал на третий этаж, чтобы организовать с финансовым директором такие необходимые вещи как купоны для такси, авиабилеты и бронирование гостиниц, работа при-

близительно на два часа. Затем обратно в мой отдел, чтобы отдать конверт моему непосредственному начальнику товарищу Махотину. Конец первой стадии.

Вторая стадия началась два часа спустя в зале для почетных гостей в «Арагви», одном из лучших ресторанов Москвы, с его грузинско-кавказской кухней. Товарищ Махотин, который бегло говорил на английском языке, вел разговор, пока я наслаждался цыпленком «табака» с сухим грузинским вином. Через какое-то время товарищ Махотин небрежно вытащил конверт и пошутил: «мелочь на дорогу». Гость взял конверт, засунул его в карман, и продолжал обсуждать детали путешествия без какого-либо явного усиления энтузиазма, дипломатично избегая обещаний о содержании его книги. Я пил и размышлял, насколько замечательно было бы, если бы все «прогрессивные» шлюхи, посещающие мою страну, могли вести себя так, не давая никаких обязательств. Игра в кошки-мышки закончилась дипломатичной формулировкой, что содержание книги господина Кумарамалангама будет зависеть от многих вещей; товарищ Махотин бросил на меня веселый взгляд следователя КГБ и закончил тем, что действительно многое будет зависеть от умений гида-переводчика.

Я был готов, способен и очень хотел сделать что-либо, чтобы предотвратить публикацию книги со сладкой ложью о моей стране, напечатанную от имени столь приятного и умного индийца, и ответил тостом на замечание своего босса.

Господин Кумарамангалам наслаждался своим посещением исторических памятников Самарканда и Бухары, Ашхабад и Тбилиси; мы избегали большинства «дежурных» достопримечательностей, таких как «типичные и средние» колхозы и детские сады, посредством разумного планирования головных болей господина Кумарамангалама и таких же болей его жены. Товарищ Махотин был счастлив, поскольку наш гость продолжал обещать написать свою книгу. Я был рад провести две недели подальше от «Новостей». Только товарищ Сидоров был недоволен, получив от меня следующий отчет:

1. Влияние Кумарамангалама на военных в Индии, по его словам, незначительно. Отношения с братом, генералом Кумарамангаламом, сердечные, но влияние – неопределенное.

2. Покупка советских авиалайнеров индийской авиакомпанией «Air India», по словам гостя, только в очень небольшой степени зависит от его личного решения. Последнее слово после технических экспертов скажут правление директоров и индийские средства массовой информации. Было рекомендовано устроить показательный тур самолетов «Ильюшина» и «Туполева» в Индии со свободным входом для отобранной группы журналистов и общественных деятелей.

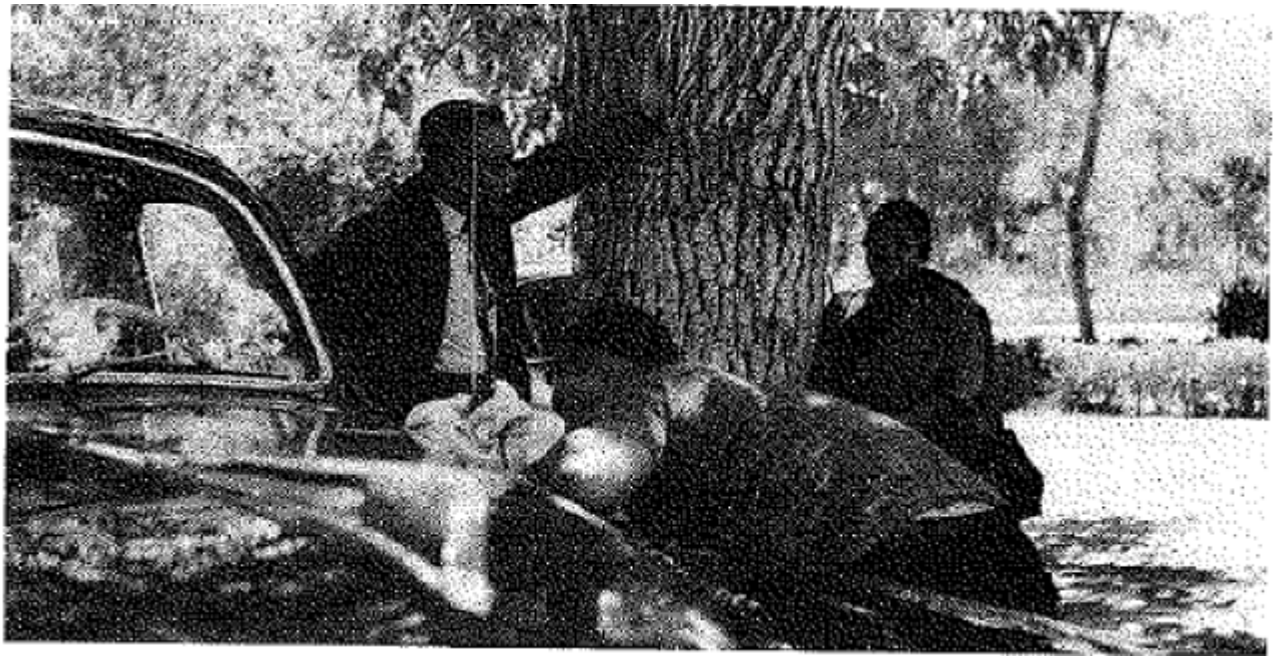
Во время поездки по Советскому Союзу характеристики некоторых советских самолетов на внутренних авиалиниях были отнюдь не удовлетворительными, по словам гостя.

3. Личные недостатки и слабости гостя можно не принимать в расчет. Он счастлив в браке и умерен в потреблении алкоголя. Его финансовое положение слишком обеспечено, чтобы заинтересовать его гонорарами и лицензионными платежами АПН. Во время обсуждения возможной публикации его книги по СССР упоминались пятизначные денежные суммы. Желание стать известным писателем – незначительно.

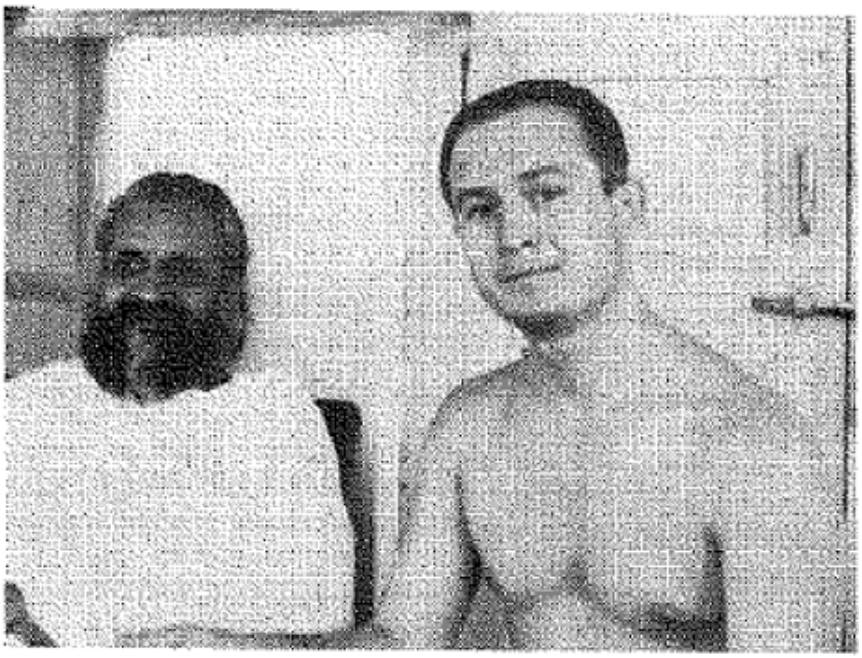
КГБ не оставлял господина Кумарамангалама в покое, несмотря на пессимизм моего отчета. Ухаживания продолжились в Нью-Дели, когда я прибыл туда в 1969 году. Советское торговое представительство организовало «выставочный полет». Там было много выпивки, но и это не помогло: в одной из главных индийских газет был опубликован отчет в очень деловом тоне, где сравнивались технические характеристики «Ильюшина», американского «Боинга» и самолета VC-10 британского производства. Оказалось, что советский самолет потреблял намного больше топлива, использовал более длинные взлетно-посадочные полосы, его выхлопные газы больше загрязняли окружающую среду, он производил больше шума, и звукоизоляция у него была хуже, чем у его конкурентов. Статья заканчивалась весьма неодобрительным замечанием: «Советские самолеты могут быть прекрасными как бомбардировщики, но они, несомненно, паршивы в качестве пассажирских самолетов».

Советское торговое представительство было в ярости; но «Air India» все еще не купила советские самолеты. Я был втайне рад, что индийская «демократия» сработала, и что путь к социализму там хотя бы ненамного удлинился.

Что касается господина Кумарамангалама, то КГБ и «Новости» продолжали надоедать ему, пока он не погиб в таинственной авиакатастрофе приблизительно семь лет спустя.



Два знаменитых индийца, которые были мишенями АПН-КГБ для идеологического «анализа»: Мохан Кумарамангалам (вверху), и Манриши Махеш Йоги (внизу).



ВО ИМЯ МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ

Приблизительно в 16:00, когда я уже почти закончил свой ежедневный марафон по коридорам «Новостей» и медитировал над кучей «закрытых» депеш ТАСС, новостных сообщений, предназначенных только для достойных доверия глаз, мой телефон требовательно зазвонил.

Это был товарищ Сидоров. Он сообщил мне, своим обычным голосом, представлявшим собой смесь сиропа и яда, что хотел бы встретиться со мной приблизительно в пять часов, где-то между Пушкинской площадью и Петровкой. Когда я приблизился к месту рандеву, Эдуард Иванович принялся расспрашивать меня о состоянии моего здоровья и расположения, и о том, не надоела ли мне моя ежедневная рутина

Министр обороны Индии Сваран Сингх прибыл в Москву с большой свитой военных экспертов, в мундирах и в штатском. Товарищ Сидоров хотел, чтобы я сопровождал эту делегацию как «репортер» для «Новостей». Товарищ Сидоров не мог надеяться, что «Новости» откомандируют меня на эту работу, и я не хотел спрашивать его, кто будет стоять за мной. Позволить ему получить все это таким способом было строго против моих принципов.

Я разыгрывал из себя саму скромность:

- Ради бога, Эдуард Иванович! – сказал я, пытаясь выглядеть лояльным, преданным, скромным и честным, – в нашей организации есть еще так много более достойных людей, которые лучше подошли бы для такой почетной работы. У меня просто нет такого опыта, или, даже можно сказать, нет такого партийного положения, как у моих коллег…

- Эта работа, Юрий Александрович, требует не столько опыта или партийного положения, – ответил шпион искренним тоном, – сколько хорошего музыкального слуха и досконального знания разговорных индийских языков. Понимаете, все, что мы хотим от вас во время этой поездки, это присутствовать во время официальных и других встреч между индийцами и нашими ребятами, и обращать предельное внимание на то, что они говорят о наших военных технологиях. Попытайтесь выяснить, кто настоящий эксперт, а кто просто бюрократ. Я надеюсь, с вашими знаниями военной терминологии, которую вам преподавали в Институте восточных языков, это не будет трудно. Вы же все еще не забыли хотя бы часть этого?

- О, что вы говорите, Эдуард Иванович! Как я мог бы забыть такой интересный предмет!

Товарищ Сидоров уставился на меня своими глазами удава, но решил не замечать мой сарказм.

- Что-либо любопытное, все равно что, что вы заметите о членах делегации, их политических и идеологических взглядах, об их отношении к нашей стране, их личных качествах, что-то, что может дать нашему Комитету более полную картину визита и состава группы.

- Ах, да, последняя просьба, – сказал Сидоров решительно. – Там будет молодой второй секретарь индийского посольства, вы его знаете, вероятно, по неофициальным приемам. Ему только двадцать пять лет, но он уже довольно многообещающая фигура в посольстве. Попытайтесь быть дружелюбным по отношению к нему и хорошенько к нему приглядывайтесь, хорошо?

- Конечно, нет проблем, – сказал я, и Эдуард Иванович еще раз просверлил меня своими острыми маленькими глазками и носом, кивнул и исчез в московской толпе.

Я никогда еще не видел, как продают оружие. Я видел только результаты таких сделок – на фотографиях войны во Вьетнаме в иностранных и советских журналах. Кроме того, когда я читал о «самоотверженной и последовательной поддержке национально-освободительных движений во всем мире», я знал, что на самом деле это означало поставлять автоматы АК-47 всем видам кровожадных «прогрессивных», отчаянно рвущихся к власти.

К одиннадцати часам утра вереница черных лимузинов медленно и тихо подкатила к серому монстру Министерства обороны СССР на Арбатской площади. Индийские гости прошли длинной цепочкой, один за другим, согласно старшинству, через тяжелую дубовую и бронзовую дверь, открытую в знак гостеприимства. Сержанты охраны стояли по стойке «смирно», с бесчувственными глазами каннибалов.

Делегация медленно прошла на второй этаж, по такой широкой лестнице, которую только можно себе представить, украшенной неизбежной красной ковровой дорожкой и ведущей прямо в гигантский конференц-зал. Вдоль бесконечного стола для переговоров, с его красным скатертью, стояли тяжелые стулья, и перед каждым, симметрично разложенные блокноты и карандаши. Минеральная вода и стаканы тоже были обеспечены.

Племя гостей выстроилось для фотографов. Через полминуты противоположная дверь в зал медленно открылась, и вошла группа наших вождей, во главе с маршалом Гречко. Все они были украшены костями съеденных врагов и высушенными черепами товарища Ленина на груди. Советский министр-солдат приблизился к индийскому министру-бюрократу, и я увидел крошечную струйку мочи, льющуюся на паркетный пол от гостя, который судорожно плясал в пижаме Неру. Советский министр врезался в гостя, схватил его уже протянутую руку и показал свои зубы ему и фотографам. Затем последовали вспышки. Гости и хозяева выстроились в линию для «прессы» и снова показали зубы, советские – с лучезарной улыбкой, индийцы – более скромно. Следующим утром большая фотография появится в «Правде», и даст западным кремленологам повод поразмышлять.

Через минуту все милитаристы уселись за столом, и начали произносить слова без смысла, слова, значение которых было изменено, и слова, которые были умышленно перевраны. «Верно соблюдая принципы пролетарского интернационализма…, последовательно следуя курсом Коммунистической партии Советского Союза, направленного на мирное сосуществование…, будучи в авангарде сил мира и прогресса... выполняя наш долг перед всем прогрессивным человечеством… победоносный советский народ… рука дружбы... народы Азии, Африки и Латинской Америки... братское сотрудничество между Республикой Индия и СССР…»

Индийский военный министр отвечал:

«Следуя по пути независимого развития... в интересах сохранения суверенитета и территориальной целостности... учитывая определенные агрессивные тенденции… ради мира и прогресса... неприсоединение к военным блоками.

Своим внутренним ухом я слышал:

Советский дикарь: Мы самые сильные, все нас боятся, мы помогаем всем, кто боится нас, и кто помогает нам держать остальную часть племен в страхе. Лучше купите наши отравленные стрелы, а то мы вас изобьем до полусмерти.

Индийский дикарь: Да, вы сильны, но мы не хотим быть обязанными вам. Мы хотим покупать отравленные стрелы везде, где мы сами захотим. Кроме того, если бы не наш недружелюбный ближайший сосед, нам вообще не нужны были бы никакие стрелы. Но в любом случае спасибо, и, пожалуйста, не делайте нам больно!

Гречко мог затем показать зубы, зарычать и укусить своего индийского коллегу за ногу. Сваран Сингх тогда дружески залаял бы, и ушел бы, поджав хвост.

Торг продлился девяносто минут.

Значение поручения товарища Сидорова стало ясно для меня в Севастополе, куда индийскую делегацию привезли для осмотра многочисленных военных кораблей, предлагаемых для продажи. Там были торпедные катера, крейсеры, подводные лодки и ракетные катера, все недавно покрашенные и сияющие для гостей.

Во время инспекционного тура некоторые члены делегации были явно впечатлены. Они касались железных монстров с уважением, гладили круглые корпуса ракет и заполняли многочисленные блокноты цифрами о том, сколько людей могла бы убить та или эта ракета. Казалось, что статистические данные, называемые советскими продавцами, были удовлетворительными. Но несколько раз я подслушал, как индийцы спокойно говорили друг другу на языке хиндустани такие слова как «ниже стандартов», «барахло» и «неудобный». Эти офицеры, такой вывод я сделал, хотели обеспечивать территориальную целостность Индии в более удобных кораблях, приспособленных к использованию взаимозаменяемых частей, купленных в других странах. Очевидно, «прогрессивность» и патриотизм этих офицеров еще не достигли такого уровня, когда каждый понимает, что такие пустяки как комфорт моряков (они ведь все равно умрут, не так ли?) не имеет никакого отношения к «исторически неизбежному движению национального освобождения по пути к светлому будущему всего человечества».

Во время роскошного банкета на борту сияющего крейсера я был усажен между индийскими и советскими офицерами и действовал как переводчик, позволяя официальным лицам схватить кусок и сделать большой глоток вина между церемониальными замечаниями. Через час или два обе стороны стали менее формальными, и индийская сторона стала более симпатизировать идее покупки советского вооружения. Я спросил советского офицера рядом со мной, правда ли, что некоторые из катеров, предлагаемых Индии, больше не производились и не состояли на вооружении в СССР и были списаны из советского флота. Жуя кусок сваренной на пару белуги, офицер внимательно посмотрел на меня, заметил значок «Новостей» на моем нагрудном кармане, и портативный магнитофон, свисающий с моего плеча, затем потянулся к бутылке водки, вылил ее в столько рюмок, до скольких он смог добраться, наклонил рюмку и провозгласил тост: «За мир во всем мире! За наше передовое оборонительное вооружение!»

Кто же откажется выпить под такой тост?

Датский политический карикатурист Херлуф Бидструп, благодаря любезности «Новостей», публикуется в советской газете «Правда». Советский художник, если бы опубликовал что-то подобное в «Нью-Йорк Таймс», получил бы семь лет тюрьмы.

ЗАРЯ РАЗРЯДКИ

Товарищ Сидоров хотел, чтобы я в течение следующей недели повстречался бы с как можно большим количеством индийских дипломатов и провел бы среди них своего рода «опрос общественного мнения» по вопросу: «Как индийское правительство отреагировало бы, если бы советское правительство активно вмешалось в Чехословакии, чтобы прекратить деятельность антисоветских и антисоциалистических элементов в этой стране?» Я знал из отчетов ТАСС и из иностранных радиопередач, что советские войска были выведены из Чехословакии после довольно продолжительных «оборонительных военных учений» у западногерманской границы, которые проводились под предлогом, что войска НАТО тогда тоже проводили свои собственные военные игры. Но войска НАТО давно ушли, чехи были более или менее довольны, и у нас в «Новостях» сложилось впечатление, что Дубчеку сойдут с рук его либеральные реформы. Что могло бы означать «активное вмешательство» у товарища Сидорова? Вторжение? Невозможно! Чистки под наблюдением КГБ? Слишком старомодно, очень маловероятно. Тогда что?..

«Хорошо», сказал я самому себе, «какой возможный вред мог бы я причинить Чехословакии или Индии, если задам моим индийским друзьям несколько политических вопросов?» Так я и сделал. Ни один из них даже не предположил, что Индия могла бы возразить или осудить советское «активное вмешательство», даже когда я по своей собственной инициативе предположил, что это могло бы означать.

Товарищ Сидоров, казалось, был удовлетворен моим отчетом о реакции индийских дипломатов. И я удобно забыл об этой теме.

20 августа мне позвонил человек, имя которого я едва мог вспомнить. Мы встретились в университете Дели в 1964 году. Он тогда представился как Игорь Иванов, студент из Москвы, который прибыл в Индию по «культурному обмену». Игорь был высоким, голубоглазым и арийским «юберменшем» с белокурыми волосами, с сильными челюстями и спортивным телом. Он отпускал глупые шутки на ломаном хинди и непочтительно обращался к сикхскому таксисту, называя его «тум» и «сардар». Насколько я помнил, Игорь проводил большую часть своего времени на вечеринках студентов, где молодые радикалы обсуждали политику. Для развлечения Игорь коллекционировал порнографические журналы, которые продавались на тротуарах в районе Коннот-Плейс. Это было все, что я мог вспомнить об Игоре Иванове (вероятно, ненастоящее его имя), пока я шел на встречу с ним в «Доме дружбы» на Калининском проспекте. Я не помню точно, что было поводом для мероприятия там в тот день: вероятно,

подписание какого-нибудь нового советско-индийский протокола о дружбе и сотрудничестве, или празднование годовщины старого.

Я встретил Игоря после торжественной части вечера в подвальном кафетерии с баром, и он представил меня группе африканских и азиатских студентов из университета имени Патриса Лумумбы. Мы ни о чем не говорили некоторое время, африканцы смертельно скучали и показывали это. Индийцы были более вежливыми. Примерно через полчаса Игорь подошел ко мне и прошептал, что он и африканцы уезжают на частную вечеринку в чьей-то квартире, и что меня туда тоже приглашают. Это меня устраивало, и мы спокойно уехали.

Вечеринка, как оказалось, была сборищем студентов из университета Лумумбы, празднующих окончание предварительного курса. Также там было несколько латиноамериканцев. Девушки были главным образом русскими; они были смело одеты в «загнивающем американском стиле». Они представились как студентки, но я немедленно узнал в них «ласточек». Музыка была громкой и по-декадентски западной. Я едва мог слышать Игоря, когда он представил меня группе студентов из Сомали или Мозамбика, все они изучали «политическую экономию и философию». Философы были довольно необщительны. Они были слишком заняты тем, что глазели на девушек, жевали резинку и трясли своими мускулистыми телами в ритм музыки. Когда они танцевали, они делали это хорошо. Их «язык тела» говорил о просыпающемся духе Африки. По сравнению с этими ребятами наши русские девушки были похожи на коров на льду, но одетых в иностранные эластичные юбки и синие джинсы.

К десяти часам большинство гостей и хозяев были уже достаточно пьяными, и я заметил, что смешанные пары, одна за другой, исчезали в другой комнате или, если она была занята, в ванной. Они возвращались немного возбужденные пролетарским интернационализмом. Следуя примеру моих африканских братьев, я попытался добиться расположения одной из девушек на кухне, но после уклончивого поцелуя и поверхностного исследования анатомии друг друга, «ласточка» оттолкнула меня с неожиданной силой, шепча нетерпеливо: «Не здесь, в другой раз!», и дала мне свой номер телефона (который, как я был уверен, был ненастоящим).

Приблизительно в час ночи гости начали уезжать. Музыку сделали тише, как приглушили и свет в комнате для гостей. Ритм танцев стал медленным и интимным. Я смешал себе водку с лимоном и пошел по квартире в поисках Игоря, который сказал, что хотел бы поговорить со мной. Я нашел его на балконе, заигрывающим с привлекательной молодой коммунисткой из Латинской Америки. Я извинился и хотел уйти, чтобы не мешать их дружбе между народами, но Игорь

остановил меня. Он отпустил девушку, и она спокойно ушла в комнату для гостей в направлении стола со спиртным.

- Эдуард Иванович передает вам свои наилучшие пожелания, – сказал Игорь в качестве пароля. – Он сейчас в отпуске, в Сочи.

Я предложил принести Игорю стакан водки, но он сказал, что не пьет.

- Алкоголь убивает клетки головного мозга, знаете, – сказал он, улыбаясь. (И я подумал, почему это должно остановить тебя?)

Он выслушал мой рассказ о приключениях с иностранными дипломатами довольно безразлично. И при этом он не был впечатлен, когда я рассказал ему, как успешно я распространил сочиненный КГБ слух, что советский премьер-министр планирует послать приглашение президенту США, чтобы тот посетил Москву в следующем месяце. Традиционная формула «надежных источников», в комбинации с моей работой в АПН и некоторыми реальными контактами в Министерстве иностранных дел, работала отлично...

- Это очень хорошо. Юрий Александрович, – сказал он, – но теперь, если вы хотите, вы можете сделать еще один шаг дальше и делать работу несколько иного характера для государственной безопасности. Мы наблюдали за вашей работой с иностранцами, и мы думаем, что вы могли бы выполнять более интеллектуально стимулирующую работу.

- Я не уверен насчет «шага дальше». ... Видите ли, Игорь, Комитет может, вероятно, знать, что я...

- Ваш вредный характер известен, но это не имело бы значения. Теперь, после нескольких лет работы с иностранцами, и дома и за границей, вы, вероятно, заметили, что многие из них – довольно слабые люди. Им не хватает того, что мы называем «идеологическим стержнем».

- Что-то в этом роде приходило мне в голову, верно. Но я предполагаю, что есть более достойные люди за границей, возможно даже некоторые «талантливые и сильные противники»?

- Талантливые противники – это забота другого управления КГБ; мы сначала будем усердно работать со слабыми друзьями, иностранными друзьями, которые нуждаются в нашем подспорье и моральной поддержке.

- Понятно, – сказал я. У меня было впечатление, что Игорь наслаждался своей ролью лектора, поэтому я дал ему высказаться.

- Вы, вероятно, уже заметили, что наш советский человек, со всеми его недостатками, является существом более высокого порядка, чем они. Даже наш советский хулиган и алкоголик (здесь Игорь ткнул пальцем мне в грудь, чтобы предложить пример) является в основном честным и свободным человеком, наслаждающимся свободой истинного вида, приобретенной путем научного познания действительности. Мы, советские люди, в состоянии пожертвовать нашими личными интересами ради интересов нашего общества, пожертвовать нашим настоящим ради нашего светлого будущего. Они (Игорь сделал неопределенный жест в сторону танцующих иностранцев) этого не могут.

Патрис Лумумба, коммунистическая марионетка в Конго, путешествует от одного бара в Леопольдвиле (сейчас Киншаса) к другому, вербуя сторонников.

В московском университете, названном его именем и в его «честь», тренируются тысячи массовых убийц.

- Обобщения такого рода вне моей компетентности...

- Почитайте газеты! Американцы во Вьетнаме, стране, которой они буквально обладали и могли уничтожить ее, не могут вести войну без пива и женщин! И наркотиков. Они – пешки, расходный материал, пушечное мясо...

- Ладно... Так что? (Я все еще задавался вопросом, что именно, черт возьми, КГБ хотел от меня теперь.)

- Вот что: мы – это лучший и более сильный вид людей. Лично вас, например, со всеми вашими слабостями, я предпочел бы большинству всех этих так называемых «друзей» нашей страны, многих из которых вам доводилось сопровождать как переводчику и одновременно слуге.

- Так?

- Скажем, если мы пригласим некоего Жан-Поля Сартра на конференцию прогрессивных писателей, то он приедет со своим носом, дрожащим от восхищения, и напишет и заявит публично что-то, о чем мы его попросим – о наших достижениях. Но попробуйте такую же уловку с вами: разве вы дали бы интервью «Голосу Америки»?

- Конечно, нет, – ответил я. (Дешевый провокатор!)

- Вот видите! – воскликнул Игорь, как будто он доказал какой-то очень важный момент,

- Шаг дальше, – сказал я уныло,

- Да. Шаг дальше, Юрий Александрович, если вы решитесь его сделать, означал бы, что вы должны будете не только следить за иностранными гостями и сообщать нам о них, но также еще и играть несколько более активную роль в их процессе переориентации, используя их слабости и личные особенности. Это трудная работа, если хотите, похожая на работу психолога или учителя в школе для умственно отсталых детей.

- Понимаю, – сказал я задумчиво, не понимая, зачем нам нужны умственно отсталые друзья.

- Видите ли, мы не позволяем изменникам и антисоветским элементам подрывать наш общественный строй, провозглашая так называемые «права» преступников, педерастов и предателей. Но на Западе их президенты носятся с каждым дебилом, обмениваются рукопожатиями и с хиппи, и с прогрессивными писателями, с неофашистами и с коммунистами. Поэтому мы тоже не можем позволить

себе игнорировать любого иностранца, пока он может и готов быть переносчиком, распространителем наших идей.

- У меня такое впечатление, – сказал я, – что многие достаточно прогрессивно мыслящие иностранцы предпочли бы, чтобы их имена не ассоциировались с нами, с Агентством печати «Новости» в особенности.

- О, это положение изменится, – сказал Игорь убежденным тоном, – оно уже меняется. Во времена «культа» наш комитет использовал старомодные методы, основанные на предположении, что «ничто человеческое не чуждо нашим друзьям и противникам: всем хочется получить немного дополнительных денег, хорошую еду, компанию молодой девушки, возможно, репутацию известного гуманиста. И если это не работало, то у нас обычно были, и все еще есть и будут прекрасные досье на каждого из них, и мы без колебаний можем передать эти досье их ищущим сенсации средствам массовой информации.

- Теперь это происходит несколько иначе?

- Ну, в некотором смысле, да. Вы сможете скоро узнать об этом на инструктаже у вас в «Новостях» – новый политический курс.

- Ослабление международной напряженности? Сближение?

- Не только это. Последнее ключевое слово – «разрядка». Большие, очень большие люди будут танцевать под нашу музыку. Вы увидите, такие люди как Вилли Брандт, Никсон, Эд Кеннеди, Помпиду, тот канадский пидор Трюдо. Не говоря уже о всяком мелком дерьме, вроде либеральных университетских профессоров, людей из СМИ, актеров, адвокатов, бизнесменов, и, конечно, студентов.

- Игорь, – сказал я, притворяясь более пьяным, чем я был на самом деле. – Вам не кажется, что это отвратительно?

- Этическая сторона этой работы, Юрий Александрович, может вызвать у вас некоторое беспокойство и часто поднимать вопрос «быть или не быть» с нашим Комитетом. Но помните, что любая респектабельная мировая держава, а мы тоже такая держава, должна иметь свою разведывательную службу, и при любой политической системе эти службы используют методы, которые являются, мягко говоря, далеко не «кошерными».

- Мог бы я попросить вас сказать что-то более определенное о моей работе.

- Да. Мы хотим, для начала, чтобы вы проверяли молодых «черножопых», включая компанию из «Лумумбы», и, используя ваше прикрытие в «Новостях» и вашу проницательность, выбирали из них тех, кто подошел бы для дальнейшего обучения в наших центрах для лидеров сил национального освобождения.

- Почему я? Разве у вас не достаточно ваших людей внутри «Лумумбы»?

- Мы хотим получить ваше мнение о них из определенной перспективы. Мы хотим, чтобы вы, как журналист и специалист по пропаганде, оценили их способность быть идеологически эффективными.

- Ну, большинство из них было прозондировано на предмет идеологии, как я понимаю, еще до того, как их приняли в «Лумумбу». Или вы хотите, чтобы я дальше отбирал еще более преданных марксистов?

- Нет…, как раз наоборот. Нам нужны люди, которые могут простодушно, невинным тоном, назвать белое черным, и заставить других поверить в это. Нам не нужны искренне верящие, фанатики: они превращаются в наихудших врагов, если и когда теряют свои иллюзии. Мы хотим идеологических работников, мотивированных простыми, постоянными и надежными инстинктами: желанием власти и способностью выжить. Плюс способность использовать идеологические пропагандистские методы таким путем, как вы это делаете в «Новостях». Это – один из наиболее важных факторов нашей будущей работы в развивающихся странах, согласно последней установке Центрального Комитета.

- Да. Я понимаю, – сказал я, заметив, что мой стакан пуст. – Я подумаю над этим и скоро сообщу.

- Очень хорошо, Юрий Александрович. Пожалуйста, позвоните Сидорову, когда вы будете готовы, хорошо?

На балконе становилось холодно, поэтому я попрощался с Игорем и ушел в комнату для гостей, где будущие освободители Третьего мира танцевали, щека к щеке, с девушками КГБ под блюз из США. Комната пахла потом, дымом, алкоголем и пролетарской солидарностью. Я налил себе крепкой водки и вылил ее в свое горло, выпив сразу же после этого немного рассола. Никто не обратил на меня внимания, когда я выскользнул из квартиры и пошел по сонной Москве. Спи спокойно, дорогая Москва. Я и Игорь бдительно охраняют твою безопасность от империалистов.

В ожидании приказа начать бойню, явно настолько уверенные в своей безопасности, что они даже не опасаются снайперов, которые могли спрятаться в разрушенных артобстрелом зданиях вокруг них, русские танкисты стоят у своих машин.

Следующим утром я услышал по коротковолновому радиоприемнику о советском вторжении в Чехословакию. Полный слез голос девушки-диктора с Пражского радио просил безразличный мир: «Это «Радио Прага». Братские радиостанции в Югославии, Румынии, Венгрии! Пожалуйста, сообщите миру о нашей трагедии. Пожалуйста, помогите нам связаться с народами в братских социалистических странах... Это наша последняя радиопередача... Советские танки стреляют по окнам нашей радиостанции... Да здравствует Дубчек! Да здравствует социализм! Да здравствует Чехословакия!»

Четыре дня спустя один коллега из «Новостей» представил меня своей подруге Гале, только что вернувшейся из Праги на советском бронетранспортере. Она дрожала и плакала, описывая ночь вторжения. И тот позор, который она почувствовала, как преподавательница русского языка в Пражском университете, когда ее студенты вышли из ее класса утром после вторжения.

Беспомощный гнев охватил меня. Что может сделать такой маленький человек как я, чтобы остановить это безумие? Сжечь себя в знак протеста на Красной площади? Взорвать Кремль? Безнадежно. Этот мир, как сказал бы один мой индийский друг, прогрессивно сходит с ума...

К концу дня мое решение созрело: я соглашусь на новую работу КГБ. Я запомню каждого черножопого сукиного сына лично. Я сделаю их фотографии, если возможно, и после побега на Запад я скажу миру, кто такие эти кадры «черного большинства» и «освободители народов»! И что эти шлюхи делали в моей стране, помимо того, что трахались с «ласточками» КГБ.

Продолжение следует...

Продолжение следует…

«Война – это путь обмана. Борьба на поле битвы – это самый примитивный способ вести войну. Нет никакого искусства выше, чем уничтожить врага без сражения – ПОДРЫВАЯ все ценности в стране врага».

Сунь-Цзы, китайский философ, 500 год до н.э.

«Мы редко используем оружие, чтобы убить людей и захватить их страну. Самый чистый путь состоит в том, чтобы шантажировать, извращать, подкупать, лгать и запугивать ПОЛИТИКОВ и СМИ, и они дестабилизируют и развалят их собственную страну для нас. Тогда все, что нам остается сделать, это вооружить

прокоммунистические или просто преступные фракции, и у нас есть удавшийся переворот и еще одна «освобожденная» страна. Все так изящно и просто».

Юрий Безменов, бывший агент АПН-КГБ

Какая война бушует между 1945 годом и... теперь? Ах, только одна треть человечества была завоевана! Это вообще никакая не война. Только мирное освобождение.

Лев Наврозов, советский писатель-диссидент

Психологическая война, форма «тайной» операции, которое ломает внутреннюю обороноспособность противоположной стороны без единого выстрела, ведется советским коммунизмом всюду через коммуникационные СМИ других стран.

Джон Рис, «Точность в СМИ», Вашингтон

Получает ли действительно какой-то журналист, политик или бизнесмен жалование от КГБ или нет, помогает ли он распространять коммунизм по доброй воле, из невежества или ради прибыли, пойман ли он и наказан или на свободе и счастлив – это все не имеет никакого значения в случае ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. То, что имеет значение, это окончательный вектор Истории, сумма наших индивидуальных действий, решений, заявлений, нашего компромисса с нашей совестью. И именно в этом каждый из нас несет ответственность перед будущим и перед Богом.

Алекс Косачёв, русский поэт-эмигрант

ТОМАС ШУМАН лично участвовал в пропагандистских усилиях СССР, осуществлявшихся по всему миру. Как настоящий Уинстон Смит из романа Джорджа Оруэлла «1984», Томас Шуман работал на коммунистический эквивалент оруэлловского Министерства правды – Агентство печати «Новости» (АПН). «Новости» существуют для того, чтобы сочинять клеветнические и лживые истории и подсовывать их западным СМИ. Такие усилия КГБ называются «дезинформацией».

Юрий Безменов (псевдоним Томас Шуман) родился в 1939 году в Москве в семье высокопоставленного офицера Генерального штаба Советской Армии. Поэтому он учился в хороших школах. В 17 лет он поступил в престижный Инсти-

тут восточных языков Московского государственного университета, специализируясь на языках Индии и Пакистана.

После окончания учебы он работал в АПН, затем провел два года в Индии как переводчик и пресс-агент советской организации, занимающейся строительством нефтеперерабатывающих заводов. Он вернулся в Москву в 1965 году, чтобы снова работать на «Новости» на должности редактора по вопросам экономики, пишущего на языке хинди. В 1969 году он вернулся в Индию и продолжал заниматься пропагандой для «Новостей» в Нью-Дели, работая из советского посольства в отделе, называвшемся «исследования и контрпропаганда». Из-за растущего отвращения к этой деятельности он решил сбежать. В феврале 1970 года он с помощью парика и бороды замаскировался под хиппи и присоединился к группе американских хиппи, чтобы сбежать в Афины. Он связался с американским посольством и после длительных опросов в американской разведке получил политическое убежище и переселился в Канаду.

В Канаде он два года изучал политические науки в университете Торонто, преподавал русский язык и литературу, и в 1972 году был нанят международной службой Канадской радиовещательной корпорации в качестве продюсера. КГБ заставил его оставить эту работу в 1976 году, после чего он начал карьеру свободного журналиста и работал над многими проектами.

Томас Шуман отвечает на письма читателей

В настоящее время Шуман – внештатный автор и обозреватель американской русскоязычной еженедельной газеты «Панорама», выходящей в Лос-Анджелесе. Он женат, у него двое детей. Он автор двух пока еще не опубликованных книг.

Посетите Библиотеку Велесовой Слободы, где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также Архив сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> **Новости сайта Велесова Слобода**.